

ИДИ ДЕ ЕТЬЕ

ПРЕДУИИ

Анри де Ренье

Грешница

В иные времена мы оплакиваем погибшие отрады,

в иные – содеянные грехи. Сент-Эвремон

I

Меня всегда настолько занимали особенности, присущие женскому характеру, что я никогда не упускал возможности узнать что-нибудь новое на этот счет. И я давно заметил, что нет области, в которой бы лучше и нагляднее обнаруживалось то, какими создала их природа, чем область любви. Причины, по которым женщина любит, то, как она это делает, то, как она себя при этом ведет, – все это позволяет нам особенно ясно увидеть ее и разгадать. Нигде женщина не сказывается с такой отчетливостью, как здесь, и ни про одну из них нельзя утверждать, что знаешь ее вполне, если не быть осведомленным о том, как она себя держит в подобных случаях.

Уверенность в этом постоянно побуждала меня тщательно собирать и мысленно приводить в порядок анекдоты и истории, относящиеся к любви. Их немало рассказывается повсюду, и если только слушать, можно услышать превосходнейшие. Поэтому и мне довелось узнать достаточно, и я запомнил изрядное их число, но ни одна история не казалась мне столь любопытной и замечательной, как история мадам де Сегиран и мсье де Ла Пэжоди, и столь убеждающей в том, что женщины – весьма странные и причудливые существа. Я даже скажу, что едва ли придал бы веру этому роману, если бы сам не слышал его из уст покойного мсье де Ларсфига, моего родственника.

Мсье де Ларсфиг знал действующих лиц этого происшествия, случившегося неподалеку от Экса лет тридцать тому назад: как мсье де Ла Пэжоди, так и вторую мадам де Сегиран и ее мужа, графа де Сегирана, и брата последнего, которого звали кавалером Момороном и который был капитаном галерного флота, и молодого Паламеда д'Эскандо. В юности своей мсье де Ларсфиг был свидетелем некоторых из этих событий, а об остальных дознался из самых верных источников. Это был, к тому же, человек большого ума и высокого рассудка, и свою должность в эксском парламенте, президентом которого он и умер, всегда отправлял с неукоснительностью, достойной воздававшихся ему похвал и того сана, которым был облечен. Поэтому, столь же в силу усвоенной им по роду службы привычки во всем разбираться и все взвешивать, сколь и благодаря предрасполагавшей его к тому же природной склонности, он в совершенной точности запомнил все подробности этого дела, собрал его нити и связал их крепким узлом. Правда, он не отрицал, что в некоторых частностях, оставшихся для всех темными и невыясненными, ему пришлось вообразить и останавливаться на наиболее вероятном, однако полагал, что в этом отношении он едва ли допустил чрезмерную вольность, и, не утверждая, будто он вплотную подошел к истине, был все же убежден, что не уклонился от ведущего к ней пути и если и не узрел ее воочию, то во всяком случае увидел довольно схожий ее образ.

Как бы то ни было, рассказ мсье де Ларсфига представлял столь законченное и столь связное целое, что неизгладимо запечатлелся в моей памяти. Конечно, я не сомневаюсь, что необычайность событий, о которых я собираюсь говорить, не могла не способствовать их долговечности в моем воспоминании, но если я до сих пор ничего не забыл из того, что мне поведал мой престарелый родственник, то здесь немало значило и само изложение мсье де Ларсфига, которого стоило послушать. Не будучи в состоянии воспроизвести тон оригинала, я постараюсь дать по возможности верный его отклик. Итак, я начинаю, прося извинения за то, что поведу рассказ немного издалека, как это делал мсье де Ларсфиг, ибо им я руковожусь и попытаюсь за ним следовать неотступно. * * *

Мсье де Ларсфиг довольно забавно говорил, что в лице Маргариты д'Эскандо мсье де Сегиран утратил не только первую жену, но и первую женщину, единственную, о которой он знал нечто большее, нежели то, что можно видеть у всех остальных. Поэтому и горе, вызванное в нем этой утратой, после восьми лет супружества, было подлинным горем. Событие это мсье де Сегиран переживал сообразно своему нраву. А нрав его был из тех, где здоровое суждение о чужих достоинствах соединяется с сознанием, что и собственные им не уступают. Таким образом, если воспоминание о прожитых им счастливых временах давало мсье де Сегирану основание чтить память той, которая сделала их для него таковыми, то вместе с тем он не преминул почерпнуть в нем повод воздать должное самому себе. В самом деле, разве не собственная его рассудительность побудила его избрать приятную и верную супругу, принесшую ему множество душевных и телесных утех, но взамен того и ему обязанную тем, что он дал ей возможность выказать себя во всех отношениях достойною почтенного человека, которому она была безупречной подругой жизни?

Правда, мсье де Сегиран не отрицал в душе, что в этом важном брачном предприятии он был поддержан родительскими советами, но при этом говорил себе, что советы эти оказались плодотворны в силу причин, делавших честь лично ему. Действительно, разве не значит быть примерным сыном, если соглашаешься, чтобы тобой руководили в таком деле, где большинство людей допускает только одобрение своих решений? Разве не доказал он этим свое здравомыслие и не подтвердил, что не напрасны были старания его отца и матери воспитать его настоящим дворянином, каковым подобает быть, когда тебе выпал счастливый удел родиться Сегираном, то есть принадлежать к одному из старейших и наиболее видных родов Прованса?

Таким образом, мсье де Сегиран ничего не нашел возразить, когда отец уверил его, что мадмуазель д'Эскандо обладает всеми качествами для того, чтобы ее супруг был счастливейшим на свете, и что, словом, нет никого, кто был бы привлекательнее, чем она, в облике супруги, разумея под этим не столько черты лица, сколько некую совокупность свойств, присущих всей ее особе. Надо сказать, что в этой мадмуазель д'Эскандо не было ничего неприятного. Ее сложение и осанка дышали достоинством и благородством. Лицо ее нельзя было назвать прекрасным, но внешность, которою Бог наделяет свои создания, надлежит принимать такую, какая она есть, особенно если в других отношениях он восполняет ее несовершенство. Не следует придирааться к делу рук господних и слишком присматриваться к тому, насколько оно закончено. Разве требуется, чтобы, когда жена идет по улице, люди высыпали на порог? Красота зачастую приносит счастье вредные заботы. К тому же, эта мадмуазель д'Эскандо вовсе не была дурна собой, потому что надо быть совсем уж некрасивой, чтобы действительно казаться уродом в те годы, когда молодость старается скрасить непривлекательность или, по крайней мере, придать ей сносный вид.

Того же мнения был и мсье де Сегиран. Иметь жену, к тому же Эскандо, также казалось ему заманчивым. Породниться с этими Эскандо было выгодно. Выйдя из Италии под именем Скандотти, они укоренились в Провансе и пустили здесь великое множество отпрысков. Экссский и марсельский округа были полны Эскандо. Их поросль распространилась по всей долине Роны, охватила Нимские пустоши и Жеводанские горы. На ее обильных ветвях росли всякого рода плоды. Были Эскандо военные и Эскандо судейские. Одни заседали в

парламентах, в бархатных шапках, другие служили в армии, ночуя в палатках. Иные, духовные, тучнели в богатых приходах. Один из них покоил свои тела на епископской кафедре во Фрежюсе. Все они шумели и носились с собой, пыжась и чванясь наперебой. Смотря по ремеслу, они судили, дрались, молились, как добрые Эскандо, то есть стараясь извлечь из себя возможно больше пользы. Весьма сплоченные в крупных вопросах, они ожесточенно ссорились из-за мелочей, но в основном они были согласны, а основное сводилось для них к тому, чтобы всюду занимать как можно больше места, хотя бы даже и споря между собой о местах. Но чуть только кто-нибудь из них вступал в брак или умирал, надо было видеть, как все они стекались на торжество, как они выступали плечом к плечу, гордые сознанием, что они все единой крови и каждый в твердом убеждении, что в нем одном эта кровь дана во всей ее чистоте и блеске!

Так было и на свадьбе мсье де Сегирана с этой Маргаритой, которая принадлежала к военным Эскандо. По этому случаю вся родня съехалась в Кармейран. Это был довольно красивый дом, в полутора лье от Экса. Его фасад, частью перестроенный отцом мсье де Сегирана, замыкался двумя толстыми угловыми башнями, более старой постройки, пожелтевшими от солнца и изъеденными мистралем. Кармейранский замок, хотя и обширный, едва вместил всех гостей. Они расположились в нем как попало. Старшие, со своими супругами, еще одетыми по былой моде, свысока озирали младших и их жен, наряженных в современном вкусе; но удовольствие чувствовать себя среди своих, в кругу Эскандо, взяло верх, и, в конце концов, они поладили, как люди, которые приехали издалека и не прочь показать себя и повидать других. Получилась довольно забавная смесь. Словоохотливые и молчаливые, шумные и высокомерные, грубые и медоточивые, они являли разнообразнейшие лица, узкие и широкие, костлявые и румяные. Все они обозначали друг друга прозвищами. Говорилось: Эскандо Кривой, Эскандо Урод, Эскандо Маленький. Этот последний был нахал и задира, тогда как Эскандо Заика все время желал говорить, причем никто его не слушал.

Имелись также Эскандо Большой и Эскандо Рыжий. Все эти клички доставляли немало забот бедному мсье де Сегирану, потому что ему приходилось твердо их помнить и знать, к кому какая относится среди всех этих почтенных людей, его будущих свойственников, не считая их жен, лица которых надлежало сочетать в уме с лицами их мужей.

Поэтому мсье де Сегиран перевел немного дух только тогда, когда вся эта публика разместилась за его спиной в эксском соборе и когда он и его невеста очутились, рука об руку, при свете свечей и под звук органов, перед Эскандо Фрежюским, прибывшим нарочно для того, чтобы благословить молодую чету. Еще легче почувствовал он себя, когда, по окончании свадебного пира, вся компания отправилась укладывать новобрачных и Эскандо Толстый, которого звали также Эскандо Корабельный, потому что он командовал кораблем его величества, задул свечу и задернул полог; и испытал уже полное довольство, очутившись под одеялом рядом со своей женой, в праве делать с ней все, к чему побуждало его законное желание, что он и исполнил к совершенному своему удовлетворению и не без приятности для нее.

Этот первый супружеский опыт настолько пришелся по вкусу мсье де Сегирану, что возможность повторять его когда угодно казалась ему весьма заманчивой. Он испытывал от жизни новое удовольствие, которого раньше не знал. Это ощущение явилось кстати, чтобы помочь ему пережить события, последовавшие вскоре после его женитьбы. Действительно, немного погодя умер отец мсье де Сегирана. Он хворал с самой свадьбы сына, где расходился сверх меры и имел неосторожность затеять застольное состязание с мсье д'Эскандо Кривым и мсье д'Эскандо Маленьким, из которых один мог столько же выпить, сколько другой съесть. Это было напрасно, ибо, начиная с этого дня, он стал чахнуть и, наконец, преставился, в июле месяце 1664 года. Его вдова, которая терпеть не могла Кармейрана, где, по ее словам, ей недоставало общества, воспользовалась этой кончиной, чтобы переехать в Экс, где у Сегиранов имелся дом и где она могла жить стена об стену с

первейшими язычками города, которым ее собственный не уступал ни в чем.

Итак, новобрачные остались в Кармейране одни. Мсье де Сегиран вскоре заметил, что горе, вызванное в нем смертью отца, утихает под влиянием приятного сознания, что отныне он сам себе господин. Ему очень нравилась эта новая свобода, возможность по собственному желанию распределять свои занятия, не встречая больше возражений ни с чьей стороны. Она придавала пленительность даже простейшим из них, как-то: вставать утром, прогуливаться в саду, ждать обеда, ничего не делая, и вздыхать по той минуте, когда можно будет идти спать с женой, которую ночное общество мужа не преминуло подвергнуть обычной случайности, ибо по истечении нескольких месяцев мадам де Сегиран лишилась аппетита и стала возвращать съеденную пищу, в то время как на лице у нее проступили желтые пятна, а стан отяжелел.

Мсье де Сегиран наблюдал эти признаки с явным удовольствием и нескрываемой гордостью. Надежда вскоре стать отцом льстила его супружескому самолюбию. Увы, решительный час жестоко обманул его радужные ожидания. Роды мадам де Сегиран были неудачны. Она с удивительным мужеством перенесла их муки, но была лишена обычного утешения, потому что ребенок, которого она произвела на свет, оказался неспособным жить.

Это событие повергло мсье де Сегирана в глубокое уныние. Он страстно желал быть столь же счастливым отцом, сколь добрым супругом, и, пока его жена была беременна, это желание возросло еще более, ввиду близкого его осуществления, так что он почитал его уже свершившимся. Поэтому разочарование его было безгранично и перешло в своего рода нетерпение, одержимый которым он едва мог дождаться, пока мадам де Сегиран оправится от понесенных трудов, чтобы самому приняться за работу.

Упорство мсье де Сегирана не увенчалось успехом. Из последующих лет не проходило ни одного без того, чтобы бедная мадам де Сегиран не была неукоснительно чревата, но всякий раз какая-нибудь несчастная случайность разрушала ее надежды к великому горю мужа и ее собственному, ибо она привыкла разделять его желание, которому подчинялась всем своим телом, с покорностью, достойной более счастливого исхода. Один раз, однако, а именно последний, мсье де Сегиран счел свои чаяния сбывшимися, а себя и впрямь отцом. Он имел удовольствие услышать писк маленького существа, которое явилось на свет, но пробыло на нем всего лишь несколько часов. Часы мадам де Сегиран также были сочтены. Объявилась злокачественная горячка, унесшая на тот свет бедную Маргариту д'Эскандо, которой так и не удалось, покидая этот мир, подарить мужу долгожданного наследника.

Мсье де Сегиран живо ощущал это разочарование, которое сливалось с подлинной скорбью, вызванной в нем смертью жены, и к тому же усугублялось и обострялось довольно неуместным замечанием мсье д'Эскандо Маленького, явившегося на похороны со всей своей родней. Когда мсье де Сегиран в минуту расставания счел нужным сказать, что его горе тем более жестоко, что он лишен утешения иметь потомство от той, которую оплакивает, мсье д'Эскандо Маленький, укушенный невесть какой мухой, весьма колко заявил мсье де Сегирану, что в том, на что он жалуется, по всей вероятности не столько повинна его жена, сколько он сам; что не было примера, чтобы какая-либо девица д'Эскандо оказалась неспособной справиться с тем, неисполнением чего мсье де Сегиран, по-видимому, попрекает покойницу. В заключение он добавил, что еще неизвестно, нет ли у мсье де Сегирана в крови какого-либо тлетворного начала, являющегося естественной причиной бездетности, на которую он так опрометчиво сетует. С этими словами мсье д'Эскандо Маленький повернул мсье де Сегирану спину, а тот сконфуженно молчал, тщетно взывая взглядом к своему брату, кавалеру де Моморону, стоявшему рядом с ним. * * *

Хотя граф де Сегиран и кавалер де Моморон и были родные братья, они ни в чем не походили друг на друга. Мсье де Сегиран был высок ростом и плотен, довольно красив лицом, хорошо сложен, румян, а у кавалера де Моморона была смуглая кожа, короткие ноги,

длинные руки, толстое и коренастое туловище и мясистое лицо. Шагал он грузно, особой походкой, к которой его приучила качка его галеры, ибо таковой он командовал на королевской службе. Этот Моморон немало поплавал и изрядно походил по левантийским водам, как под парусами, так и на веслах; он в совершенстве знал морское ремесло, в котором отличался, и за ним числились славные дела. Галера мсье де Моморона считалась в эскадре образцовой. Мсье де Моморон поддерживал на ней невероятную дисциплину, которой подчинял не только каторжан, но и матросов, и офицеров, как младших, так и старших, которым не спускал ничего, но это не мешало тому, чтобы службы под началом у мсье де Моморона домогались, ибо он был знатоком маневренного дела и умел добиваться от своей команды удивительной удали, выносливости и отваги. Поэтому к нему-то и обратился мсье д'Эскандо Урод, когда его сыну Паламеду пришла пора служить. Мсье де Моморон согласился взять на себя заботу об этом юнце, и мсье д'Эскандо воспользовался похоронами мадам де Сегиран, чтобы доставить мсье де Моморону, с которым он должен был там встретиться, нового рекрута, дабы тот захватил его с собой, когда поедет обратно в Марсель смолить свою галеру и снаряжать ее к весенней кампании.

Мсье де Моморон настолько часто встречался со смертью, что кончина невестки не слишком на него подействовала, и мсье де Сегиран не почерпнул в его обществе особых утешений. По правде говоря, мсье де Сегиран и мсье де Моморон не сходились решительно ни в чем. Мсье де Моморон, почитая, что мсье де Сегиран кичится перед ним превосходством, которому обязан всего только случаем, плохо мирился с тем, что в руках у старшего брата богатые родовые владения, тогда как его собственные совершенно пусты. И его злило положение младшего, благодаря которому он принужден был носиться по морям и подвергаться опасностям, в то время как Сегиран, обеспеченный отцовским наследием, жил себе в мире и холе и ничего не делал.

Мсье де Моморон снова возвратился к этим мыслям несколько дней спустя после похорон мадам де Сегиран, прогуливаясь на своих коротких ножках по кармейранскому саду. Сад этот был обширен и многоводен, ибо окрестности Экса изобилуют ключами, освежающими тамошнюю почву. У одного такого бассейна мсье де Сегиран, бежав из своей комнаты, чья траурная обивка слишком напоминала о его горе, и выйдя подышать воздухом, как раз и встретился с мсье де Момороном. Любо было слушать мсье де Ларсфига, когда он излагал последовавший за этим разговор, потому что как рассказчик он обладал поразительным комедийным даром, который вселял жизнь в тех людей, чьи речи он передавал. Казалось, что воочию видишь, как мсье де Сегиран и мсье де Моморон шагают рядом вокруг бассейна, между тем как солнце вычерчивает на песке их тени, столь же несходные, сколь и их особы. Мсье де Ларсфиг уморительно подражал тону и голосам этой беседы, которая началась с довольно длительного молчания, после того как братья сели на скамью, причем мсье де Сегиран то и дело набирал в горсть песок и пропускал его сквозь пальцы, словно желая этим намекнуть на то, сколь мало мы значим и сколь быстро превращаемся в ничто.

Но мсье де Моморон не был склонен восставать против унылых мыслей мсье де Сегирана, ибо имел в виду использовать их в личных выгодах. Так что он охотно поддержал брата в его взглядах... Да, конечно, наш дольный мир – одна печаль и слезы. Все в нем непрочно и скоротечно, будь то песчинки, будь то вода, все ускользает из наших рук. Добро бы еще все кругом было бренно, но разве не бренны мы сами? Разве беспрестанное зрелище смерти не предвещает конца нам самим? И однако ему, Сегирану, грозит только общая всем судьба, тогда как он, Моморон, подвергается совсем особым опасностям... Дойдя досюда, мсье де Моморон решил углубиться в самую суть беседы, увлекая за собой и брата, которого он счел достаточно подготовленным к тому, чтобы следовать за ним, и в должной мере разжалобленным предыдущей речью. В самом деле, разве не предстоит ему в недалеком будущем вернуться в Марсель, где ждет его галера, и одному Богу известно, куда его забросит в этом году королевская воля! Итак, он едет, он, храбрый Моморон, и, всегда такой бодрый, едет с душою, полною мрачных предчувствий. Возвратится ли он когда-нибудь в

Кармейран, или, быть может, его привезут сюда изувеченным каким-нибудь ядром? Но честь призывает его к исполнению долга, и он пребудет тверд на своем посту; тем не менее, чтобы рассеять эти скверные мысли, ему было бы приятно взять с собой на судно несколько музыкантов, чтобы они могли исполнять для него музыку, которая разгоняла бы черные думы. Да только эти мошенники непозволительно высоко расценивают свои услуги! Нечего делать, придется плавать скромно, а его варварийские слуги, верный Али и верный Гассан, должны будут поневоле довольствоваться своими старыми обносками турецкого фасона, сплошь заплатанными и полинявшими от солнца и морской пены. Он был бы рад обновить им одежду, но ему неохота наворачивать этот расход, урезая офицерский стол или скудный харч шиурмы, которую кормят теми же черными бобами, что и голубей. Правда, мсье де Моморон полагает, что имеется способ помочь беде, но он все не решался смущать почтенную скорбь брата изложением своих личных огорчений. У каждого свое горе и свои заботы, однако все же его милый Сегиран так легко мог бы избавить от них брата! Достаточно было бы, чтобы мсье де Сегиран согласился выдать ему авансом пять тысяч экю в счет призов предстоящей кампании. Эта ссуда позволила бы мсье де Моморону завести должное представительство, что, в конце концов, столько же в его интересах, сколько и в интересах мсье де Сегирана, ибо, хоть они и носят разные имена, они все же одной крови. Прилично ли, чтобы Сегиран, даже если он всего лишь Моморон, обнаруживал свою скудость перед всеми, в том числе и перед маленьким Паламедом д'Эскандо, которого он взял на свое попечение? Негодный мальчишка не преминет разгласить всем Эскандо, что галера кавалера де Моморона совсем не то, что принято думать, и не заслуживает своей репутации. Это только усугубит пренебрежение, с которым эти Эскандо, по крайней мере некоторые, по-видимому, относятся к Сегиранам, как это можно было усмотреть из слов Эскандо Маленького, когда тот позволил себе попрекнуть мсье де Сегирана его бездетностью, обнаружив при этом колкость и подозрительность, граничащие с оскорблением.

При этих словах рассчитанной речи мсье де Моморона бедный мсье де Сегиран шумно вздохнул, не столько жалея о пяти тысячах экю, с которыми ему приходилось расставаться без особой надежды увидеть их вновь, сколько вспоминая выходку, которой подвергся со стороны этого грубияна Эскандо Маленького. С тех пор, как он ее претерпел, он часто возвращался к ней в своих думах. Мысль о том, что, быть может, это по его вине жена не родила ему детей, которых ему так хотелось иметь, наполняла его горечью и краска заливала его лицо, когда ему начинало казаться, что он создан не как все люди, раз ему не удалось нечто, так просто удающееся другим, и что в нем самом заложено начало этого злополучия, ибо для него это было злополучием, особенно при виде юного Паламеда д'Эскандо, чья резвая прелесть усугубляла его печаль о том, что у него нет сына, который тоже когда-нибудь стал бы похож на этого очаровательного шалуна, оглашавшего грохотом весь замок во всякое время дня и привлекавшего умиленные взоры грустного мсье де Сегирана, когда тот встречал его в коридорах или в аллеях сада.

Если бы мсье де Сегирану довелось произвести на свет такое вот круглое, свежее личико, с красивыми серыми глазами, румяными губами, курчавыми волосами, дышащее здоровьем и молодостью, он бы с радостью вытерпел в тысячу раз больше того, что терпел, правда, безропотно от этого сорванца Паламеда, снося его игры, шум и буйное поведение. В самом деле, мысль о том, что скоро он будет служить королю на его галерах, вскружила голову юному мореплавателю и вселила ему беса во все четыре конечности. Его четырнадцатилетнее воображение уже видело себя в открытом море. Он только и бредил что снастями, шкивами, якорями и пушками. Ему слышались командные крики аргузинов. Он носился целый день, производя то резкие, то глухие шумы, смотря по тому, подражал ли он свистку или бомбарде, если только, вооружась веревкой, не хлестал изо всех сил по деревьям, словно их кора была подлинной кожей шиурмы. А не то он подавал сигналы тряпками, похищенными на кухне, кидался на абордаж с какой-нибудь сечкой в руке. Мсье де Сегиран восхищался этими проказами, видя в них предвестия блестящей морской карьеры. Мсье де Моморон заливался хохотом и подымал свои густые брови. Словом, юный Паламед

безнаказанно продолжал бы куролесить, не вздумай он, в один прекрасный день, сломать пополам шпагу мсье де Моморона, упражняясь в прокалывании варварийского чучела, которое он нарядил в разное тряпье и украсил тюрбаном, подвиг геройский, но неудачный, стоивший ему основательного знакомства с тростью мсье де Моморона.

Мсье де Сегиран был весьма озадачен этой сценой и пришел к заключению, что галера мсье де Моморона может вовсе и не показаться юному Паламеду тем раем, который он себе рисовал. Мсье де Моморон был на руку скор и, как он только что доказал, не склонен особенно щадить нежный возраст своего будущего ученика в морской науке, так что мсье де Сегирану невольно приходили на память слышанные им рассказы о том, какую дисциплину поддерживает у себя на судне мсье де Моморон. Не уйти от нее и маленькому Паламеду д'Эскандо. Мсье де Сегирану было немного жаль расставаться с этим мальчуганом. Он не прочь был попросить мсье де Моморона оставить ему его питомца, но что сказал бы мсье д'Эскандо-отец? Увы! Мсье де Сегиран никого ничему не мог научить, тогда как мсье де Моморон сумеет преподать отпрыску рода Эскандо множество ценных сведений, как то: владеть оружием, управлять кораблем и умирать, как подобает дворянину. Поэтому мсье де Сегиран отказался от своего намерения, однако не упустил случая воспользоваться ходатайством мсье де Моморона относительно пяти тысяч экю и посоветовал ему часть из них употребить на то, чтобы у Паламеда был хороший стол и вообще все, что можно иметь лучшего на галере. Он даже присоединил к этому просьбу обращаться с новичком поласковее, что мсье де Моморон и обещал весьма охотно, смягченный легкой щедростью, проявленной по отношению к нему мсье де Сегираном.

Впрочем, главным ее последствием было то, что мсье де Моморон решил, не медля дольше, собираться в Марсель. С тех пор, как кошелек его был снова набит, он начал скучать в Кармейране, и ему не терпелось оттуда уехать. Поэтому, неделю спустя после своего плодотворного разговора с мсье де Сегираном, он объявил, что ему пора возвращаться к месту службы. При этом известии пылкий Паламед забил в ладоши. Молодость неблагодарна.

У старости другие недостатки. Мсье де Сегиран, ни разу после смерти жены не видевшийся с матерью, сообщил ей о своем намерении проводить мсье де Моморона до Экса, куда тот должен был заехать, чтобы с ней проститься; но старая мадам де Сегиран дала ему знать, что она предпочла бы, чтобы он не приезжал и отложил свое посещение до другого раза, потому что вид печального лица и удрученной физиономии противоречит заботам о ее здоровье, которое она поддерживает только тем, что удаляет со своих глаз все, могущее оказаться для них неприятным зрелищем. Так как свидание с ее сыном Сегираном могло бы быть ей тягостно, то на этот раз достаточно будет, если по дороге, прежде чем начать плавание, к ней заедет ее сын Моморон. И таким образом мсье де Сегирану пришлось отпустить мсье де Моморона и юного Паламеда д'Эскандо одних.

Провожая их, он держался молодцом, и только когда остался один, ему взгрустнулось. Его печалило не столько, может быть, их отсутствие, сколько вызванное таковым одиночество, хотя мсье де Сегиран всегда жил довольно нелюдимо. Пока он был молод, его отец удалял его от общества, утверждая, что наилучшее составляет он сам, а женившись, он сохранил привычку сидеть дома. Его жена, вечно занятая своей беременностью, мало с кем виделась, а так как мсье де Сегиран был с ней неразлучен, то он и разделял ее одиночество. Гости в Кармейране бывали редко. Хотя замок был совсем недалеко от Экса и при благоприятном ветре там были даже слышны городские колокола, можно было подумать, что вы на краю света. Когда-то это безлюдие нравилось мсье де Сегирану, но теперь он был бы не прочь поговорить с кем-нибудь, хотя бы о себе самом, ибо жена не могла уже его слышать. Поэтому он был немало раздосадован ответом матери на его предложение навестить ее в Эксе. Он всегда имел о себе выгодное мнение, и ему никогда не приходило в голову, чтобы он мог стать кому-нибудь в тягость, так что он был весьма неприятно поражен, узнав, что люди боятся его вида и опасаются, как бы его лицо не испортило им настроения.

В то время как его мать заставила его таким образом впервые усомниться относительно производимого им впечатления, мсье д'Эскандо Маленький своей обидной выходкой поколебал в нем прежнюю уверенность в его телесных качествах. Ядовитые слова этого Эскандо иногда звучали в его ушах. Хорошо еще, если этот болван говорил об этом только с ним, но почему знать, не поделился ли он своими подозрениями с другими Эскандо и не разнесли ли их те, в свою очередь, дальше, из уст в уста, так что, чего доброго, теперь повсюду идет молва, что полным одиночеством, в которое его погрузила смерть жены, мсье де Сегиран обязан исключительно особой немилости природы?

Эта мысль, казавшаяся ему нестерпимой, главным образом и способствовала тому, что он заперся у себя. Тем несколько знакомым, которые приезжали из Экса, чтобы его проведать, он велел ответить, что его траур не позволяет ему воспользоваться их посещением. Он боялся прочесть на их лицах как бы ту неловкость, которую иные испытывают при виде чужого горя, а также страшился догадаться по их манере держать себя, что до них дошли слухи о злых речах мсье д'Эскандо Маленького. Поэтому он предпочел отказаться вовсе от какого бы то ни было общества. К тому же, ведь обходился же он без него прежде и при жизни жены, так что, и овдовев, мог в нем не нуждаться, хотя дни и казались ему длинными, несмотря на то, что он решил понемногу вернуться к своим былым привычкам.

Таким образом, как и прежде, мсье де Сегиран вставал рано. Затем он коротал время, либо занимаясь счетами или по дому, либо читая или записывая что-нибудь у себя в кабинете, либо прогуливаясь по саду, но чаще всего ничего не делая. Так, с грехом пополам, время тянулось до вечера, но, идя ко сну, мсье де Сегиран всякий раз особенно жестоко ощущал понесенную утрату. Он ложился, вздыхая, и долго не мог уснуть. Когда, наконец, это ему с трудом удавалось, то во сне его поджидали воспоминания. Иногда там присутствовала покойная мадам де Сегиран, и, просыпаясь, он укорял себя в том, что оскорбил ее память вольными мыслями и образами, которые, будучи естественны в отношении живой, становятся неуважительными, когда направлены на особу, переставшую существовать. Обвиняя себя в том, что он слишком верен в сновидениях покойнице-жене, он в то же время не прощал себе некоторых резвостей иного рода. Они бывали довольно диковинны. Иногда ему казалось, что он плывет по морю со своим братом Момороном и юным Паламедом. Их галера рассекает синие волны. Показывается берег и на нем белый город. На пристани суетятся турки в чалмах. Становятся на якорь в гавани и съезжают на берег. Идут по узким и жарким улицам. Входят в мощенные мрамором дворцы, где вас встречают закутанные женщины, шурша кисеей и бряцая браслетами.

Мсье де Сегиран искренно сокрушался об этих ночных прельщениях и каждый вечер молил Бога его от них избавить. Но зачем же Господь лишил его верной и столь необходимой подруги, ведь что бы ни говорил мсье д'Эскандо Маленький, если у мсье де Сегирана и не было детей, то уж отнюдь не из-за недостатка темперамента. Он у мсье де Сегирана был могуч и требователен и причинял ему жестокие страдания с тех пор, как овдовел, то есть уже пять с лишним месяцев.

II

Далекий от мысли, что какое-нибудь мало-мальски примечательное событие может нарушить длительное однообразие его дня, мсье де Сегиран как раз находился возле солнечного кадрана, куда ежедневно при ясной погоде приходил проверять по тени стрелки свои часы, когда ему принесли известие, что его мать как бы снимает с него то отлучение, под которым она держала его со времени вдовства, и разрешает ему посетить ее в ее эксском доме. Письмо, осведомлявшее мсье де Сегирана о материнском решении, было писано не самой

этой доброй дамой. Она жаловалась, что подагра заставила ее прибегнуть к почерку Бабетты, ее горничной. Если не считать этого недуга, помешавшего ей присутствовать на похоронах невестки, она, по ее словам, чувствовала себя как нельзя лучше. Впрочем, ее сын сам может убедиться в этом. Теперь он, надо думать, уже в состоянии бывать иногда в обществе. А у нее он встретит превосходнейшее, и, в частности, его порадует некий маленький мсье де Ла Пэжоди, с недавних пор пленяющий здесь всех. Поэтому, если такое предложение ему по душе, она приглашает сына погостить у нее сколько ему захочется и немного развлечься беседой и игрой. Все это, разумеется, при том условии, что он привезет с собой удобопоказуемое лицо, а не одну из тех плачевных физиономий, вид которых удручает каждого и служит всеобщим пугалом; но у ее сына, она знает достаточно христианских чувств и силы духа, так что за то время, что он провел в своем строгом уединении, он, конечно, настолько научился владеть собой, чтобы уметь скрывать от посторонних взоров живущее в его душе законное сожаление об утрате, разумеется, непоправимой, но которую, рано или поздно, надо будет постараться возместить, дабы с ним не пресекся и не кончился их род. «Потому что в этом деле,— добавляла старая мадам де Сегиран,— нам нечего рассчитывать на Вашего брата Моморона. Вам известно его отвращение к браку, которого я так же не могу понять, как и того пренебрежения, с каким он, невзирая на свои годы, относится к женщинам. Но обо всем этом мы еще поговорим при встрече, которой я очень жду, ибо теперь у меня больше нет известных Вам причин ее опасаться».

Чтение этого письма вызвало в душе у мсье де Сегирана весьма разнообразные чувства, из коих первое сводилось к тому, что сыновнее послушание обязывает его исполнить волю матери. Вторым было желание узнать, способны ли его лицо и внешность скрыть от всех неугасшую скорбь его сердца. Вернувшись к себе в комнату, он обратился за ответом к зеркалу. Увидев в нем свое изображение, он успокоился. Каких-либо видимых следов печали нельзя было усмотреть на лице. Черты его являли все ту же довольно приятную правильность. Тело приобрело даже некоторую дородность и казалось еще более статным, чем когда-либо. Мсье де Сегиран имел перед собой, в своей собственной особе, зрелище мужчины в полном расцвете сил. Оно доставило ему душевное удовлетворение. Им опровергались неприязненные наветы мсье д'Эскандо Маленького. Если бы его добрая и достойная супруга, Маргарита д'Эскандо, прожила сколько нужно, ему, без сомнения, удалось бы продолжить с ней род Сегиранов, прекращение которого оплакивала его мать, как, впрочем, и он сам. Но пути провидения неисповедимы, хоть и слишком маловероятно, чтобы оно имело в виду доверить судьбы дома Сегиранов мсье де Моморону. Отвращение кавалера к женщинам и к женитьбе мсье де Сегиран объяснял себе лучше, нежели его мать. Мсье де Сегиран достаточно хорошо был знаком с современными нравами, чтобы знать, что его брату приписываются такие, которые не согласуются с природой, хотя они настолько распространены, что у них нет недостатка в приверженцах и сторонниках. Мсье де Моморон, справедливо или нет, слыл обладателем предосудительных привычек, хотя, по правде говоря, ничего такого мсье де Сегиран никогда за ним не замечал, кроме разве нескольких странных взглядов, брошенных им юному Паламеду д'Эскандо; но то были слишком ничтожные признаки для того, чтобы на них можно было строить какие бы то ни было предположения.

Но в чем, наоборот, можно было быть уверенным, так это в том, что старая мадам де Сегиран, вне всякого сомнения, заведет речь о женитьбе. Возможно даже, что именно с этой целью она вызывает сына в Экс и намерена предложить ему какую-нибудь партию. Такая перспектива весьма смущала мсье де Сегирана. Не отвергая этой возможности всецело, он допускал ее только в совершенно неопределенном будущем, лишавшем ее всего того, что сейчас еще в ней было неуместного. Поэтому он намеревался, едва только мать коснется этого предмета, ответить ей настолько твердо и решительно, чтобы она перестала настаивать. Разве не обязывает его к подобному поведению все еще такое свежее и неотступное воспоминание о покойной жене и разве не достаточно того, что ее тени

приходится прощать ему его ночные резвости, на которые его толкают скачки воображения и горячность крови? Таким образом, он твердо решил отклонить материнские проекты. Пока же он ограничится тем, что примет участие в пристойных развлечениях, которые будут ему предложены и на которые поневоле придется согласиться, если не желать казаться незваным гостем и похоронной фигурой в тех домах, где, раз он поселится в Эксе, ему нельзя будет не бывать.

Приняв эти мудрые и благоразумные решения, мсье де Сегиран сел в карету, чтобы преодолеть расстояние, отделяющее Кармейранский замок от Экса. Стрелка солнечных часов показывала больше полудня, когда толстые лошади тронулись с неровной мостовой большого двора. Мсье де Сегиран созерцал сквозь стекла подробности пути. Стояла прекрасная погода, и в воздухе уже чувствовалась предвесенняя мягкость; поэтому немалое число жителей и жительниц Экса появилось у окон и дверей, когда карета мсье де Сегирана въехала в городские улицы, направляясь к дому, который выстроил его отец и в котором его мать поселилась овдовев.

Особняк Сегиранов расположен неподалеку от собора и замыкает небольшую площадь, одна из сторон которой занята домом Ларсфигов. Мсье де Ларсфиг человек сведущий во всех искусствах и, в частности в искусстве архитектуры, считал сегирановский особняк одним из красивейших и удачнейших в городе. Он не раз хвалил мне его структуру и пропорции, когда мы, бывало, выходили из его дома на одну из тех пеших прогулок, которые, невзирая на свой преклонный возраст, он любил и во время которых мы с ним блуждали по городским улицам, встречая людей всякого состояния, приветствовавших нас с почтительностью, подобавшей высокому сану, а также прославленной учености и неподкупности мсье де Ларсфига. Мы проходили таким образом мимо главнейших обиталищ знати, но среди них не было ни одного, которому он не предпочитал бы особняк Сегиранов. Правда, он отдавал должное красоте дариолиевского или френестовского дома или особняка Ланспарадов с его монументальным порталом и мастерски исполненными коваными балконами. Он не был нечувствителен к изящному или мощному облику того или иного фасада, к строгой и гармоничной величавости некоторых из них, примечательных отменностью украшающей их скульптуры; но он постоянно возвращался к превосходству особняка Сегиранов, подобно тому как многочисленные анекдоты, которыми он оживлял наши скитания, почти всегда приводили его, в конце концов, к истории второй мадам де Сегиран и мсье де Ла Пэжоди.

Во время наших прогулок мсье де Ларсфиг сообщил мне много любопытных подробностей, дополнявших эту историю, которую он мне как-то рассказал в тиши своего кабинета, откуда был виден сегирановский особняк с его рядами окон, чугунными балконами и атлантами, стоящими по обе стороны подъезда и поддерживающими его арку своими согбенными мускулистыми спинами.

Между этих окованных по бедра фигур и прошел, выйдя из кареты, мсье де Сегиран. Правда, он не мог бы сравнивать свое собственное телосложение с их баснословными размерами, но, увидев себя во весь рост в большом зеркале, повешенном в конце вестибюля, он нашел, что как бы ни говорил мсье д'Эскандо Маленький, он все-таки не похож на человека, которого природа обделила своими дарами, лишив его, в силу какого-то злополучного начала, общераспространенной способности производить, по нашему подобию, увековечивающих нас детей. Эти успокоительные думы сопутствовали мсье де Сегирану до комнаты, в которую его провел маленький лакей, выбежавший на стук колес и копыт. Шустрая рожица молодого плутишки напомнила мсье де Сегирану физиономию кипучего Паламеда д'Эскандо и, в связи с этим, кавалера де Моморона, его мореходного ментора. Если бы тот вздумал в один прекрасный день жениться, чтобы обеспечить продолжение рода, для мсье де Сегирана это было бы довольно горьким испытанием. Мысль о том, что этот прекрасный дом, равно как кармеиранские земли и замок могут достаться потомкам кавалера, ему отнюдь не улыбалась. Бедная Маргарита д'Эскандо и та не одобрила бы этого и первая высказалась бы против, если бы вернулась к жизни. Тем не менее, мсье де Сегиран твердо решил не отступать от

своего намерения и не давать матери покушаться на его вдовство, хотя в темной глубине души, быть может, и говорил себе, что если бы он когда-нибудь стал думать иначе, то в предполагаемом одобрении покойницы-жены он нашел бы одно из тех средств тайного самооправдания, которыми люди охотно пользуются при своих внутренних переменах.

Среди этих размышлений, побыв некоторое время в приготовленной для него комнате, мсье де Сегиран направился к материнским покоям, но, подойдя к двери, остановился в изумлении. Из-за нее столь явственно доносились звуки музыки, что мсье де Сегиран обернулся к маленькому лакею, чтобы узнать, не концерт ли это, и в таком случае подождать конца, чтобы войти; но молодой плутишка уже распахнул дверь и посторонился, пропуская хозяина. Мсье де Сегиран сделал несколько шагов вперед, но сразу же замер, смущенный не столько жестом, которым мать приглашала его не прерывать мелодии, сколько самой сладостью этой последней. Он никогда не слышал подобной, и звуки ее были так нежны и так томны, что он почувствовал себя глубоко взволнованным. Как мог человеческий рот, дующий в простую деревянную трубку, производить это очарование? Правда, мсье де Сегирану не раз приходилось слышать игру на флейте, но никогда еще он не внимал столь изощренной и тонкой. Еще несколько мгновений она чаровала воздух, потом умолкла, и мсье де Сегиран, очнувшись от изумления, увидел маленького черноволосого человека, встающего с табурета, на котором он сидел, и учтиво кланяющегося, с флейтой в руках, подобно пастушаку на обоях, в то время как старая мадам де Сегиран, не покидая кресел, в которых она покоилась, знаком подзывала сына и протягивала ему для поцелуя морщинистую, надушенную руку, чьи униженные перстнями пальцы вздувались на суставах подагрическими узлами.

Вот каким образом мсье де Сегиран, на пятый месяц своего вдовства, познакомился с мсье де Ла Пэжоди. * * *

Когда мсье де Ла Пэжоди ясным утром предшествовавшей осени приехал в добрый город Экс, его появление не произвело особого впечатления. Он занимал, среди других пассажиров, место в авиньонском дилижансе и ничем не возбуждал любопытства бездельников и зевак, которые рады глазеть толпой на прибытие общественных карет, как будто из них всякий раз должно предстать что-то новое. Поэтому мсье де Ла Пэжоди никто не заметил, когда с пыльной подножки он ступил на мостовую. Его тощий багаж и скромное платье не привлекли ничьего внимания, и он беспрепятственно достиг расположенной в нескольких шагах гостиницы «Трех волхвов», где хозяин, предвидя, что этот постоялец, хотя и дворянин, не станет особенно тратиться, отвел ему одну из худших своих комнат, которой, впрочем, мсье де Ла Пэжоди удовольствовался, ничего не возразив, несмотря на то, что она была тесна и единственным своим окном выходила в темный и зловонный переулочек. Когда принесли его пожитки, мсье де Ла Пэжоди аккуратно разложил их в большом сундуке, составлявшем вместе с кроватью, столом и двумя стульями главное украшение его комнаты. Затем, приведя в порядок свой туалет, он с большим тщанием занялся туалетом флейты, которую вынул из защищавшего ее футляра. Это был превосходный инструмент высокой марки. Мсье де Ла Пэжоди обтер его тонкое дерево, после чего положил обратно в кожаный чехол, не сделав попытки применить его на деле, ибо, по-видимому, не был в мелодическом настроении, хотя лицо и выражало известное удовлетворение.

Мсье де Ла Пэжоди и в самом деле испытывал таковое, покинув Авиньон, откуда он теперь прибыл, хотя с удовольствием пожил бы там дольше, ибо гостиницы там отличные, вина замечательные, а девицы славятся своею живостью. Но Авиньон – земля церковная, а в такого рода местах бывает весьма неудобно мыслить известным образом, в особенности когда имеешь неосторожность этого не скрывать. А мсье де Ла Пэжоди как раз этим и прегрешил. Он не посещал церковных служб и насмешливо взирал на процессии, двигавшиеся по улицам папского города с превеликим множеством хоругвей и сеней, в толчее духовенства и благочестивых братств. Братство покаянников более всего возбуждало сатиру мсье де Ла Пэжоди, который немало потешался над свечами, четками и рясами и изощрялся в неуместных речах, пахнущих вольнодумством. Действительно, мсье де Ла

Пэжоди принадлежал к числу людей, ум коих не только свободен от всяких суеверий, но и лишен какой бы то ни было веры. Он считал, что природа довлеет и что честному человеку надо только следовать ее побуждениям, умеряя их разумом, который она в нас вложила и который позволяет нам находить путь среди многообразия наших желаний и разноречивости наших страстей. В том, что другие, дабы научиться управлять собой, предпочитают прибегать к наставлениям и обрядам религии, мсье де Ла Пэжоди не видел ничего дурного и в этих вопросах проявлял большую терпимость, однако не умел воздерживаться от суждений на иные темы, слишком вольное обращение с которыми подчас бывает опасно.

И в этом ему не так давно пришлось убедиться. Во время пирушки на Бартеласском острове, в компании местных молодых дворян, он вел, за стаканом, малоназидательные речи, где выражал неуверенность в существовании Бога, мира и справедливости, говоря, что охотно бы променял свое место в раю на то, которое можно получить на благосклонном лоне миловидной девицы. К сожалению, эта застольная похвальба достигла ушей трактирщика, усердного богомола и члена братства красных покаянников. Почтенный человек передал слышанное своим братьям, и слова эти, из уст в уста, дошли до инквизиционного трибунала. К счастью, у одного из судей была возлюбленная, маленькая белошвейка, дарившая некогда благосклонностью мсье де Ла Пэжоди. Эта молодая особа дала знать, что его намерены побеспокоить и что ему лучше собраться в дорогу и покинуть папские владения. Что мсье де Ла Пэжоди не замедлил сделать, почему и высадился из дилижанса со своими пожитками и флейтой и поселился в гостинице «Трех волхвов», где мог на досуге размышлять о том, как неудобно бывает на этом свете сомневаться в существовании рядом с ним другого и заявлять об этом, не оглянувшись предварительно кругом, дабы удостовериться, что ничье нескромное ухо не внимает вашим словам.

Мсье де Ла Пэжоди принял твердое решение впредь быть воздержаннее на язык и не повторять своей авиньонской выходки. Он сожалел, что должен был расстаться с этим городом, пребывание в котором весьма ему нравилось. Экс казался ему намного хуже, хотя он в нем еще мало что успел увидеть. Действительно, с самого своего приезда он никуда не выходил из гостиницы. В ней он столовался и тотчас же поднимался к себе в комнату, где предавался благоразумным размышлениям и разрабатывал планы осмотрительного и безупречного поведения. Конечно, он не собирался жить здесь в одиночестве и отказываться от удовольствий пристойного общества, если бы к тому представился случай, но решил внимательно следить за своими речами и даже показываться по воскресеньям в церкви. А потом он как можно больше будет сидеть дома, обзаведется хорошими книгами и будет развлекаться любезной ему игрой на флейте.

Размышляя таким образом, он доставал ее из футляра и ласкал рукой гладкий ствол, затем, поднеся дульце к губам, надувал щеки и принимался играть. По мере того, как гармоничные звуки наполняли его тесную комнату, он забывал ее жалкий вид. В то же время он чувствовал себя насквозь пронизанным гулкой радостью. Он видел, при свете, как его искусные пальцы касаются отверстий с уверенным проворством, доставлявшим ему редкостное удовольствие. Иной раз, подняв глаза, он замечал в открытое окно кусок голубого неба. Иной раз крики летающих ласточек сливались с модуляциями одинокого виртуоза, и мсье де Ла Пэжоди продолжал играть для самого себя, пока, задыхаясь, не опускался на кровать, закрыв глаза, чтобы лучше насладиться воспоминанием о концерте, который он себе дал.

Так он сидел однажды, как вдруг громкие шаги на лестнице вывели его из задумчивости, а вслед за тем дверь отворилась, и в комнату ворвался толстый человек, опрокинув своей стремительной тушей один из стульев. Мсье де Ла Пэжоди не успел прийти в себя, как был заключен в объятия неведомым гостем, в то время как громовой голос восклицал с сильным провансальским акцентом: «Честное слово, милостивый государь, вы тот, кого мне надо, и позвольте вас расцеловать. Я шел случайно переулком и вдруг слышу, с неба раздается истинный голос сына Орфея. Честное слово, милостивый государь, знаете ли вы, что я почти целый час простоял, слушая вас, так что кости ныли в ногах, но я бы не сошел с места и до

страшного суда и даже пропустил бы, если нужно, эту заключительную церемонию, что было бы, согласитесь, верхом неприличия для судьи, ибо я – маркиз де Турв, президент парламента, но великий любитель музыки, жалкий подмастерье в вашем искусстве и ваш почтеннейший слуга, так что вы не станете думать, будто я могу допустить, чтобы такой человек, как вы, плесневел в этой дрянной гостинице, где сами три волхва должны были бы прислуживать вам коленапреклоненно. Или вы думаете, что эта тесная комната, похожая скорее на конуру, будет и впредь служить приютом вам и вашей божественной флейте? Нет, милостивый государь, я сию же минуту увожу вас с собой в дом Турвов, где вы мне сделаете честь занять приличное помещение. Мой стол будет вашим, если вы Знайдете это удобным, и за великую милость, о которой я перед вами ходатайствую, я прошу только позволения слушать около вашей двери, если вы мне не разрешите войти. Итак, давайте руку, и пусть мсье де Ла Пэжоди (хозяин сказал мне ваше имя) будет гостем маркиза де Турва, который целует ему руки».

И мсье де Ла Пэжоди, который не знал, что ответить на эти объятия, на эти клятвы, на эти уверения в дружбе и не гнушался приключениями, придающими жизни приятную неожиданность, мсье де Ла Пэжоди, его пожитки и флейта отправились ночевать в турвовский особняк.

Марк-Антуан де Ла Пэжоди был невысокий черноволосый человек, хотя и родившийся в Бургундии, но весьма напоминавший провансальца. У него было живое лицо, озаренное черными пронизательными глазами, и хорошо очерченный подвижный рот, как бы созданный для игры на флейте. Телом был крепок, грудью широк, соразмерно сложен, имел красивые ноги, стройные и с хорошо посаженными икрами. Держался он очень прямо и не терял росту ни вершка. Вдобавок, был всегда очень чисто одет. Сын бедного бургундского дворянина, он рано осиротел и обладал небольшим достатком, которого все же хватало на то, чтобы обеспечить ему некоторую свободу. Он ею воспользовался, чтобы повидать свет и прежде всего отправился в Париж. В этом городе первые приключения, служащие лучшей школой для молодого дворянина, дали ему случай приобрести известное знание света. Знание это стоило ему части средств, но зато такой ценой он научился многому полезному для жизни, например не доверяться первому встречному и наблюдать людей, если не хочешь быть их игрушкой или жертвой, а равно узнал, что у дружбы тоже есть свои ловушки, как и у любви. Из этих последних мсье де Ла Пэжоди выпутывался без особого труда. Он и сам довольно удачно придумывал их. У него было врожденное умение говорить с женщинами и заставлять их себя слушать, так что они доверяли ему то, что в них всего драгоценнее, то есть некоторые тайные и сладостные свои места. Мсье де Ла Пэжоди очень любил такого рода телесную близость, но он не был нечувствителен и к удовольствиям иного порядка, нежели плотские. Игра чувств занимала его не менее, чем движения тела, и он готов был одинаково ценить прелесть красивой кожи и привлекательность образованного ума. Он был

равно способен наслаждаться как самой тонкой и изысканной беседой, так и самыми тесными и сладострастными объятиями, но и то, и другое он умел оставить вовремя, то есть как только телесная усталость или умственное утомление грозят сделать их неприятными и постылыми. Мсье де Ла Пэжоди упражнялся в этом искусстве с замечательным умением, стяжавшим ему славу не столько верного, сколько предприимчивого любовника, выдающего в делах страсти больше пылкости, нежели постоянства; но это ему прощалось, ибо есть люди, на которых не сердятся за то, что они таковы, каковы они есть, а мсье де Ла Пэжоди был, по счастью, из их числа.

Не подлежит сомнению, что если бы мсье де Ла Пэжоди мог проявлять свои таланты на более обширном поприще, он добился бы соблазнительной славы, равняющей тех, кто ее стяжал, с величайшими героями войны и политики, но слишком скромное состояние и слишком заурядное происхождение возбраняли ему этот блестящий удел, чьи цветы распускаются лишь в благоприятном воздухе Двора. Не то чтобы мсье де Ла Пэжоди не вращался в хорошем обществе, но он не настолько чуждался и дурного, чтобы стараться во

что бы то ни стало возвышаться над ним. Поэтому, наравне с будуарами, он посещал и кабачки, и в этих-то местах, где царит великая вольность речей и мнений, он встретился с некоторыми людьми, исповедующими чувства, столь противные нравственности и вере, что они становятся истинной опасностью для религии и государства. Эти вольнодумцы, ибо таково наименование, коим обозначается их секта, нередко, несмотря на усилия, которые были приложены к искоренению зловредных семян их учения, и мсье де Ла Пэжоди напал как раз на некоторых наиболее опасных из их числа. В этой школе он научился подвергать сомнению святейшие и доказаннейшие истины и выступать против них с нечестивыми шутками. Подобно этим людям, мсье де Ла Пэжоди дошел до отрицания почтеннейших нравственных правил и достовернейших догматов. Если их послушать, так мир не что иное, как материя, а человек сводится к самому себе. Что же до того, будто душа бессмертна и существует Бог, то это рассказы для ребят и старух, с которыми не станет считаться ни один разумный человек.

Мсье де Ларсфиг неоднократно излагал мне во всех подробностях гнусную систему этих вольнодумцев, но я запомнил только самые общие ее черты. К чему, в самом деле, засорять голову подобным вздором? Кто может заставить нас поверить, будто мир не божие творение и будто тварь способна отказаться от надежды быть приобщенной после смерти к награде вечной жизни, если она показала себя достойной таковой? Поэтому мсье де Ларсфиг справедливо удивлялся, как это мсье де Ла Пэжоди мог ступить на ложный путь нечестия. В заблуждениях мсье де Ла Пэжоди мсье де Ларсфиг усматривал не более и не менее как дело сатаны. Он поддался внушениям нечистого, не подозревая, что таким образом устремляется к гибели, потому что именно репутация вольнодумца и свободомыслящего человека вовлекла его в трагическую историю, приведшую к ужасному концу.

Если не считать этого пагубного образа мыслей, едва ли кто видел более веселого и приятного человека и едва ли кто слышал более искусного флейтиста, чем мсье де Ла Пэжоди. С юных лет он обнаруживал поразительную способность к игре на различных инструментах, но мало-помалу остановился, по собственному выбору, на флейте и достиг в обращении с нею законченного мастерства. Флейта была его лучшей подругой, и он любил говорить, что с нею он не боится ни горя, ни одиночества. Как часто в чужих городах она развлекала его уединение, ибо, после нескольких лет, проведенных в Париже, мсье де Ла Пэжоди вел довольно скитальческую жизнь; он изъездил почти всю Италию и большую часть наших провинций. Великий поклонник красот природы, он любил восхищаться ими во всем разнообразии форм и во всей многовидности их обликов. Он утверждал, что не знает ничего более приятного, чем играть на своем инструменте перед красивым пейзажем или перед красивой женщиной. «Конечно,— говорил он,— хорошо усладить гармонию людей, но зачем же отказывать в ней вещам? Они имеют на нее такие же права». Поэтому, встретив какое-нибудь величественное дерево, какую-нибудь древнюю скалу, он становился перед ними и, поднеся флейту к губам, исполнял для них, смотря по времени, обаду или серенаду, стараясь извлекать из гулкого дерева самые нежные и самые мелодичные звуки.

Первое время, как мсье де Ла Пэжоди жил в турвовском доме, он выходил на улицу не чаще, чем когда скромно обитал в гостинице «Трех волхвов». Маркиз де Турв, который был вдов и бездетен и не имел других удовольствий, кроме радостей стола и смычка, ибо он пиликал на скрипке и любил покушать, отвел мсье де Ла Пэжоди самую лучшую комнату в доме, уставленную редкостной мебелью и убранную дорогими обоями. В ней мсье де Ла Пэжоди спал на самых мягких перьях и на самом тонком полотне. Просыпаясь, он имел возможность созерцать заключенный в богатую раму резного дерева портрет, на котором мсье де Турв некогда велел себя живописать в виде любезного пастушка, прижимающего к сердцу обвитую лентами волынку. Вдоволь насмотревшись на это пасторальное изображение, он неукоснительно видел его оригинал входящим в дверь. Маркиз де Турв наполнял комнату своим громким голосом и грозил задушить мсье де Ла Пэжоди в своих объятиях, после чего торопил его идти в музыкальный зал. Придя туда, мсье де Ла Пэжоди весьма любезно

вынимал из футляра флейту и принимался играть. Хотя маркиз де Турв не был похож ни на красивый пейзаж, ни на красивую женщину, мсье де Ла Пэжоди прилагал все старания к тому, чтобы превзойти ожидания своего слушателя точностью и совершенством исполнения. После каждой пьесы мсье де Турв, слушавший в блаженном экстазе, написанном на его румянном лице, был не в силах сдержать восхищения. Он порывисто вставал с кресел, махал руками, издавал восклицания, перемешанные с божбой, и, наконец, снова садился, пыхтя, вытираясь платком и словно подавленный счастьем, потом снова вскакивал, восклицал, отбивал такт, пичкал нос табаком и, кидаясь к мсье де Ла Пэжоди, лобызал его с такой силой, что легко мог свернуть ему шею и переломать кости. Так продолжалось до тех пор, пока не надо было идти к столу, за которым мсье де Турв, вытаращив глаза, глядел, как мсье де Ла Пэжоди ест, потому что у него самого, по его словам, горло было так сдавлено, что он не мог бы проглотить ни одного куска. Эти флейтные сеансы возобновлялись иной раз днем, а часто даже и вечером, настолько была вынослива неутомимая любезность мсье де Ла Пэжоди, которого забавляло это музыкальное приключение и который, к тому же, был не прочь повторить свой репертуар.

Это своего рода безумие, в которое мсье де Турв был ввергнут встречей с мсье де Ла Пэжоди, длилось добрую неделю, после чего мсье де Турв почувствовал потребность поведать другим о чудесной находке, сделанной им в лице черноволосого человечка, чье дыхание исторгает из дерева мелодии, чарующие слух верностью звука и то волнующие, то веселящие сердце. И вот мсье де Турв переходил от двери к двери, разнося новость, и вскоре все сколько-нибудь видные лица в городе были о ней осведомлены. Это обстоятельство возбудило повсюду живейшее желание повидать и послушать этого мсье де Ла Пэжоди и его флейту. Мсье де Турв сообщил об этом настроении своему гостю, тот изъявил готовность пойти ему навстречу, и таким образом мсье де Ла Пэжоди, под эгидой маркиза де Турва, обошел весь Экс, останавливаясь где надлежало, к превеликому удовольствию мсье де Турва, который испытывал искреннюю и бурную гордость, служа глашатаем этому фениксу флейтистов. Следует также сказать, что мсье де Ла Пэжоди с величайшей отзывчивостью откликался на просьбы тех, кто выражал желание познакомиться с его талантом. При каждом выступлении мсье де Турв приходил в восторг и захлебывался похвалами, которые снискивала мсье де Ла Пэжоди красота его арий и ригурнелей, хотя иной раз его омрачала боязнь, как бы у него не похитили этот феномен, и тогда, чтобы его успокоить, мсье де Ла Пэжоди должен был клятвенно заверять его, что ничьи настояния и ничьи упрасивания не побудят его расстаться с турвовским особняком.

По правде сказать, мсье де Ла Пэжоди несколько этого и не хотелось. Слостолюбивый по природе, он охотно мирился с тучным гостеприимством маркиза. Роскошь покоев и стола были ему весьма по душе, и, вставая из-за обильной трапезы, он был не прочь развлечь мсье де Турва какой-нибудь легкой и веселящей мелодией, говоря, что хороший кусок всегда в пору. К тому же, мсье де Ла Пэжоди был еще не вполне уверен в последствиях своего авиньонского приключения, а покровительство президента де Турва служило порукой тому, что его не станут беспокоить. И он дорожил этим преимуществом, так же как не был равнодушен к проявленной лучшим эссским обществом готовности встретить его с распростертыми объятиями. Поэтому он старался оправдать это радушие таким поведением, против которого никто ничего не мог бы возразить. Итак, мсье де Ла Пэжоди усердно сопровождал маркиза де Турва на богослужения в собор и тщательно воздерживался от каких бы то ни было речей, могущих тревожить хотя бы самые щепетильные уши. Никто бы не узнал в этом скромном и благоразумном дворянине отъявленного вольнодумца парижских кабачков и бартеласской харчевни, заявлявшего, что он не верит ни в Бога, ни в черта, и ценившего этот благочестивый вздор не дороже той дудочки, на которой он когда-то, лет шести или семи от роду, насвистывал песенки птицам, в то время как в их бедной бургундской усадьбе его отец чистил старое охотничье ружье, а мать штопала ветхое платье. Не следует, однако, думать, будто под этим новым обликом мсье де Ла Пэжоди стал жеманным ханжой. Его природная живость и веселость уберегали его от этого недостатка.

Бургундская соль по-прежнему оживляла его ум. Мсье де Ла Пэжоди нравом обладал общительным, а память его была полна занятных рассказов. Однако он выбирал в своем ягдташе истории, подходящие к новым подмосткам, на которых он выступал, так что в обществе его ценили не только за его талант флейтиста, но и за приветливую внешность и умение придавать приятность разговору.

Если мсье де Ла Пэжоди старался не касаться религии и вероучения, то он не возбранял себе говорить о предметах любовных, каковые он умел излагать то осторожно и изысканно, то дерзко и весело. Впрочем, ему было известно, что в этих вопросах люди всего снисходительнее, и он не замедлил убедиться, что эксским дамам такого рода речи отнюдь не противны. Увлечательность беседы мсье де Ла Пэжоди была одной из причин их благосклонного к нему отношения, о котором свидетельствовал целый ряд несомненных признаков. Поэтому в скором времени легкомысленный рассказчик перестал ограничиваться словами. Не в его привычках было слишком долго довольствоваться отшельнической жизнью, и ему было мало созерцать в женском теле только то, что разрешает показывать мода. Мсье Де Ла Пэжоди, как я уже сказал, был сластолюбив, но его сластолюбие простиралось далее красоты пейзажей и роскошеств стола. Конечно, привольные обличья природы радовали его не меньше, чем предлагаемые ею яства, но всем иным он предпочитал раздвоенный хом красивой груди и душистый плод влюбленных губ и охотно сменял деревянную флейту на более естественный инструмент, игра на котором также насчитывает своих невежд и искусников, к каковым он причислял и себя.

Эта уверенность в своих достоинствах была у мсье де Ла Пэжоди настолько искренней, что ему не терпелось их обнаружить, тем более что он не усматривал в этом ничего противного тому благоразумному поведению, которого он решил придерживаться. Любовные дела никогда никому не ставились серьезно в вину, и снисхождение обеспечено тем, кто ими занят. Из всех страстей любовь – наиболее терпимая, ибо никто не избегает ее владычества и каждый очищается в ней грехом другого. К тому же, что может быть благонамереннее, чем предаваться любви, и есть ли на земле занятие более безобидное? Таково было, во всяком случае, мнение мсье де Ла Пэжоди, и, по-видимому, в те времена эксские дамы всецело его разделяли.

Первой, которая дала понять мсье де Ла Пэжоди, что она смотрит на это так же, как и он, была мадам де Листома, жена советника апелляционной палаты. Мадам де Листома была маленькая женщина, такая же черноволосая, такая же живая, такая же сговорчивая, как и мсье де Ла Пэжоди, и они поладили так быстро и так основательно, что сами расхохотались, очутившись друг у друга в объятиях, в такой позе и в таком небрежном виде, что у них не могло оставаться сомнений в обоюдности их соглашения. Эта первая неожиданность показалась им настолько приятной, что они сочли за благо на ней не останавливаться, тем более что мсье де Ла Пэжоди после Авиньона пользовался вынужденным отдыхом, превосходные последствия которого мадам де Листома имела полную возможность оценить, как знаток.

Одобрение мадам де Листома, которого она отнюдь не скрывала, привело к утверждению за мсье де Ла Пэжоди соблазнительной славы, причем мадам де Листома заявляла, что таковая им более чем заслужена и что он способен ее поддержать, к чему мсье де Ла Пэжоди и стремился, продолжая себя выказывать достойным самого себя и превосходящим многих. Легко понять, что этого диплома было достаточно для того, чтобы разжечь любопытство, так что мсье де Ла Пэжоди и в этом отношении возбудил такой же интерес, как тот, который он вызвал по приезду в Экс своим талантом флейтиста. Явилось желание удостовериться в столь лестно аттестованной виртуозности. И мадам де Листома недолго удерживала в своих цепях ветреного мсье де Ла Пэжоди. Мадам де Брегансон его у нее похитила. Это состязание взволновало весь город, и слава мсье де Ла Пэжоди твердо упрочилась, когда мадам де Брегансон объявила с беспечной дерзостью, составлявшей особую ее прелесть, что мадам де Листома, конечно, рассказала все, что знала относительно правды, но что с нею самой

мсье де Ла Пэжоди был еще правдивее, чем с ее соперницей.

Эта острота стала известной и в чрезвычайной степени содействовала успеху мсье де Ла Пэжоди, ибо дамы отнюдь не равнодушны к того рода качествам и способностям, которые ему приписывались, хоть они и неохотно сознаются в том, насколько они этому придают значение. Но что довершило удачу счастливого мсье де Ла Пэжоди и создало ему совершенно исключительное положение, так это безрассудство, на которое пошла ради него прекрасная мадам де Волонн. Когда мсье де Ла Пэжоди сделал вид, будто не понимает ее намерений, и отклонил ее вызов, дабы не огорчать мадам де Брегансон, мадам де Волонн так ловко подкупила слуг турвовского особняка, что однажды вечером, придя домой спать, мсье де Ла Пэжоди нашел ее у себя в кровати, совершенно голой и твердо решившей не вставать оттуда, пока он сам туда не ляжет; но мсье де Ла Пэжоди, не любивший в любовной игре навязанных карт, хотя бы то была дама, почтительно заявил мадам де Волонн, что она вольна оставаться там, где сейчас, но что он к ней не присоединится. Сколько мадам де Волонн ни плакала, ни умоляла, ни обнаруживала на постели перед мсье де Ла Пэжоди самые соблазнительные прелести, тот тем не менее всю ночь провел на стуле, что привело мадам де Волонн в такой гнев и отчаяние, что наутро она убежала из турвовского дома, почти не позаботившись одеться, и вернулась к себе полунагой и полубезумной от досады и ярости. Но всего обиднее для этой дамы было то, что мсье де Ла Пэжоди, предупрежденный слугами о ее замысле и зная, какая его ждет вечером неожиданность, сообщил об этом маркизу де Турву, и тот, спрятавшись в темном чулане рядом со спальней, явился свидетелем тщетных стараний мадам де Волонн убедить мсье де Ла Пэжоди отказаться от добровольного воздержания, какового он не нарушил ни на миг.

Такое поведение мсье де Ла Пэжоди как в отношении мадам де Волонн, так и в отношении мадам де Брегансон было сочтено вдвойне похвальным и снискало ему всеобщее уважение. Однако, если из внимания к мадам де Брегансон он отказался от удовольствия обладать столь прекрасной и столь незаурядной особой, как мадам де Волонн, то не являлось ли это доказательством преувеличенного мнения мсье де Ла Пэжоди о своем любовном могуществе и не изобличало ли это его уверенности в том, что он всегда и везде найдет добычу, равноценную той, от которой он отказался с такой дерзкой непринужденностью?.. Чтобы не воспользоваться случаем, когда он представляется сам, надо не сомневаться в возможности снова найти его при желании. Этот Ла Пэжоди мнил себя, по-видимому, весьма неотразимым, но вместо того, чтобы сердиться на него за образ мыслей, чья надменность ставила под сомнение их добродетель, эксские дамы были ему признательны за то, что он не считал эту добродетель простирающейся до того, чтобы они были готовы лишать свою красоту подобающего ей поклонения. Им было приятно внушаемое им таким образом сознание превосходства собственных прелестей, и многие из них были склонны предоставить мсье де Ла Пэжоди возможность эти прелести оценить. И с этого дня счастливый Ла Пэжоди, доказавший в деле с мадам де Брегансон и де Волонн, что он умеет хранить верность, не счел себя более обязанным являть тому новые доказательства. Он сразу дал волю своей фантазии и своему темпераменту, которые были настолько дружны, что он и не пытался противиться их союзу. Поэтому скоро весь город наполнился молвой о его похождениях, которую мсье де Турв спешил распространять, проникшись к любовным интригам мсье де Ла Пэжоди не меньшим восхищением, чем к его музыкальным талантам. Мсье де Турв, человек пожилой, уже не был в делах любви исполнителем, и нежные подвиги его любезного Ла Пэжоди пробуждали в нем воспоминания, чуждые ревности.

К сожалению, если весь Экс жужжал о проделках мсье де Ла Пэжоди, то временами ходили слухи и о тех речах, которыми он их сопровождал, а среди них встречались и такие, где не проявлялось особого уважения ни к нравственности, ни к религии. Действительно, мсье де Ла Пэжоди мало-помалу отступил от мудрой осмотрительности, которую вначале взял себе за правило. Это небрежение выразилось в том, что он перестал сопровождать мсье де Турва в церковь. Понемногу мсье де Ла Пэжоди перешел к насмешкам и глумлению над обычаями

верующих и, наконец, стал позволять себе речи, не оставлявшие сомнения в его нечестии. В мсье де Ла Пэжоди снова проявился вольнодумец и не старался спрятаться. Его нетрудно было обнаружить под прикрасой шуток, которыми мсье де Ла Пэжоди любил уснащать самые предосудительные свои суждения, но расположение, выказываемое ему всеми, было настолько прочно, что эти выходки прощали и никто не ставил их ему в вину, даже самые колкие и самые неосторожные. К тому же, многие считали их простым бахвальством и продолжали думать, что под напускною внешностью мсье де Ла Пэжоди не хуже христианин, чем всякий другой. Тем не менее, некоторые, хотя еще и не били в набат, полагали, что мсье де Ла Пэжоди – опасный ум, подлежащий строгому обузданию за непочтительность и богохульство. Эти цензоры составляли небольшой тайный кружок, и впоследствии, при обстоятельствах, о которых речь пойдет ниже, мсье де Ла Пэжоди пришлось встретиться со злопамятной неприязнью и грозной враждой. Что же касается президента де Турва, то он был в таком восторге от своего гостя, что хохотал до слез над самыми смелыми его шутками и божился, что бы там ни говорили, а этот чертов Ла Пэжоди попадет-таки в рай, иначе небесному концерту будет недоставать лучшего флейтиста, который когда-либо жил на свете, а Бог не сделает такой глупости, чтобы себя его лишить.

Всего любопытнее было то, что в числе самых убежденных сторонников мсье де Ла Пэжоди маркизу де Турву вторила старая мадам де Сегиран. Несмотря на всю свою набожность, мадам де Сегиран была без ума от мсье де Ла Пэжоди. Она одна из первых его чествовала, когда мсье де Турв к ней его привел. Она объясняла это тем, что звуки флейты этого молодого человека приводят ее в восхищение, а также, по правде сказать, и тем, что он знал в Париже ее невестку, маркизу де Бериси. Мсье де Ла Пэжоди, действительно, бывал на собраниях у этой дамы в ее доме в Маре, где она жила богатой вдовой, ибо муж ее был убит на войне, а единственный сын умер. Мсье де Ла Пэжоди вспомнил об этой мадам де Бериси, когда ее как-то назвала в разговоре мадам де Сегиран, которая, впрочем, не видела ее уже много лет, чему мало печалилась. Сношения между невестками сводились к письмам, которые они писали друг другу при оказиях и в которых излагались главнейшие события в области семейной жизни и здоровья, имевшие место там и здесь. Из этого не следовало, что эти родственницы относились друг к другу с особым вниманием, но им казалось пристойным обмениваться знаками такового. Собственно говоря, старая мадам де Сегиран была по-настоящему занята только собой, но она не гнушалась заниматься и чужими делами, всегда на страже того, что делалось вокруг, вечно поглощенная всевозможными интригами, особенно вроде тех, в которых был замешан мсье де Ла Пэжоди. Поэтому он легко снискал ее благоволение, рассказывая ей все то, что слышал за день об эксских дамах и что сам про них знал примечательного. Мсье де Ла Пэжоди вполне устраивало, что признания обеспечивают ему содействие этого опасного языка, что он поет ему хвалы столь же пронзительно, сколь громогласно их возносит, со своей стороны, мощная гортань маркиза де Турва и что оба они вторят друг другу. * * *

В таком положении была фортуна мсье де Ла Пэжоди, когда мсье де Сегиран застал его сидящим на табурете с флейтой в руках и околдовывающим подагру старой мадам де Сегиран. Мсье де Сегирану были свойственны известная серьезность и важность, которые, в соединении с меланхолией, порожденной в нем смертью жены, должны были бы несколько отдалять его от мсье де Ла Пэжоди; но этого не случилось, и мсье де Сегиран скоро освоился с присутствием в доме своей матери этого молодого человека с быстрыми и сверкающими глазами, оживленной физиономией, гибким и сильным телом, никогда не расстававшегося со своим веселым настроением. Но хотя мсье де Сегиран и относился к мсье де Ла Пэжоди с искренним восхищением, как к искусному флейтисту, и с видимым уважением, как к человеку, знававшему его тетку, маркизу де Бериси, его тем не менее не могли не изумлять и не озадачивать историйки, которые рассказывал старой мадам де Сегиран этот смелый и не воздержанный на язык человек. И до своей женитьбы, и потом мсье де Сегиран всегда очень уединенно жил в Кармейране и не подозревал, что в каких-нибудь полутора лье от его жилища собралось столько людей всякого возраста и состояния, главным занятием которых

было предаваться любви и говорить о ней. Этим открытием мсье де Сегиран был несколько удивлен, равно как и тем, что его мать все еще проявляет к подобным вопросам такой живой и пылкий интерес. Мадам де Сегиран, действительно, ежедневно выслушивала отчет о положении дел во владениях Амура из уст маленького Ла Пэжоди, который знал такое назубок. В итоге этих бесед наивный мсье де Сегиран убеждался в том, что весь город кишит любовными интригами. Мсье де Ла Пэжоди сообщал об их непрерывных видоизменениях, каковым, впрочем, он и сам немало содействовал и о каковых всегда был осведомлен раньше всех. Он представлял о них доклад мадам де Сегиран, уснащая его множеством забавных и непристойных подробностей. Мсье де Сегиран выслушивал эту литанию с серьезным видом, а иногда и с некоторым смущением и самоосуждением, если замечал, что находит в этом известное удовольствие и относится к этому не без любопытства, каковые он внутренне умерял размышлениями, из которых вытекало, что нравы века, если присмотреться к их интимной и тайной стороне, нехороши. Эти рассуждения еще усугубляли в нем чувство уважения к его покойной жене Маргарите д'Эскандо, которая в своем супружеском целомудрии была так не похожа на легкомысленных дам, чьи проказы и похождения смеясь излагал мсье де Ла Пэжоди.

Хотя мсье де Сегиран ни за что бы не согласился принять какое бы то ни было участие в этой сладострастной суете и искренне осуждал чувственную и распутную жизнь, которую вел как бешеный этот Ла Пэжоди, он все же не без грусти оглядывался на свое собственное существование. Оно представало перед ним во всем своем мрачном одиночестве и унылой праздности. Он вспоминал свои долгие дни в Кармейране, в тиши кабинета, свои прогулки в саду, свои остановки перед тумбой солнечных часов и тревогу пустых ночей. И добро бы у него еще было, как у мсье де Ла Пэжоди, какое-нибудь занятие, вроде игры на флейте! Это было, впрочем, единственное развлечение, в котором он завидовал мсье де Ла Пэжоди, ибо развлекаться с женщиной казалось ему особенно преступным, даже с одной единственной и в состоянии брака. Поэтому он отклонил предложения, сделанные ему в этом смысле его матерью, равно как не пожелал обратить внимания на некоторые взгляды, брошенные ему мадам де Листома, по менее законным побуждениям.

А между тем разве не делает их таковыми потребность тела? Его собственное, он не мог не сознаться, начинало упрямыться и бунтовать против навязанного ему столь длительного воздержания. Не говорится разве, однако, будто отсутствие упражнения притупляет чувства? Мсье де Сегиран убеждался в ложности этой аксиомы. Быть может, в этом следовало винить не столько его самого, сколько те примеры, которыми он был окружен, и те речи, которые он слышал не только из смелых уст мсье де Ла Пэжоди, но даже из уст родной матери. Рассказы об интригах и любовных похождениях, которые она любила слушать и повторять, окружали бедного Сегирана сладострастной атмосферой, отнюдь не помогавшей ему забыть, что, быть может, среди всех знакомых ему мужчин и женщин он один пребывает в целомудрии, для какового создан не более чем остальные.

Это ему стало ясно, когда однажды, придя в турвовский дом к мсье де Ла Пэжоди, он застал его шалющим с одной из горничных. При виде мсье де Сегирана эта девица вскрикнула, но, пока она опускала юбку, взоры мсье де Сегирана успели упасть на некое место, на котором они были бы рады остановиться подольше. Мсье де Ла Пэжоди сделал вид, что не заметил, как его гость покраснел и смутился, но на следующий день сообщил о своем наблюдении мадам де Сегиран. Та высказалась в том смысле, что только удачная и скорая женитьба может рассеять меланхолический и скучающий вид бедного мсье де Сегирана, не вяжущийся ни с его возрастом, ни с его личным достоинством, хотя он по-прежнему ничего не желает об этом слышать. Но ему все-таки необходимо прибегнуть к этой мере, если и не для удовлетворения чувств, то хотя бы для продолжения рода раз он не мог этого добиться от милейшей Маргариты д'Эскандо.

Однако мсье де Сегиран, несмотря на неоднократные попытки, делавшиеся его матерью за то время, что он у нее жил, по-прежнему упорствовал в своем вдовстве, с чем строго

согласовалось и его поведение. Мсье де Сегиран разглядывал женщин ровно настолько, чтобы уметь их отличать одну от другой, и ни разу не позволил себе ни с одной из них хоть сколько-нибудь двусмысленных речей. Поэтому он был крайне удручен случаем с горничной и чувствовал себя виноватым, как если бы он нарушил обет. С этого дня он стал вести себя еще более сдержанно. Он старался иметь дело преимущественно с пожилыми людьми, а то и вовсе избегал общества. Нередко вместо того, чтобы сойти в залу, где мадам де Сегиран слушала флейту мсье де Ла Пэжоди или его городскую хронику, он оставался сидеть у себя в комнате, ничего не делая или читая романы, что почти одно и то же. Таким-то образом он и попал на некое сочинение, где герои, после тысячи невероятных приключений, сходились в очарованном саду и проводили время, изображая в письменном виде приятные и лестные портреты друг друга. Мсье де Сегиран, от нечего делать, начал придумывать такие же и в том же духе. Первым образцом, пришедшим ему на ум, была, разумеется, его покойная жена. Она рисовалась ему такой благородной и такой нежной, что сначала он не находил слов; но, попытавшись несколько раз, он написал небольшой отрывок, которым остался скорее доволен и где покойная мадам де Сегиран была представлена во всей своей добродетели и красоте.

И вот мсье де Сегиран решил, что он нашел то развлечение, которое ему было нужно, и стал предаваться ему предметом неисчерпаемым, и он возвращался к нему порядок и отчетливость. Его дорогая Маргарита казалась ему предметом неисчерпаемым, и он возвращался к нему предпочтительно перед всеми остальными, принимаясь за него всякий раз по-новому и не замечая, что покойная мадам де Сегиран мало-помалу превращается под его пером в особу, которой при жизни она никогда не была. К воспоминанию, которое он хранил о своей супруге, мсье де Сегиран добавлял кое-какие черты, которые незаметно преображали ее в упоительно неузнаваемое создание, украшенное прелестями и телесными чарами, безусловно, никогда не принадлежавшими этой превосходнейшей и достойнейшей даме.

Так могло бы продолжаться еще долгое время, если бы мсье де Сегиран не вздумал, в один прекрасный день, перечесать испещренные им листки. Открытие, которое они ему готовили, привело его в совершенное изумление. Он описал не свою жену, а другую женщину. Мсье де Сегиран был ошеломлен. Он оказался игролищем плотского демона, принявшего невинный супружеский образ для того, чтобы проснуться в нем, ибо из этой дьявольской пачкотни возникало не спокойное и покорное лицо Маргариты д'Эскандо, а скорее манящая и похотливая улыбка горничной мсье де Турва, которая его дразнила своими юбками, задранными дерзкой и непристойной рукой мсье де Ла Пэжоди...

III

Такая ретивость собственного воображения очень огорчила мсье де Сегирана и стала для него предметом довольно беспокойных размышлений. Они привели к тому, что своему помрачению он усмотрел двойную причину, которая до известной степени таковое извиняла. И действительно, наши тайные мысли зависят не от нас самих, а возникают под влиянием внешних обстоятельств. В этой зависимости не волен и самый порядочный человек. У духа, равно как у тела, бывают свои причуды, и мы являемся не столько их господами, сколько свидетелями. Разве, например, не достоверно, что времена года, в своем разнообразии, влияют на наше поведение и что мы поступаем различно, смотря по тому, тепло или холодно, ясно или пасмурно, тяжел или легкий воздух? Разве не общепризнанная истина, что осень располагает к меланхолии, а весна порождает веселость, что зимняя стужа сворачивает нас в клубок, а летний жар распахивает и зовет к наслаждению? Когда воздух зноен, мы себя чувствуем как бы нагими в своем платье, и эта наша нагота вызывает в нас мысль о чужой

нагоде. Отсюда рождаются малопрстойные образы, и один-то из них и смутил мсье де Сегирана. Виновата была в этом сильная жара, нависшая над городом Эксом, который пылал на солнце всеми своими порыжелыми камнями. Действительно, стояла середина августа, который в этом году выдался исключительно знойным, Даже ночи не приносили облегчения дневной духоте, а послеполуденные часы были почти нестерпимы. Мостовые, крыши и стены дышали раскаленным пылом. Собаки обжигали себе лапы, ступая по земле, огонь которой чувствовался сквозь кожу подошв. Атланты у подъездов, казалось, обливались потом под тяжестью карнизов, а в просторном нижнем зале сегирановского дома, славившемся, однако, своей прохладой, притирания стекали со щек, так что лицо старой мадам де Сегиран походило на старинную живопись, пострадавшую от времени, в то время как неутомимый мсье де Ла Пэжоди, развалившись в кресле и не унывая ни перед чем, продолжал перебирать четки своих любовных историй, осушая большие стаканы воды с лимонным соком и обмахиваясь веером.

В такой же мере, как жаркой погоде, мсье де Сегиран приписывал воспаленным речам мсье де Ла Пэжоди резвые шалости своего воображения и позывы своих чувств. За то время, что он жил в Эксе, он ни о чем другом не слышал, как только о любви. Любовь, любовные интриги, хитрости и забавы были предметом всех бесед. Только и было речи, что об альковных проделках, о поцелуях, объятиях, о данных и нарушенных обещаниях, о связях и размолвках, о нежностях и коварствах, и неутомимый мсье де Ла Пэжоди вел изо дня в день эту любовную хронику, поясняя ее с чертовским воодушевлением и разбирая в самых скользких ее подробностях, нередко с бесстыдной откровенностью. А из этих рассказов возникало множество соблазнительных образов, заводивших вокруг бедного мсье де Сегирана свой лихорадочный хоровод и отплясывавших у него в голове сумасшедшие сарабанды. Нельзя было вдыхать безнаказанно такой нечистый воздух без того, чтобы его незримый яд не проник вам в жилы, и не этим ли тлетворным миазмам мсье де Сегиран был обязан плотскими парами, в которых его мыслям рисовались непристойные фигуры, толпившиеся там помимо его воли и чью сладострастную пагубу он ясно сознавал?

Эти размышления, неоднократно повторенные, побудили, наконец, мсье де Сегирана, в один прекрасный день заявить матери, что он уезжает к себе в Кармейран. Старая мадам де Сегиран сперва было воспротивилась такому решению и не хотела отпускать сына. Она принялась жаловаться, что он оставляет ее одну, забывая при этом, что она лишь редкие минуты виделась с ним наедине, ибо у нее почти во всякое время дня собиралось многолюдное общество, либо для игры, либо для беседы. К тому же он очень неудачно выбрал время для отъезда. Как он может так ее обречь одиноким материнским тревогам? Разве он не знает, что от кавалера де Моморона нет вестей? Разве не ходит слух, что «Отважная», галера его брата, потеряв своего мателота, отстала от эскадры и опасаются, не потопил ли ее какой-нибудь варварийский пират? Быть может, в эту самую минуту Моморон на дне моря со всей своей шиурмой; если только в плену у неверных он не сидит, в свою очередь, на веслах, под флагом Полумесяца, и его не хлещут по спине теми же бычьими жилами, которыми аргузины и комиты так щедро потчевали его каторжан. И потом, что скажут Эскандо, когда узнают, что Моморон погубил вместе с собой молодого и блестящего Паламеда? Подымется отчаянный крик, и мсье де Сегирану следовало бы быть тут, чтобы на него ответить. Наконец, разве теперь время ее покидать, тем более что у него опять приличный вид, он, по-видимому, уже переболел своим вдовством и следовало бы серьезно заняться подыскиванием новой мадам де Сегиран, которая помогла бы ему продлить древнюю честь их рода? Как ни горячилась старая мадам де Сегиран, призывая на подмогу своего маленького Ла Пэжоди, мсье де Сегиран не пожелал отказаться от своего намерения, и его пришлось отпустить, тем более что пришли успокоительные вести относительно судьбы кавалера де Моморона, благополучно настигшего свою эскадру. Когда это сделалось известно, мсье де Сегиран не стал более медлить с отъездом. В одно прекрасное утро за ним явилась карета, доставившая было его в Экс, и напрасно атланты у подъезда делали вид, будто хотят удержать своими могучими руками упрямого путешественника, который,

усевшись на подушки, облегченно вздохнул, когда завертели колеса. Так как день был знойным никто не выходил на порог посмотреть на проезжающего, хотя ему и показалось, что в особняке Листома приподнялся уголок оконной занавески, посылая ему иронический привет, а на балконе турвовского дома он как будто узнал хорошенькую горничную маркиза, которая стояла, облокотившись на перила. Но мсье де Сериган опустил глаза и поднял их, только выехав за город. К его нетерпению вернуться домой и снова увидеть свой опустевший замок, свой безлюдный сад, свои бассейны, свои солнечные часы, вздымающие на каменной тумбе острое крылышко стрелки, присоединялось желание быть ближе к воспоминанию о покойной жене, в местах, где они вместе жили. Ее тень не могла не встретить радостно приход безутешного супруга, который возвращался к ней, не отдав своего сердца никакой иной привязанности. С мыслью о столь почтенной верности и предвкушая меланхолическую радость, смешанную с некоторым чувством гордости, мсье де Сегиран взошел по ступеням, ведущим в его покои. В них ничто не изменилось за время его отсутствия. На столе все еще лежала раскрытая книга, которую он читал в тот день, когда письмо матери вызвало его в Экс. Со стены ему улыбался из рамы портрет его дорогой Маргариты д'Эскандо. Как непохожа она была на тех дам, которых он встречал в городе и о подвигах которых ему рассказывал мсье де Ла Пэжоди! Небо даровало ему в ее лице несравненную супругу, и провидение поразило его жесточайшей утратой, похитив у него эту бесподобную спутницу, которая ему оставила, увы, лишь память о себе ибо ей не удалось продолжиться в потомстве, носящем их подобие! Но эту память мсье де Сегиран чтит в достаточной мере для того, чтобы устранить из мыслей греховные образы, которые туда вторглись. И теперь, вернувшись в Кармейран, под эгиду своей дорогой Маргариты, он мог уже не бояться потаенного вызова своих чувств.

Таким образом мсье де Сегиран не жалел ни о чем, расставшись с Эксом и с тамошним обществом, ни о чем, если не считать, быть может, флейты мсье де Ла Пэжоди. Нередко, когда он прогуливался по своему саду, ему казалось, будто он слышит, как шепчут в тишине воображаемые звуки знакомого инструмента. То птица подражала какой-нибудь трели, то трепет листьев напоминал какой-нибудь каданс. Тогда мсье де Сегиран останавливался и прислушивался, но неуверенная мелодия обрывалась, и он продолжал свой путь. В глубине сада был также некий боскет, где струился живой источник. Мсье де Сегиран часто ходил туда. Из кривого сорта маскарона вода падала в мраморную чашу и стекала с мелодичным шепотом. Мсье де Сегиран подолгу простаивал там, и в этой водной песне ему чудилось как бы влажное эхо далекой флейты, заполнявшее его одиночество и немного рассеивавшее его грусть.

Ибо мсье де Сегиран весьма грустил и был не в силах скрыть от себя разочарование, которое он испытывал со времени своего возвращения в Кармейран. Если влюбленная флейта мсье де Ла Пэжоди и умела вкрадываться в его мысли, то зато он с досадой замечал, что эти мысли не так легко, как бы ему хотелось, сосредоточиваются на воспоминаниях о его супружеской жизни. Он должен был делать усилие для того, чтобы восстановить в памяти те или иные ее обстоятельства. Мало того, самый образ его дорогой Маргариты иной раз отступал в какой-то туман и таял в нем, так что не было возможности прояснить его черты и оживить краски, и мсье де Сегирана удручала эта расплывчатость, которой более искусный ум дал бы ее настоящее имя: забвение.

Конечно, не этого ожидал мсье де Сегиран, возвращаясь в Кармейран. Хоть он и нашел здесь некоторое успокоение от своих эксских тревог, зато мучился чувством крайнего одиночества, и его память не дарила ему того облегчения, на которое он рассчитывал. Дни проходили в праздности, очень похожей на скуку. Его дорогая Маргарита не помогала ему нести это испытание, вся тягость которого ложилась на него одного. Сама же она словно отошла от него и как бы все более и более скупилась на свое посмертное общество. Так мсье де Сегиран проводил долгие часы, которые она отказывалась разделить. Этот уход любимой тени в прошлое очень занимал мсье де Сегирана, и он старался найти ему объяснение. Или

он чем-нибудь невольно провинился перед ней? Ведь не был же он ответствен за порывы своего воображения. Само его возвращение в Кармейран служило доказательством тому, что он их осуждает, ибо старается избежать поводов к ним. Правда, имелись случаи с романическими портретами и с горничной мсье де Турва, но разве не были они вызваны обстоятельствами, которые не могут быть вменены ему в вину, и разве не повинны в них скорее любовные рассказы, которыми он был окружен, и тяжкий зной этого жаркого лета, которое все еще не шло на убыль, хотя уже был на исходе сентябрь? Нет, бесспорно, чем-то другим объяснялся загробный реверанс, который покойная мадам де Сегиран, казалось, отвешивала своему супругу, как бы желая таким образом вернуть ему свободу, которой он не просил и с которой не знал что делать.

Но вот случилось, что эта мрачная мысль однажды вечером стала как бы лучом света в уме мсье де Сегирана. Ему, наконец, открылась истина. Судьбе угодно, чтобы даже и в смерти Маргарита д'Эскандо оставалась несравненной супругой. Разве не она сама, стараясь с таким удивительным бескорытием добровольно изгладиться из памяти мужа, хочет при помощи этой великодушной уловки разрешить его от посмертной верности, на которую он неосторожно себя обрек? Разве не она сама находит таким образом способ указать ему поведение, подобающее Сегирану? Разве не свидетельствует она этим, что он принес ей достаточное воздаяние печали и сожалений и что большего она не требует? И, к тому же, разве справедливо, чтобы Сегиран дал угаснуть своему имени, за неимением потомства, и разве не надлежит опровергнуть злостные речи мсье д'Эскандо Маленького? Это было так ясно и наглядно, что у мсье де Сегирана навертывались слезы на глаза. В том, что такова более чем очевидная воля его дорогой Маргариты, не могло быть ни малейшего сомнения, но позволительно ли было ему принять столь необычайное, удивительное и почти сверхъестественное самоотречение?

Вот какие колебания обуревали мсье де Сегирана. В нем боролись горделивое желание явить пример безутешного вдовства и чувство тоски, которое он испытывал при виде своей пустой постели, стремление продолжить себя во множестве маленьких Сегиранов и страх, как бы не подтвердились на опыте предсказания мсье д'Эскандо Маленького. Конечно, он ничего бы не предпринял, не посоветовавшись с врачами, но если бы их заключение оказалось благоприятным, где найти женщину, достойную быть преемницей несравненной Маргариты, достойную загробной жертвы, которую та носила своему супругу? Сам мсье де Сегиран подобной не знал. Приходилось поэтому положиться на суждение старой мадам де Сегиран или, скорее всего, на обстоятельства, ибо человеческое разумение так ненадежно и недостоверно, что, быть может, предпочтительнее, вместо того чтобы оказывать ему доверие, коего оно не заслуживает, дарить таковое случаю, который иногда, вмешиваясь в нашу участь, устраивает ее не хуже нас самих.

Дойдя до этого места своих размышлений, мсье де Сегиран, чтобы предаться им с большим удобством, направился в глубь сада, в тот уголок, о котором мы говорили и где из бородатого маскарона стекала в мраморную чашу певучая водная гамма. Мсье де Ларсфиг, мой родственник, не раз возил меня в Кармейран, когда я гостил у него в Эксе, причем он мне рассказывал, как я упомянул вначале, различные перипетии этой истории. К тому времени замок перешел в руки маршала де Монтибо, который туда не наезжал, оставляя и дом, и сад в полном запустении. Мсье де Ларсфиг жалел, что нет больше Сегиранов, чтобы о них позаботиться, ибо этим весьма пренебрегал маршал де Монтибо, почти непрерывно занятый в армии и при дворе и передавший весь надзор некоему мсье Гиберу, своему приказчику и управителю. Этот мсье Гибер, которого я видел несколько раз, был толстый человек, питавший определенную склонность к мускатному вину, в силу чего мсье де Ларсфиг, с помощью своевременных подношений этого излюбленного вина, получил от мсье Гибера дозволение превратить кармейранский сад как бы в личное место для прогулок, куда он иногда и брал меня с собой. Таким-то образом, однажды, указывая мне на боскет и источник, он мне и рассказал о любопытном происшествии, положившем конец

матримониальным колебаниям мсье де Сегирана и внезапно подвигнувшем его на великое решение жениться вторично, которое он, быть может, долго бы откладывал, если бы только вообще отважился на него.

«Извольте видеть, сударь мой,— рассказывал мсье де Ларсфиг,— добрый Сегиран отдыхал как раз на вот этой скамейке и вдруг видит — по аллее, на которой мы стоим, бежит со всех ног, запыхавшись, его маленький лакей, держа в руке пакет, адресованный хозяину. Взяв его в руки, мсье де Сегиран сначала положил его рядом с собой, не глядя, и только немало времени спустя решился сломать печати и прочесть заключавшиеся в нем листки. Но по мере того, как он читал, на его лице рисовалось все большее удивление, и вы согласитесь, что было от чего, когда вам станет известно, сударь мой, что мсье де Сегиран таким образом внезапно узнал о смерти своей тетки, маркизы де Бериси, равно как о том, что по завещанию, заверенная копия которого прилагалась, она оставляла ему сполна все свое состояние, каковое было значительно, при неременном условии, что в течение трех месяцев, считая со дня вскрытия настоящего завещания, он женится на девице Мадлене д'Амбинье, младшей родственнице завещательницы, в противном же случае наследие обращалось на дела благотворительности и богоугодные вклады, за вычетом ренты в несколько сотен экю, назначаемой вышеуказанной девице д'Амбинье».

Всякий другой на месте мсье де Сегирана, читая это послание и знакомясь с налагаемым на него диковинным обязательством, по меньшей мере заартачился бы и пустился в рассуждения сам с собой, но мсье де Сегиран был в таком состоянии духа, когда люди, сами того не сознавая, склонны приписывать совершающимся событиям свойство являться истолкователями замыслов провидения. Среди обуревавших его тревожений и колебаний ему хотелось чувствовать себя направляемым рукою свыше. Мсье де Сегиран был, если можно так выразиться, одержим покорностью непредвиденному, даже если это непредвиденное принимало странную и нелепую форму. Он был рад всему, что только могло ему помочь покончить с неуверенностью. И вдруг это веление, которого он ждал от самого себя, приходило извне, избавляя его от усилия, на которое он, быть может, никогда не оказался бы способен. Действительно, мсье де Сегиран, быть может, никогда не стал бы сам искать себе жену и, быть может, никогда не согласился бы взять и ту, которую ему предложила бы мать. Точно так же он остался бы глух и к долетавшим до него, как ему казалось, внушениям его дорогой Маргариты отречься от вдовства, которое шло вразрез и с интересами его дома, и с его природными данными. Но у всех людей, даже у самых рассудительных, а мсье де Сегиран был не из тех, кто менее всего наделен этим свойством, имеется дверь, через которую в них входит то, что должно стать их судьбой, какою бы личиной таковая ни прикрывалась, и через эту-то дверь сумасшедшая старуха, маркиза де Бериси, и вводила в жизнь мсье де Сегирана мадмуазель Мадлену д'Амбинье. И заметьте, что, решаясь сразу на женитьбу, совершенно для него неведомую, мсье де Сегиран уступал не приманке сопровождавших ее денежных преимуществ. Настоящей приманкой и настоящим преимуществом, которые он в ней усматривал, было то, что таким путем он избегал выбора, при котором он, быть может, рисковал последовать плотскому влечению или порыву страсти каковые он счел бы оскорбительными для памяти первой мадам де Сегиран, тогда как в том, что вторая мадам де Сегиран являлась к нему неожиданно и, так сказать, по почте, он мог видеть вмешательство промысла, на которое нерешительные и боязливые люди любят опираться и которое оправдывает в их глазах худшие из безумств.

«Ибо мсье де Сегиран,— добавлял мсье де Ларсфиг,— в меньший срок, чем тот, который требуется этому маскарону на то, чтобы выплунуть свою воду, или этой птице, которая сейчас вспорхнула, на то, чтобы изобразить свою трель, принял внезапное решение жениться на мадмуазель Мадлене д'Амбинье, с которой не был знаком, и что лучше всего, сударь мой, так это то, что он на ней женился, и вам известно, к чему это привело». * * *

Мадмуазель Мадлене д'Амбинье довелось родиться от отца и матери, исповедовавших так называемую реформатскую религию, что является весьма предосудительным во

Французском королевстве, ибо король не желает в нем терпеть никакой иной веры, кроме прародительской. В своей же вере мсье и мадам д'Амбинье были крайне тверды и считали ее истинной, что не мешало им быть честными подданными, хоть и не помогло мсье д'Амбинье проложить себе дорогу в свете. Побыв на военной службе и видя, что продвинуться ему трудно, он скоро вернулся в свое поместье Диньи, расположенное неподалеку от Нуайона, где и жил, вдали от мирских волнений, в великом единении с Богом и полном согласии со своей женой. Та умерла от болезни, когда их дочь, Мадлена, была еще настолько мала, что не отдавала себе отчета в том, какую она понесла утрату. Мсье д'Амбинье, ощущавшего ее во всей силе, она поразила горем, еще более омрачившим его и без того строгое лицо. Эта немного свирепая внешность не мешала ему, хоть он и не показывал виду, радоваться ранней прелести своей дочери, но он счел бы себя плохим отцом, если бы чем-нибудь обнаружил свою слабость к ребенку. И этому юная Мадлена никогда не видела, чтобы у ее отца было другое лицо, как только ласково-хмурое. Каков он ни был, она все же питала к нему привязанность, в которой почтительность не исключала живости. Эту привязанность она выражала ласками и послушанием, и, когда она видела, что он читает свою большую Библию или перелистывает какое-нибудь толстое богословское сочинение, она заглушала свои игры, нередко шумные, потому что в ней было много огня и он сверкал живыми искрами в ее глазах, красивых, лучистых и слегка приподнятых к вискам.

И действительно, когда Мадлене д'Амбинье исполнилось семь или восемь лет, нетрудно было заметить, что среди даров, которыми ее наделил Господь, объявится и дар красоты. Другой отец на месте мсье д'Амбинье возрадовался бы такой милости и был бы счастлив ею, потому что если в ребенке она представляет приятное зрелище, то для женщины она становится столь значительным преимуществом, что, быть может, ему не найдется равного. Разве это не общепризнанная истина, что созерцание красивого лица рождает в нас, по отношению к его обладателю, чувство приязни, откуда могут проистечь как дружба, так и любовь, являющиеся двумя наиболее подлинными радостями жизни? Но мсье д'Амбинье думал на этот счет иначе, чем большинство людей, и в даре, сулящем красоту, видел лишь испытание, посылаемое провидением его дочери. Мсье д'Амбинье угрюмо размышлял о всевозможных опасностях, которые ожидают эту девочку, так нежно и так строго любимую, если впоследствии сбудется то, что уже обещает ее лицо, еще не уверенное в том, каким оно будет, но готовое стать совершенно очаровательным. Размышляя так, мсье д'Амбинье хмурился и подолгу сидел, уткнувшись в Библию, в то время как около него маленькая Мадлена скакала или забавлялась какой-нибудь игрой, как, например, ходить смотреться в зеркало, делая вид, что она подносит к нему куклу, которую затем жестоко отчитывала за кокетство...

По мере того как дочь росла, а лицо ее и тело все более и более принаравливались к тому, чтобы достигнуть совершенства, которое уже предугадывалось по целому ряду признаков, беспокойство мсье д'Амбинье увеличивалось, и он его еще усугублял, наблюдая характер молодой Мадлены. Под смесью детской веселости и преждевременной рассудительности таилась слепая необузданность, неожиданно прорывавшаяся в настроении этой маленькой особы, обыкновенно такой послушной, простой и милой. И вправду, Мадлена д'Амбинье была способна иной раз желать чего-либо с горячностью, доходившей до последних пределов страстности. Эти задатки сказывались в ней пока что в легкой степени и, так сказать, в миниатюре, а желания ее бывали направлены на предметы, соответствующие ее возрасту, но все же это являлось показателем, которым не следовало пренебрегать, тем более что страстность эта соединялась в ней с удивительным упрямством и неуступчивостью. Она могла упорствовать в них с молчаливой яростью или же вдруг отдаться порыву вспыльчивости, обуздать который была уже не властна.

Все это, само собой, проступало только бегло и по временам, и всегда нужен был какой-нибудь особый повод, чтобы обнаружились глубины ее естества, но, как-никак, в ней, где-то на дне, обитало некое внутреннее пламя, в достаточной мере оправдывавшее

опасения мсье д'Амбинье, когда ему случалось улавливать его жгучие отсветы.

Эти мгновения были настолько редки у Мадлены д'Амбинье, что наблюдатель менее зоркий, чем ее отец, мог их и не замечать. Для всех это была просто милая и веселая девочка и притом, как я вам уже говорил, умница, но мсье д'Амбинье не останавливался на одной лишь видимости и не раз задумывался над тем, как ему взяться за воспитание этого характера. Он понимал, что воспитание не изменяет нашей сущности, а, самое большее, научает нас частично обуздывать ее и направлять. По-этому надлежало, скорее всего, переплавить все целиком заново. По мнению же мсье д'Амбинье, в этом отношении не было средства более действенного, нежели религия; а потому, как только его дочь настолько выросла, что могла воспринимать ее наставления, он постарался обеспечить ей эту твердую точку опоры и вооружить против себя самой этим мощным рычагом, внедряя в нее глубокое постижение преподаваемых религией заповедей и предписываемых ею правил. Ему хотелось, чтобы она была не только крепка в своей вере, но и вполне в ней осведомлена, как в догматике, так и в практике, чтобы она была точна в исполнении обрядностей и чтобы ревность ее благочестия была равна отчетливости и широте ее познаний.

Другая на месте Мадлены д'Амбинье, быть может, и воспротивилась бы такому уставу, но та, напротив, покорно ему подчинилась. Еще когда она была совсем маленькой, толстая Библия ее отца и объемистые тома, в которые он углублялся, возбудили ее любопытство, и на предложение удовлетворить его она откликнулась с жадностью. К тринадцати годам она уже орудовала богословскими контроверзами не хуже любого доктора, и отрадно было видеть, как она разбирается во всевозможных аргументах, софизмах и тонкостях. Сам мсье д'Амбинье удивлялся, с какой легкостью и с каким знанием дела она ведет такого рода беседы, во время которых ему требовалось все его внимание, чтобы не оплошать перед своей хорошенькой противницей. Он только о ней и говорил, когда бывал в обществе местных пасторов, среди которых Мадлена д'Амбинье пользовалась заслуженной репутацией и из которых не один побоялся бы увидеть на своей проповеди эту серьезную маленькую особу, подмечавшую решительно все.

Такое усердие и такие познания успокаивали мсье д'Амбинье и в то же время доставляли ему большую радость. Будущее представлялось ему не столь мрачным, и он подчас смотрел чуть ли не с удовольствием на возрастающую красоту своей дочери. Он начинал не так опасаться для нее козней света. Разве она не сможет их разрушить? Разве он не вложил ей в руки необходимое оружие для правой битвы? С каким надежным щитом веры пойдет она по стезям господним, если ей встретится враг, как хорошо она сумеет противопоставить твердость своих правил замыслам противника! Впрочем, этой милой девочке не суждено играть на подмостках света сколько-нибудь яркой роли, ибо, как ни образованна и ни прекрасна Мадлена д'Амбинье, она бедна. Действительно, мсье д'Амбинье никогда не был богат, а его щедроты в отношении реформатских церквей и неимущих единоверцев окончательно его обеднили. Мсье д'Амбинье столь часто развязывал свои кошелек, что в нем остались одни лишь петли, и, порвись они, он бы немного потерял. Диньийские земли пошли той же дорогой, что и деньги, и недосчитывались изрядного числа полей, лугов и лесов. Уцелевшие куски поддерживали усадьбу, где под покосившимися потолками и среди разъехавшейся обшивки мсье д'Амбинье продолжал читать своих проповедников и Библию, в то время как его дочь, девица уже почти на выданье, сидя рядом, внимала какому-нибудь прекрасному стиху псалма или возражала по какому-нибудь пункту богословской контроверзы.

За таким занятием ее застал, в один прекрасный день, граф де Бранжи, их родственник, который, проезжая мимо в карете, завернул в Диньи. Мсье де Бранжи принадлежал к роду д'Амбинье, но к католической его ветви, и это пошло ему на пользу, ибо он возвысился до маршальского чина. Король взирал на него благосклонно, министры оказывали ему расположение, а потому он с состраданием смотрел на поношенное платье и облезлый парик мсье д'Амбинье. Но на кой черт упорствует мсье д'Амбинье в своем гугенотстве, когда

столько добрых дворян его толка бросили тянуть тощее вымя николкиной коровы? Последуй он их примеру, он бы теперь не прозябал вдали от Парижа и Двора, отлученный от всего и ни к чему не прикаянный! А за кого он выдаст эту красивую девушку в этой деревенской дыре? Разве так уж важно верить в Бога тем или другим манером, молиться ему по-французски или по-латыни, слушать мессу или проповедь? Не говоря уже о том, что такое упрямство может повредить благополучию рода д'Амбинье, коему он, Бранжи, служит опорой и украшением, благодаря милости короля, который до сих пор не ставил ему в вину его родство с еретиками.

Эти речи, сопровождаемые многими другими, привели мсье д'Амбинье в лютую ярость, которую не могли унять даже ласки дочери. Всю ночь он шагал взад и вперед по комнате, ругаясь и бесясь, и простудился, ибо наступала зима. Вместо того чтобы дать о себе позаботиться, мсье д'Амбинье отклонил какой бы то ни было уход, скрывая от всех степень своего недомогания. Так прошла зима, в начале весны мсье д'Амбинье почувствовал себя лучше, но вскоре у него опять возобновился кашель и озноб. С каждым днем его состояние все ухудшалось и стало, наконец, таким отчаянным, что пришлось отказаться от всякой надежды. Сам мсье д'Амбинье возлагал упование только на Бога, и в эту сторону были обращены все его помыслы. Свет стал ему настолько безразличен, что его даже не заботило, какая участь ждет его дитя. Ее он также передавал в руки господни.

Однажды утром его нашли в постели умершим от кровохарканья, такого обильного, что на полу стояла лужа.

Это зрелище повергло мадмуазель д'Амбинье в искреннюю печаль, потому что она обожала неприветливого отца, чья святая непредусмотрительность оставляла ее в положении, близком к бедности. Так как у нее не было иной родни, которая могла бы о ней позаботиться, опека над ней переходила к графу де Бранжи, который узнал без особого удовольствия о выпавших на его долю обязанностях. Как посмотрят при Дворе, что он принял в дом родственницу-гугенотку, напичканную псалмами и богословием? Слух об этом разлетится быстро, и его карьера может пострадать. Карьеру же свою мсье де Бранжи не считал законченной и страшился всего, что могло бы помешать ее течению. Поэтому он поведал о своих тревогах своей старинной приятельнице и отчасти родственнице, маркизе де Бериси. Случай был затруднительный, ввиду того что дом мсье де Бранжи являлся не очень подходящим местом для того, чтобы служить приютом молодой девушке, ибо если мсье де Бранжи был крайне взыскателен в вопросах веры, то был менее строг в отношении нравов, своих же он не желал менять и не был склонен изображать нелюдимого старца, состоящего при особе юной мадмуазель д'Амбинье.

Мадам де Бериси, женщина большого ума, вошла в положение мсье де Бранжи, и ее дружба к нему подсказала способ вывести его из затруднения. Мадам де Бериси была не настолько молода, чтобы бояться общества юности, и не настолько стара, чтобы страшиться ее резвого присутствия. Будучи вдовой и притом бездетной, она предложила мсье де Бранжи, что возьмет на себя попечение об их юной родственнице и поселит ее у себя, пока та не выйдет замуж за какого-нибудь порядочного человека, если вообще сыщется такой, который удовольствуется приданым в виде миловидного лица и тела, обещающего быть приятно подходящим для любви. Итак, мадам де Бериси давала мадмуазель д'Амбинье стол, кров и уход, но ставила одно условие: хорошенькая гугенотка должна была отречься от заблуждений, в которых ее воспитали, и вернуться в лоно римской церкви. А лучшим средством достигнуть этого было отдать мадмуазель д'Амбинье в один из монастырей, занимающихся обращением девиц, исповедующих реформатскую религию. Где бы они нашли более надежные способы просветить свою душу и возвратиться к истине? Таким образом, мадмуазель д'Амбинье отвезли к сестрам-искупительницам в предместье Сен-Жак, где и обещали, оставив ее за решеткой, вернуться за ней, как только она добровольно исполнит то, чего от нее ждут.

Итак, мадмуазель д'Амбинье поступила к искупительницам, но принесла с собой необычайный дух строптивости и упрямства, о который разбились первые попытки взявшихся за ее обращение монахинь. На все настояния мадмуазель д'Амбинье отвечала холодным и презрительным молчанием. Видя это немое упорство, сперва прибегли к ухаживаниям и баловству. Убедившись в их тщете, перешли к иного рода мерам. Мадмуазель д'Амбинье, разлученную с подругами и вне общения с наставницами, держали в одиночестве, надеясь, что она не замедлит им утомиться; но упрямец, по-видимому, не замечала своего уединения. Вместо того чтобы им смягчиться, она черпала в нем силы, которые рождает гонение и которые замыкали ее в какую-то безмолвную нелюдимость, откуда она, казалось отнюдь не торопилась выйти. Тогда пришлось признать что мадмуазель д'Амбинье не из тех послушных душ, для которых, чтобы с ними управиться, нужно только немного ласки или немного строгости. Заблуждение покоилось в ней на прочных и глубоких основах, которые не поддались бы легким приемам убеждения, обычно применяемым добрыми сестрами, и устойчивость которых могла бы быть поколеблена только доводами разума. Чтобы мадмуазель д'Амбинье могла сдаться, мало было простых стычек, а требовалась правильная осада. и к таковой решено было приступить. Добыча стоила трудов, и потом разве не было обещано графу де Бранжи избавить его от забот, причиняемых ему родством с этой юной еретичкой, а маркизе де Бериси – благополучно завершить предприятие, которым она интересуется? Поэтому оставалось только открыть траншею, и скоро Мадлена д'Амбинье должна была сдаться на милость победителей к вящей славе святой и истинной веры.

Первые осадные работы выпали на долю монастырского священника, мсье Легри, но едва он пощупал почву, как отступил в полном смущении. Эта маленькая д'Амбинье оказалась искушенной в прениях не хуже женевского проповедника. Ее ничем нельзя было сбить, на все у нее находился ответ. Ввиду этого мсье Легри, привыкший к более легким задачам, воззвал к своему другу мсье Лерамберу, чья речь была убедительнее, нежели его собственная. Но и мсье Лерамбер потерпел неудачу. Мадмуазель д'Амбинье охотно вступала в собеседования и разговоры. Она вела их с серьезным видом, опустив глаза, подымавшиеся только в тот миг, когда какой-нибудь внезапно отраженный довод зажигал в них молнию, которую бедный мсье Лерамбер признавал нестерпимой. Весь монастырь страстно следил за этой борьбой, от которой зависела честь общины и которая грозила обернуться не в его пользу. Мать настоятельница, встревоженная представляемыми ей докладами о плохом положении дела, решила прибегнуть к чрезвычайным мерам и попросила мсье дю Жардые взять его в свои руки.

Мсье дю Жардые был еще молодой священник, но уже успевший прославиться своею святостью. Красота его лица не уступала чистоте его нравов, а познания были на высоте его добродетели. Жил он бедно и свое скромное имущество тратил на милостыню. Он мог бы иметь большой достаток, если бы счел уместным об этом позаботиться, но он был чужд мирским вкусам и свои духовные силы посвящал служению душам; и привести одну из них к Богу казалось ему прекраснее всего. Душа мадмуазель д'Амбинье сразу показалась ему особенно достойной быть наставленной на путь истинный, и он приступил к работе с той кротостью и твердостью, которые применял в делах обращения и которые никогда не наталкивались на сколько-нибудь длительное сопротивление. Мсье дю Жардые, за которым уже числились обращения маршала де Ферьера и князя Галленберга, не сомневался в том, что без труда добьется такового и с мадмуазель д'Амбинье. Но вскоре и ему пришлось приуныть, по примеру мсье Легри и мсье Лерамбера. После двух месяцев уговоров, вразумлений и порицаний мсье дю Жардые подвинулся не дальше, чем в первый День. Всем его усилиям мадмуазель д'Амбинье противопоставляла преграду своего упорства. Все натиски мсье дю Жардые были тщетны, и ему нигде не удавалось утвердиться в этой столь крепко окопавшейся душе, которая иной раз отражала приступ с такой отвагой и ловкостью, что мсье дю Жардые бывал совершенно сбит с толку. Тогда мадмуазель д'Амбинье с трудом удерживалась от смеха, глядя на своего опешившего противника, со вздохом вытиравшего лоб. Но такой веселой мадмуазель д'Амбинье бывала редко. Чаще всего она держала себя

во время состязания с непреклонной серьезностью, и сам мсье дю Жардьё не мог не любоваться, хоть и сокрушаясь, стойкой обороной неприятеля. Тем не менее, это его иногда сердило. Даже у святых бывают свои слабости, и мсье дю Жардьё был не вполне чужд тщеславия, а потому в один прекрасный день, задетый пренебрежительным ответом мадмуазель д'Амбинье, он заявил настоятельнице, что отказывается вести дальше дело, которому не предвидит конца, добавив, что упорство мадмуазель д'Амбинье объясняется, по-видимому, присутствием в ней некоего тайного демона, которого надлежало бы изгнать, прежде чем предпринимать что бы то ни было, рассчитанное на успех.

Это заявление святого мсье дю Жардьё всполошило монастырь, и пошли разговоры, что мадмуазель д'Амбинье одержима бесом. Когда о мнении мсье дю Жардьё сообщили графу де Бранжи, с тем от ярости чуть не случился удар. Как? У него в семье – не только строптивая гугенотка, но настоящая бесноватая? Мадам де Бериси, по счастью, приняла все это легче и сказала, что, в конце концов, дьявол ей не так уж страшен, в особенности когда он столь милостив, как эта молоденькая колдунья. Поэтому, если мсье де Бранжи не находит это неудобным, она готова теперь же взять к себе мадмуазель д'Амбинье. Мсье дю Жардьё был запрошен и жалея немного, что в минуту раздражения он свою хорошенькую оглашенную готов был предать заклинателям, дал благоприятный отзыв, говоря, что пути господни неисповедимы и что судьбы в его руке, что только чудо его могущества и благодати могло бы привести к нему вновь столь решительно и упорно заблудшую душу, в которой, однако же, не следует отчаиваться, ибо божественное милосердие беспредельно.

Так совершился победоносный переезд мадмуазель д'Амбинье из монастыря сестер-искупительниц в дом маркизы де Бериси; но лучше всего было то, что требуемое мсье дю Жардьё чудо не заставило себя долго ждать. Не прошло и полугода со времени ее выхода из монастыря, как мадмуазель д'Амбинье сама объявила мадам де Бериси, что решение ею принято. Она соглашалась отречься от своих заблуждений и вернуться в лоно церкви, что и исполнила, являя доказательства чистейшей веры и искреннейшего благочестия. Но что всего удивительнее, так это то, что ни мадам де Бериси, ни мсье дю Жардьё так и не узнали, чем было вызвано обращение мадмуазель д'Амбинье и что было тому тайной причиной. Возможно, впрочем, что это осталось неизвестным и самой мадмуазель д'Амбинье. В сердце женщин бывают странные загадки, столь же непостижимые для них, как и для нас. Женщинам свойственны внезапные перемены, едва ли понятные им самим и совершающиеся в них так глубоко, что их зрение до туда не достигает. Вот почему их поведение бывает таким разным и таким неожиданным, причем в этой изменчивости они обнаруживают чистосердечие, которое может нам казаться удивительным, но которое тем не менее искренне. Женщина может стать совсем другой, чем прежде, не переставая думать, что она все такая же, как была. Поэтому и суждения женщин о самих себе столь часто бывают благоприятны, наши же о них столь часто несправедливы, чему виной опять-таки наше неведение о них в ту минуту, когда они нам кажутся все еще тем, чем они уже перестали быть. Что мы знаем о тайном движении их мыслей? А потому, в конечном счете, мы поступим всего лучше, если просто будем их наблюдать, не слишком стараясь их постигнуть и памятуя, что женщина может быть вполне правдивой, причем ни она сама не будет знать, почему это так, ни мы не сможем проверить, если бы даже хотели, так ли это в действительности.

Что бы ни говорилось об этом непонятном обращении мадмуазель д'Амбинье, ничто, однако, не позволяло усомниться в его искренности. Мадмуазель д'Амбинье не раз удивляла мадам де Бериси пламенностью своей новой веры. В противность многим новообращенным, которые, шагнув, не заботятся больше о том, куда они ступили, мадмуазель д'Амбинье продолжала испытывать почву, по которой она продвигалась вперед. Отцовское воспитание и прения с мсье Легри, Лерамбером и дю Жардьё прирастили ее к чтению богословских и казуистических сочинений, и она целыми часами просиживала у себя взаперти, предаваясь этому строгому занятию. Любознательность ее в этом направлении была безгранична. Что же касается ее благочестия, то оно было образцовым: она подолгу молилась, то в церкви, то

дома, особенно же о душе графа де Бранжи, послужившего причиной ее обращения. Этот достойный дворянин скончался, не дождавшись успокоительного известия об отказе его молодой родственницы от помрачавших ее заблуждений и не успев очиститься от своих собственных, ибо коснеющий язык и угасающее дыхание не дали ему испросить прощения у Бога.

Мадам де Бериси усмотрела в этом указание на необходимость привести в порядок свои дела, но прошло еще пять лет, прежде чем умерла и она, оставив в своем завещании новые и странные распоряжения, коих ее племянник, граф де Сегиран, являлся предметом, а мадмуазель д'Амбинье, которой к тому времени было немногим больше двадцати лет, должна была нести последствия, о каковых я узнал из бесед с мсье де Ларсфигом и каковые вознамерился изложить. * * *

Мсье де Ла Пэжоди показалось заманчивым воспользоваться случаем вновь побывать в Париже, когда мсье де Сегиран предложил ему сопровождать его в предстоящем путешествии. Не то чтобы мсье де Ла Пэжоди не нравилось в Эксе, где он нашел, после своего авиньонского происшествия, тот прием, о котором мы уже знаем, но он был непоседлив, и перспектива прокатиться с мсье де Сегираном представлялась ему не лишенной приятности. Мсье де Сегирану это тоже было выгодно. Мсье де Ла Пэжоди был человек многоопытный, и, если бы в дороге что-нибудь приключилось, мсье де Сегиран мог рассчитывать на ценное содействие своего спутника.

Приняв такое решение, эти господа отправились в путь в первых числах октября, и в течение всего переезда между ними царил полнейшее согласие. Мсье де Сегиран был довольно молчалив и погружался в свои думы, а мсье де Ла Пэжоди не хотелось его от них отрывать, ибо его собственные занимали его куда больше и он охотно им отдавался. Некоторые из них касались мсье де Сегирана, и по временам мсье де Ла Пэжоди взирал на него не без удивления. Мсье де Сегиран, и мсье де Ла Пэжоди не мог не восхищаться этим, ехал жениться с совершенно невероятным спокойствием. Исполняя волю своей тетки, мадам де Бериси, он не проявлял ни особого рвения, ни неохоты и готовился вступить в брак с мадмуазель д'Амбинье, даже не осмелев, какова она лицом и каков у нее характер. Могло ведь случиться, что она безобразна или сварлива, но мсье де Сегирана это, видимо, не заботило. Это искренне восхищало мсье де Ла Пэжоди. Мсье де Сегиран представлял отличный пример того, что есть еще люди, охотно верящие, будто провидение особенно внимательно к их делам и хочет добра именно им, и в этом убеждении полагающиеся во всем на волю Божию. В этой уверенности они черпают весьма завидное спокойствие, которое должно бы служить образцом для тех, кто мечется, стараясь отыскать сам, в чем для него истинное благо. Что проку, в самом деле, в нашем пустом волнении и где тот зоркий ум, который бы отчетливо видел настоящее и ясно различал грядущее? Не лучше ли возложить на кого-нибудь другого эту неприятную заботу, и кто к ней более пригоден, как не тот, кто нас создал? Эти мудрые рассуждения приводили мсье де Ла Пэжоди к мысли, что, быть может, в конечном счете, бытие Божие и бесполезно, если только верить в него настолько твердо, чтобы у нас было ощущение, что божественное посредничество преследует нашу пользу. А есть люди, которые судят именно так. Разве не этой уверенности следовал мсье де Сегиран, подчиняя свою судьбу событию, к которому он был совершенно не причастен и которое он потому именно был склонен предполагать благоприятствующим, что приписывал его вмешательству свыше? Однако, несмотря на преимущества такого образа мыслей, мсье де Ла Пэжоди чувствовал себя ему довольно чуждым, а потому надежда скоро увидеть снова кабачок «Большой кружки», где он и его друзья некогда заседали, освежала в его памяти лучшие его богохульства и язвительнейшие словца:

Действительно, в этой «Большой кружке», несколько лет тому назад, он почти ежедневно встречался со своими товарищами по безверию. Ах, что это был за славный квартет нечестивцев и что за адский содом они поднимали вчетвером! Там был мсье Рениар де Фаржу, тонущий в животе и потрохах, с короткими ногами, куцыми руками и маленькой

головкой, затерявшейся в обширном парике, мсье Рениар де Фаржу, с его писклявым голоском и редкой емкостью зева и гортани, у которого все поглощаемые брашна и напитки шли на пользу одному лишь пузу в ущерб незрелым и хилым конечностям; там был мсье Дэфорж, красивый, плотный мужчина, любивший и умевший поесть и выпить. Этот не довольствовался грубыми богохульствами и простыми харчами, которыми наслаждался мсье Рениар де Фаржу. И те, и другие он любил изысканными и умело приправленными. Он смаковал их тонким языком, а говорил ровным и низким голосом. Недаром мсье Дэфоржу подносили во всем только верхний слой корзины, да и то еще он строго к нему приглядывался. Мсье де Ла Пэжоди вспоминал с гордостью, что иногда мсье Дэфорж награждал его улыбкой, которая на его полном достоинства, спокойном и свежем лице имела странную прелесть и зажигала в его глазах довольный огонек, уловить который бывало лестно. Рассмешить же мсье Дэфоржа нечего было и думать, и никто на свете не мог бы похвастаться, что это ему удалось.

Иное дело был барон де Ганневаль. Быть нечестивцем и вольнодумцем доставляло барону де Ганневалю чудовищную и неистовую радость, в соответствии с его ростом и силой, каковыми он походил на баснословного Геркулеса. Мсье де Ганневаль обладал телом, близким к исполинскому, а объем его легких объяснял громозвучность его голоса. Когда мсье де Ганневаль откликался, ударяя кулаком по столу, стекла в окнах звенели. Его мощный хохот гремел, как буря, а вызвать его было нетрудно, ибо мсье де Ганневаль смеялся всему, причем нередко, и не меньше своим собственным словам. Он бывал ими так доволен, что было бы жестоко не быть довольным тоже. Мсье Дэфорж иногда говорил, что мсье де Ганневаль так глуп и так добр, что ему трудно будет попасть в ад, но что ему в этом помогут. Эти слова всякий раз возбуждали в бароне де Ганневале неугасимую веселость, а мсье Рениар де Фаржу при этом шептал ему на ухо невозможные вещи.

Мсье Дэфорж, мсье Рениар де Фаржу и барон де Ганневаль, должно быть, по-прежнему заседали все в том же кабачке «Большой кружки», ибо они были люди привычки, а их привычка была там собираться. Мсье де Ла Пэжоди заранее радовался, представляя себе, как его встретят, когда он неожиданно появится на пороге, а также предстоящему знакомству с новыми участниками, надо было полагать, примкнувшими к обществу. Он уже видел себя состязающимся с ними, при одобрительной полуулыбке мсье Дэфоржа и под оглушительный смех барона де Ганневаля. Если только, конечно, его пребывание в Эксе не иссушило его задора и он не превратился в провинциального атеиста. Задор этот, впрочем, не нашел там особенного отклика, и, хотя мсье де Ла Пэжоди и был там очень в моде, начала безверия, которые он возвещал, не проложили себе пути. Иной раз ему даже случалось улавливать у того или у другого как бы выражение неодобрения, но Экс не Авиньон, и разве покровительство маркиза де Турва и Сегиранов не обеспечивало ему свободы говорить открыто, тем более что довольно было арии его флейты, чтобы рассеять впечатление от речей?

Размышляя так и глядя в окно кареты на места, по которым они проезжали, мсье де Ла Пэжоди нащупывал в футляре свой верный инструмент, ибо он захватил с собой свою неразлучную флейту. Иной раз, когда доезжали до какого-нибудь красивого места, он велел остановиться. Затем он проворно выскакивал из кареты с флейтой в руке и принимался играть, дабы, как он говорил, поблагодарить природу за ее красоты, привязывающие нас к ней и делающие наш дольний мир столь приятным местопребыванием, что с нашей стороны было бы неблагодарностью не пользоваться всеми теми наслаждениями, которые он нам предлагает. И мсье де Ла Пэжоди, надувая щеки и шевеля суставами, наигрывал какой-нибудь тихий напев, нежный или печальный, смотря по тому, сияло ли в осеннем небе солнце или по нему проносились тучи, являл ли кругозор миловидное или же величавое зрелище. Иной раз также, дожидаясь ночлега в харчевнях, он развлекал себя какой-нибудь мелодией. Однажды он даже пустил в пляс работников и служанок, из которых наиболее сговорчивая послужила в этот вечер Эвридикой новому Орфею.

Эта невзыскательная прихоть погрузила мсье де Сегирана в ночные размышления, довольно долго не дававшие ему уснуть. В то время как за стеной его спутник предавался забавам с первой встречной, мсье де Сегиран думал о том, что одиночеству его постели скоро наступит конец и что рядом с его телом на ней протянется снисходительное и законное тело, соглашаясь на удовольствие, которое он сможет вкушать честно и ежедневно, а не когда придется и случайно, как мсье де Ла Пэжоди. При этой мысли мсье де Сегиран невольно испытывал известное удовлетворение. Таким образом, его ждало освобождение от плотских тревог, смущавших его с тех пор, как он овдовел, и он радовался принятому им с посмертного одобрения его дорогой покойницы, Маргариты д'Эскандо, решению исполнить желание, выраженное в завещании его покойной тетки, маркизы де Бериси. Разве не согласовался он во всем этом с волей провидения, что для христианина важнее всего? Итак, скоро у него должна быть новая жена, ибо он ни минуты не сомневался, что мадмуазель д'Амбинье возьмет его в мужья и предпочтет честь его ложа тощей ренте, которую ей назначала, в случае отказа, мадам де Бериси. Эта уверенность успокаивала мсье де Сегирана, и он предавался ей беспрепятственно, потому что она проистекала не столько из личного тщеславия, сколько из сознания того, как выгодно быть Сегираном. А посему он был твердо убежден, что мадмуазель д'Амбинье не откажется от своей выгоды, заключающейся для нее в том, чтобы снабдить этот знаменитый род потомством, которого ему недостает и которое она не преминет ему доставить.

Дойдя в своих размышлениях до этого места, мсье де Сегиран почесал за ухом. Малоучтивые слова, сказанные ему когда-то мсье д'Эскандо Маленьким, снова зазвучали у него в памяти, но на этот счет у мсье де Сегирана имелось готовое решение. По приезде в Париж он дознается правды и покончит с этими инсинуациями, ибо он имеет намерение посоветоваться с каким-нибудь известным столичным врачом. И когда тот признав его способным к размножению, ему будет наплевать на глупости мсье д'Эскандо Маленького. Вот тоже! Оттого, что он отец полудюжины карликов и карлиц, большеголовых и толстопузых, этот Эскандо считает себя более роскошно многочадным, чем какой-нибудь библейский патриарх! Ему придется поубавить спеси, когда он увидит, что целый взвод маленьких Сегиранов, здоровехоньких красавцев, опроверг его предвещения. Ибо мсье де Сегиран не сомневался в приговоре сведущих людей. Разве не служили признаком его природного здоровья многочисленные беременности его дорогой Маргариты, обремененной своими неудачами, увы, по-видимому, только себе самой, и разве не являлось лишним доказательством его силы чисто мужское возбуждение, которое он испытывал в своем теле, слыша за стеной повторные резвости мсье де Ла Пэжоди и счастливые вздохи маленькой служанки? И, пренебрегая этими суетными шумами, мсье де Сегиран повернулся на другой бок и наконец уснул с мыслью о мадмуазель д'Амбинье.

Между тем приближался миг, когда карета должна была покинуть дорожные колеи и покатить по парижской мостовой. Уже миновали Санс, и села следовали за селами, подъемы чередовались со спусками, и оставалось недалеко до столичных предместий. Никаких неприятных задержек в пути не случилось. Мсье де Сегиран усматривал в этом счастливое предзнаменование для своих брачных замыслов, а мсье де Ла Пэжоди видел доказательство того, что лучше ездить в хорошей карете на хороших лошадях, чем в общественных повозках и дилижансах, влекомых клячами, спотыкающимися о всякий камушек. Не завидуя чужому достоянию, он умел ценить его удобства и находил приятным и справедливым извлекать из них пользу. Это правило, в применении к личной жизни, всегда и отвращало его от брака. Он предоставлял другим заводить себе жен, считая себя вправе пользоваться чужими избранницами, когда они приходились ему по вкусу, а он им. Положения эти он нашел настолько удовлетворительными, что дал себе слово всегда применять их на деле, а потому, дружелюбно взирая на мсье де Сегирана, он иной раз задавал себе вопрос, на что может быть похожа эта мадмуазель д'Амбинье, которую маркиза де Бериси назначила своему племяннику в супруги. Мсье де Ла Пэжоди, знававший в свое время мадам де Бериси, побаивался ее язвительного ума старой феи. Какую шутку захотелось ей сыграть с бедным

Сегираном? Какую кривобокую дурнушку или какую маленькую мегеру увидит перед собой этот несчастный? Мсье де Ла Пэжоди втихомолку посмеивался, в то время как карета, чьи тяжелые колеса являлись колесами брачной фортуны мсье де Сегирана, въехав в ворота, останавливалась во дворе берисиевского дома. Бросив заниматься догадками, мсье де Ла Пэжоди проворно соскочил на землю. Быстрым взглядом он окинул двор, фасад и даже старого управляющего покойной мадам де Бериси, по имени мсье Прюне, подбежавшего к дверце и суетившегося около своего нового хозяина. Мсье де Сегиран велел тотчас же проводить себя в свою комнату, а мсье де Ла Пэжоди – в приготовленную для него. Когда мсье де Сегиран и мсье де Ла Пэжоди передохнули, добрейший мсье Прюне явился за приказаниями. Мсье де Сегиран пожелал быть представленным мадмуазель д'Амбинье и пригласил мсье де Ла Пэжоди сопутствовать ему. При этом лестном предложении мсье де Ла Пэжоди поморщился. Ему не терпелось повидать в кабачке трио своих приятелей. А потому сославшись на то, что мсье де Сегирану уместнее представиться мадмуазель д'Амбинье одному, он с ним простился и бодрым шагом отправился на поиски мсье Рениара де Фаржу, мсье Дэфоржа и барона де Ганневаля.

Три дня кряду мсье де Ла Пэжоди не показывался в берисиевском доме. Когда он возвратился, на четвертый день пополудни, привратник взглянул на него не без недоверчивости, настолько он шагал нетвердо и имел растерзанный вид. Парик у мсье де Ла Пэжоди съехал на сторону, манжеты были разорваны, а чулки сползли к пяткам, но этот плачевный наряд, по-видимому, нисколько не повлиял на его отличное настроение, ибо он направился к себе в комнату, напевая застольную песенку. Первым делом он осведомился о мсье де Сегиране. Ему ответили, что граф де Сегиран отбыл в карете

. Мсье де Ла Пэжоди отнесся к этому известию с безучастным спокойствием и домурлыкал свой куплет, потом, удобно расположившись в кресле, закрыл глаза и стал припоминать свои похождения.

Они начались с того, что он двинулся прямо в кабачок «Большой кружки». Это был как раз тот час, когда там сходились мсье Рениар де Фаржу, мсье Дэфорж и барон де Ганневаль. Поэтому он смело вошел в нижнюю комнату, где имели обыкновение увеселяться эти господа. На пороге он в изумлении остановился. Перед строем пустых бутылок сидел незнакомый ему человек. Это было рослое тело, словно выпотрошенное и плавающее в слишком просторном платье. Где же мсье де Ла Пэжоди встречал эту фигуру? Вдруг личность обернулась, и мсье де Ла Пэжоди узнал в ней барона де Ганневаля или, вернее, его тень. Да, его тень, и тень эта говорила таким тонким и слабым голосом, что мсье де Ла Пэжоди едва расслышал свое имя, когда тень, встав с места, кинулась в его объятия.

Они уселись перед свежим строем бутылок, и тут мсье де Ла Пэжоди узнал от барона де Ганневаля о печальных причинах его преобразования. Они стояли в связи с двумя смертями – мсье Дэфоржа и мсье Рениара де Фаржу. Конечно, мсье де Ганневаль знал, что оба его друга подвластны законам природы и рано или поздно, как и каждый из нас, должны возвратиться в ее лоно. Что мсье Дэфорж и мсье Рениар де Фаржу умерли, это вполне приемлемо, потому что все мы живем с неперемным обязательством умереть, но что мсье Рениар де Фаржу и мсье Дэфорж умерли исповедавшись и причастившись, покаявшись в своих заблуждениях, окруженные свечами и окропленные святой водой, этого барон де Ганневаль переварить не мог! Как эти отъявленные безбожники, казавшиеся такими стойкими в своем учении и своими богохульствами так часто оглашавшие эту комнату, которая еще полна их отзвуков, покаянно склоняли голову и подставляли руки и ноги помазанию! И что понадобилось для такого чуда? О, Богу не пришлось пускать в ход своих громов и лучей! Достаточно было мсье Рениару де Фаржу почувствовать, что его гложет медленная лихорадка, а мсье Дэфоржу простудиться, выходя однажды из «Большой кружки», где он больше обычного разгорячился от беседы.

Ибо первым пошатнулся мсье Дэфорж. Как только он решил, что болен не на шутку, куда девались его надменность и самоуверенность. Его расстроенное лицо окрасилось бледным

страхом. Съежившись под одеялом, чувствуя себя все хуже, он стонал и жаловался и сам воззвал к помощи религии, к которой всегда относился с сознательным пренебрежением, обещая, если поправится, искупить свои прошлые ошибки примерным поведением. Но мсье Дэфорж не поправился и, несмотря на мессы, девятины, обеты и мощи, скончался на двенадцатый день болезни.

Эта смерть сильно подействовала на мсье Рениара де Фаржу, и вместо того, чтобы видеть в ней проявление нашего жалкого человеческого естества, он приписывал ее небесному возмездию. Раз оно способно проявляться столь явным образом, не лучше ли обезопасить себя от его ударов? Так спрашивал себя мсье Рениар де Фаржу, размахивая своими куцыми руками. В конце концов, разве так уж трудно верить в Бога и разве можно вполне поручиться, что в него не веришь? Пока мсье Рениар де Фаржу так рассуждал, у него обнаружилась медленная лихорадка. Каждый вечер он возвращался домой с ознобом, наконец слег и уже не вставал. И вот, мсье Рениар де Фаржу съежился совершенно так же, как и мсье Дэфорж. Но пользы в том было не больше, ибо мсье Рениар де Фаржу преставился на тридцать третий день, отрехшись от своих заблуждений и умиляя слуг своим благочестием и смирением.

Эти два события сделали барона де Ганневалья единоличным хозяином нижней комнаты в кабачке «Большой кружки». Разумеется, смерть мсье Дэфоржа и мсье Рениара де Фаржу сильно его огорчила, но к этому огорчению примешивалось немалое удивление, и сопровождалось оно довольно мрачными мыслями. Завсегдатаи нижней комнаты были явно подвержены какому-то тлетворному влиянию, и мсье де Ганневаль не без тревоги задавал себе вопрос, не суждено ли и ему стать его жертвой? Не придется ли и ему, подобно его друзьям, заплатить дань небесному гневу? Но, во всяком случае, если он и не властен предохранить от него свое тело, никакая сила не сможет заставить его принести повинную в своих убеждениях. Невзирая на такую твердость духа, барону де Ганневалю было не по себе при мысли, что его подстерегает недуг, который может неожиданно проникнуть в жилы, тем более что каждое утро он видел в зеркале, как его лицо худеет и вытягивается. Он замечал также, что ему становится все просторнее в платье и что голос его слабеет. Эти наблюдения нагоняли на него мрачность, и, чтобы рассеивать пары меланхолии, ему требовалось смешивать их с парами вина, которое он и потреблял в непомерном количестве, о чем свидетельствовали выстроенные перед ним бутылки, когда мсье де Ла Пэжоди застал его в угрюмом и вакхическом одиночестве. Появление мсье де Ла Пэжоди было для барона де Ганневалья великим утешением. Бодрая внешность и здоровый вид мсье де Ла Пэжоди доказывали, что небесный гнев на него не обрушивался, как на мсье Дэфоржа и мсье Рениара де Фаржу, и это подавало мсье де Ганневалю некоторую надежду и самому его избежать. И вот, когда он поведал мсье де Ла Пэжоди обо всем, что случилось в его отсутствие, а тот отнюдь не выказал себя обеспокоенным и не усмотрел в этом никаких дурных предзнаменований, мсье де Ганневаль сразу повеселел, чему способствовали и возлияния, которыми они почтили свою встречу, и речи, которыми их оживлял мсье де Ла Пэжоди, обнаружив себя при этом тверже, чем когда-либо в своем умонастроении, так что в мгновение ока мысли барона де Ганневалья настроились с ним в лад, и когда эти господа вышли, взявшись под руки, из кабачка «Большой кружки», то они ругались и кощунствовали наперебой и вели себя как окаянные.

Барон де Ганневаль, понятное дело, не был склонен упустить такого товарища, притом явившегося так кстати. Мсье де Ла Пэжоди также был не прочь возобновить знакомство с притонами, банями, веселыми домами и прочими непотребными заведениями Парижа под руководством человека, который, подобно барону де Ганневалю, не порвал с ними связи. Потому-то мсье де Ла Пэжоди и не показывался три дня и три ночи в доме Бериси и возвратился туда в уже описанном нами виде, которому весьма удивились бы эссские дамы, привыкшие к совершенно иному Ла Пэжоди, всегда такому изящному и нарядному, что не было в городе никого, кто был бы одет чище и лучше, нежели он. К счастью для репутации

мсье де Ла Пэжоди, только привратник берисиевского дома был свидетелем такого состояния, и сунутый в руку экую застраховывал от какой-либо нескромности с его стороны.

Успокоенный на этот счет, мсье де Ла Пэжоди встал с кресла и принялся исправлять повреждения своего туалета. Затем он решил подарить себе несколько часов сна, после чего проснулся свежим и бодрым, ибо принадлежал к породе людей, для которых излишества проходят бесследно. Убедившись в этом с помощью зеркала, он отправился в комнату к мсье де Сегирану. Мсье де Сегирана там не оказалось, и мсье де Ла Пэжоди рассудил вполне основательно, что он, должно быть, беседует с мадмуазель д'Амбинье. Считая поэтому неудобным ему мешать, мсье де Ла Пэжоди стал ходить по комнате, и вдруг, подойдя к столу, увидел на нем разбросанные листки, исписанные почерком мсье де Сегирана. Мсье де Ла Пэжоди не был ни любопытен, ни нескромен, но в эту минуту он был ничем не занят, а потому машинально взял в руку первый попавшийся листок. Случилось так, что, бросив на него рассеянный взгляд, он заметил свое имя. Решил ли он, что присутствие его имени дает ему некоторое право прочесть это письмо? Как бы то ни было, усевшись и закинув ногу на край стола, он принялся, недолго думая, разбирать послание, с которым мсье де Сегиран обращался к своей матери.

Париж, октября 31-го дня, 1672 года[1]

«Я полагаю, сударыня, что Вы не отнесетесь безучастно к рассказу о первых событиях, ознаменовавших путешествие, предпринятое мною ко благу нашего рода и из уважения к последней воле маркизы де Бериси. Я рассчитывал на мсье де Ла Пэжоди, чтобы ознакомить Вас с подробностями нашей поездки, но за те четыре дня, что мы здесь, он не возвращался в дом Бериси. Здесь он оставил свои пожитки и свою флейту, которая, хоть она и волшебна, ничего не может мне о нем сообщить. Я за него не тревожусь и убежден, что он нашел себе пристанище по своему вкусу. Несмотря на это исчезновение, я должен признать, что мсье де Ла Пэжоди – приятнейший попутчик и, сколь он ни вольного ума и нравов, всячески достоин дружбы и уважения порядочных людей. К тому же, я не сомневаюсь, что когда-нибудь Бог призовет его вновь к себе, и я желалбы, чтобы это возвращение совершилось наиболее мягкими и естественными путями, а не при помощи тех внезапных и ужасных катастроф, которыми иногда пользуется провидение, дабы насильно спасти тех, о ком оно печется вопреки их же воле.

Итак, я коснусь лишь вкратце тех дней, которые привели нас сюда и которые не были отмечены ни какими-либо памятными событиями, ни сколько-нибудь примечательными встречами. Я был поражен изобилием и богатством тех мест, по которым мы проезжали.

Повсюду наблюдается нарочитый порядок, и безопасность дорог вполне обеспечена. Возможно ли лучшее доказательство величия короля, нежели благосостояние, которое он распространил по всем областям своего королевства к отраде своих подданных? Повсюду я видел приветливые и довольные лица и вынес убеждение, что король правит государством честных людей. Что может быть прекраснее, чем создавать счастье своих народов, не пренебрегая притом и собственной славой? Недаром имя его величества на всех устах, и они произносят его не иначе, как с любовью. Везде его благословляют за его доброту и чтут за справедливость. Мы неоднократно удивлялись с мсье де Ла Пэжоди, проезжая по столь мирным селениям и минуя столь благоустроенные города, тому, что в них все еще могут быть необходимы судьи и суды. Неужели одной боязни оскорбить столь могущественного и великодушного монарха недостаточно, чтобы удержать каждого на стезе добродетели? Как поверить, что могут еще совершаться злодеяния и преступления? С этой мыслью не мирится разум. Мсье де Ла Пэжоди полагает, однако, что даже эти злодеи и преступники и те

по-своему служат пользе и чести короля и что их провинности и лиходейства есть опять-таки ужасная дань его величию. И подлинно, если бы не они, где его величество взяло бы каторжан, которые гребут на его галерах? Таким образом, даже эти несчастные способствуют благу государства. Разве не находит кавалер де Моморон, что без них обойтись нельзя и что они гораздо предпочтительнее добровольных команд, с которыми приходится церемониться и с которыми комит не может управляться плетью и палкой?

Я не стану продолжать этих рассуждений, которыми я попросил бы поделиться с Вами мсье де Ла Пэжоди, если бы он не счел за благо, как я Вам уже сказал, скрыться, едва выйдя из кареты, и пуститься по городу. Я теперь перейду к главному из того, что имею Вам сообщить. Итак, как только я прибыл в берисиевский дом и позаботился о том, чтобы привести себя в состояние пристойно показаться мадмуазель д'Амбинье, я послал осведомиться у нее, когда она будет расположена меня принять. Она не замедлила с ответом и велела мне передать, что я могу тотчас же явиться к ней в комнату. Сознаюсь, что, выходя из той, где я был, я испытывал волнение, которое Вы легко поймете. Моя первая мысль была о моей дорогой Маргарите. Впервые с тех пор, как я ее лишился, мне предстояло взглянуть на женское лицо с намерением не быть к нему равнодушным и даже с сознанием обязанности отнестись к нему небезучастно. И она не только не посетовала на меня за эту неверность по отношению к ее многотимой памяти, но мне даже показалось, что моя дорогая покойница ободряет меня к тому шагу, который я намеревался предпринять. Это чувство укрепило меня, и с ним соединялось сознание, что я повинуюсь долгу, лежащему на мне в отношении моего дома, а потому я с почти успокоенным духом вступил в комнату, где меня ждала мадмуазель д'Амбинье.

Мадмуазель д' Амбинье сидела у стола, заваленного книгами; при моем появлении она встала, и мы довольно церемонно приветствовали друг друга. Затем между нами наступило молчание, во время которого я старался разглядеть, с кем имею дело; но комната, в которой мы находились, была довольно темная и слабо освещена, так что я не мог в точности различить черты лица мадмуазель д'Амбинье. Единственное, что мне удалось заметить, это то, что одета она была с большой простотой. Когда рассеялось это мимолетное смущение и мы обменялись несколькими словами, я был поражен уверенностью и мягкостью ее голоса, а также скромным и осторожным тоном ее первых фраз. Они касались того сожаления, которое испытывали мы оба по поводу смерти мадам де Бериси. Мой ответ был таким, каким ему надлежало быть, ибо я не считал нужным изображать по случаю кончины маркизы горя, которого не ощущал. Вы знаете, что я решительно не способен выражать такие чувства, которых у меня нет, и Вы изволили иной раз хвалить меня за эту искренность; но у мадмуазель д' Амбинье были основания печалиться о смерти мадам де Бериси больше, нежели я, что она и сделала в превосходных выражениях, которые я с удовольствием выслушал. Речь мадмуазель д'Амбинье была проникнута благочестивой и нежной ясностью. Она не только не восставала против воли провидения, призвавшего из этого мира маркизу де Бериси, но принимала ее безропотно. Все мы смертны и должны повиноваться общему закону с почтительностью и смирением. Сама мадам де Бериси с таким мужеством претерпела испытание, которого требовал от нее Господь, что мы были бы не вправе не последовать ее примеру. И она явила зрелище столь назидательное, что нам остается только желать даровать такое же тем, кто будет когда-нибудь свидетелем нашего последнего часа. К этим положениям мадмуазель д'Амбинье присоединяла столь мудрые и прекрасные размышления, что я был тронут, и она невольно обнаруживала ими качества своего сердца и ума.

Что меня особенно восхищало в мадмуазель д'Амбинье, так это печать благочестия и ума, лежавшая на всем, что она говорила. В ней чувствовалась та уверенность мысли, которую дает религия, когда вера утверждается на разуме. Все это нравилось мне бесконечно, и я старался отвечать ей как мог. Она была, видимо, довольна моими ответами, и разговор продолжался некоторое время в такой согласии, что я решил тотчас же перейти к предмету, о

котором мне вдруг захотелось поскорее узнать мнение мадмуазель д'Амбинье. Итак, испросив ее разрешения, я повел речь о завещании мадам де Бериси и о взаимном обязательстве, которое оно на нас обоих налагало.

И по этому вопросу я имел приятную неожиданность точно так же оказаться в полном единении взглядов с мадмуазель д'Амбинье. Она уже успела подумать о брачном условии, заключающемся в этом завещании, и была вполне готова побеседовать об этом со мной. На основании своих размышлений мадмуазель д'Амбинье склонна была рассматривать самую необычность этого завещания не как какую-нибудь странную причуду завещательницы, но как подлинное выражение вышней воли. Предписывая мадмуазель д'Амбинье и мне сочетаться браком, маркиза де Бериси следовала тайному внушению Бога. Это он направлял ее разум и руку. Так, во всяком случае, полагала мадмуазель д'Амбинье и сочла бы преступным противиться видам божьего промысла относительно нас. Когда он столь непосредственно вмешивается в наши дела, то у него есть в отношении нас намерения, которым мы должны быть покорными. А потому мадмуазель д'Амбинье решила не чинить им никаких препон.

По мере того как мадмуазель д'Амбинье говорила, я восторгался все более и более и изумлялся до остолбенения чудесному согласию и поразительному совпадению чувств, обнаруживающихся между нами. Каким это чудом диковинное завещание мадам де Бериси представлялось нам в одинаковом свете? Таким образом, наш союз будет основан на полном и святом единодушии, и как ему, заключенному в столь исключительных условиях, не снискать благословения божьего? И Бог, пожелав его столь необычайным и тесным, не преминет сделать его счастливым и плодотворным. При этой мысли я чувствовал себя преисполненным великой радости, которую разделяла, я был в этом уверен, и моя дорогая Маргарита, но в то же время я был так смущен, что после нескольких слов благодарности попросил у мадмуазель д'Амбинье разрешения удалиться и отложить назавтра продолжение беседы, из которой я выносил столь прекрасное обещание счастья.

Только уходя и прощаясь с мадмуазель д'Амбинье, я в первый раз ясно увидел ее лицо и всю фигуру, озаренную канделябром, который держал в руке лакей, явившийся проводить меня в мою комнату. Огонь свеч озарял ее всю, и я Вам опишу ее образ, как он остался у меня в глазах. Мадмуазель д'Амбинье скорее высокого, нежели маленького роста, и все ее тело превосходно сложено, хотя, по ее молодости, оно еще и не достигло полноты своих форм, но время завершит, в свой час, дело природы, и тогда не будет ничего более законченного в своем совершенстве, чем будущая мадам де Сегиран. Ее лицо уже являет тому прелестный образец. Овал его гармоничен и чист, носик тонок и прям, губы и глаза замечательно хороши. Все эти красоты овеяны выражением скромности и сдержанности, которое легко могло бы перейти в веселость и шаловливость, и даже в страстность, ибо в чертах мадмуазель д'Амбинье есть что-то подвижное. При всем том, она, показалась мне особой вполне совершенной и превосходящей все, что я мог предвидеть, так что это зрелище повергло меня в новое волнение при мысли, что столько прелестей скоро станет моим уделом и что в супружестве, от которого я ожидал лишь взаимного уважения, я, быть может, обрету любовь с ее добродетельнейшими и дозволеннейшими восторгами.

Я не стану излагать Вам в подробностях те беседы, которые последовали за описанной мною. Могу Вам только сказать, что они лишь усугубили мое восхищение, столько приятности и рассудительности вносила в них мадмуазель д'Амбинье. Ее благочестие и ее разум сказались в них в полной мере. Мадмуазель д'Амбинье обнаружила в них нарочито основательный и развитый ум и поразительное религиозное чувство. Нашу религию, к которой она обратилась несмотря на то что родилась в вере, именующей себя реформатской, она находит превосходнейшей в мире. Она не перестает знакомиться с ее учением и наставляться в нем обильным чтением и строгим соблюдением обрядов, у нее нашли бы чему научиться наиболее опытные богословы и наиболее искусные духовники, и я бьюсь об заклад, что, если бы ей когда-нибудь вздумалось привести к Богу Вашего безбожника Ла Пэжоди, это бы удалось ей без всякого труда, ибо о подобного рода предметах она

рассуждает с красноречивой убедительностью; но только она отнюдь не проповедница и довольствуется тем, что черпает в религии начала нравственности, научающие правильному поведению в жизни. Таким образом, я буду иметь в лице мадмуазель д'Амбинье просвещеннейшую супругу и преданнейшую долгу жену. Она сознает все свои обязанности и мужественно принимает их во всей их строгости, даже те, которых по своему возрасту могла бы более всего чуждаться. С нею наш дом может быть уверен в обретении того, чего ему до сих пор недоставало и в чем Бог, я убежден, не откажет нашему союзу, узы которого он приготовил сам и который ему будет угодно сделать плодоносным. Благодаря тому, что мадмуазель о'Амбинье разделяет со мной это желание, а также благодаря мудрости ее речей я перестал бояться красоты ее лица, которой немного было испугался, ибо я ни за что бы не хотел, чтобы в супружестве, где первенствующее место должно принадлежать Богу, главенствовала страсть. Разумеется, мадмуазель д'Амбинье обладает всем, что способно внушить любовь порядочному человеку, но она сумеет умерять ее порывы и придавать им необходимую сдержанность, дабы они не выходили за пределы, коих не должны переступить, если желают оставаться тем, чем Бог дозволяет им быть.

Я силу этой отменной разумности, столь высоко отличающей мадмуазель д'Амбинье и простирающейся как на вопросы сердца, так и на малейшие подробности, касающиеся обычного течения жизни, мы как раз сегодня пришли к соглашению относительно времени и места нашей свадьбы. Я хотел бы повременить с ней, дабы иметь возможность справить ее в Кармейране, но наш траур по маркизе де Бериси помешал бы придать нашему венчанию подобающую пышность; поэтому мы единодушно решили испросить благословения нашему союзу прямо здесь же и исполнить это самым простым образом. К тому же, мне показалось, что мадмуазель д'Амбинье хотелось бы, чтобы таинство было совершено неким ученым священником, по имени мсье дю Жардые, причастным к отречению мадмуазель д'Амбинье от заблуждений реформатской религии, в которой она была воспитана. Итак, мсье дю Жардые обвенчает нас в ближайшем будущем. Мы условились об этом с мадмуазель д'Амбинье не далее как сегодня, и об этом-то я и считал долгом поставить Вас в известность настоящим письмом.

Я не хочу, однако же, его кончать, не рассказав Вам о моем вчерашнем посещении мсье Дагрене, который, как Вам известно, является одним из ученейших врачей факультета и одним из светил нашего времени. Уход, которым он окружил маркизу де Бериси в последние дни ее жизни и при ее кончине, был пристойным предлогом к тому, чтобы я зашел его повидать. Живет он, к тому же, неподалеку, в красивом доме, который составляет его собственность, ибо он богат. Тем не менее, несмотря на громкую славу, которую он стяжал своими удачными исцелениями, приобщившими его к числу наших знаменитостей, мсье Дагрене не чванится и не корчит из себя эскулапа. Он сохранил честную простоту нравов и не усвоил замашек теперешних наших врачей. Подобно тому как он придерживается старинных лекарств, польза коих испытана, не изменил он и прежним обычаям, каковые продолжают казаться ему добрыми. Его не увидишь, как иных его собратьев, разъезжающим по улицам в карете, он ездит по своим делам верхом на старом иноходце или муле.

Он как раз слезал с седла, когда я подходил к его двери, и, как только я ему себя назвал, он запросто провел меня к себе в лабораторию, которых у него несколько, ибо весь его дом свидетельствует о том неустанном внимании, с каким он относится к своему искусству. Мсье Дагрене любит окружать себя орудиями и инструментами, полезными для его науки. Здесь можно видеть всякого рода банки с ярлыками, содержащие разные части человеческого тела, в том числе и наиболее скрытые. Его кабинет украшен анатомическими таблицами, а вдоль стены выстроено несколько мужских и женских скелетов. Эти довольно зловещие предметы не мешают отличному расположению духа мсье Дагрене, которое его не покидает при самых мрачных обстоятельствах. Болезнь и смерть имеют в его лице грозного врага. Когда мсье Дагрене оправил свои брыжи и снял свою широкую шляпу, лицо его показалось мне весьма добродушным. В заметных на нем признаках старости нет ничего противного, и, несмотря на

свой преклонный возраст, мсье Дагрене, по-видимому, вполне сохранил свои силы, подобно тому как он, надо полагать, не утратил и склонности к шутке.

Действительно, как только я заговорил с ним о маркизе де Бериси, он мне ответил с самым серьезным видом, что я не могу не быть ему благодарен за то, что он не продлил свыше меры дней моей тетки и не отсрочил тем самым моего счастья. Из этих слов я заключил, что мсье Дагрене осведомлен о завещании мадам де Бериси и о статье, касающейся моей женитьбы на мадмуазель д'Амбинье. Это меня ободрило. Я имел в виду поговорить с мсье Дагрене относительно неблагоприятных утверждений мсье д'Эскандо Маленького, которые все время не давали мне покоя. Итак, пользуясь оборотом беседы, я спросил его откровенно, повторив их ему, считает ли он их обоснованными и может ли проверить, правильны они или ложны. Я умолчу о подробностях осмотра, которому меня подверг мсье Дагрене, но должен Вам сказать, что результаты такового оказались для меня в полной мере благоприятными. Мсье Дагрене заявил, что он весьма доволен моей комплекцией, добавив, что находит ее во всех отношениях пригодной к деторождению. Что же касается мадмуазель д'Амбинье, которую ему случалось несколько раз пользоваться при легких заболеваниях, то он имеет о ней достаточное представление, чтобы считать ее равным образом здоровой и вполне способной к замужеству. Поэтому он уверен, что через несколько месяцев мсье д'Эскандо Маленькому придется принести повинную в своих инсинуациях и склониться перед доказательством их лживости.

К этому заключению, преисполнившему меня радости, мсье Дагрене присовокупил некоторые соображения касательно мадмуазель д'Амбинье. Он посоветовал мне следить за тем, чтобы ее усердное благочестие не побуждало ее к постам и умерщвлению плоти, ибо к таковым она питает склонность и сознательно лишает себя пищи, не только излишней, но и необходимой. Такое молодое тело, как у нее, не должно пренебрегать тем, что его укрепляет и приводит к созреванию. Ему необходимо не только поддерживать свои силы, но и увеличивать их, в особенности если они призваны служить тому, чего требует от них природа для достижения своей цели, каковую, в браке, является обеспечение преемства жизни. Мсье Дагрене приглашал меня поэтому внимательно заботиться о том, чтобы мадмуазель д'Амбинье следовала этим указаниям, всю важность которых он дал мне понять и в отношении каковых я надеюсь быть вполне исправным.

Я не присоединяю к своему письму свидетельств почтения мадмуазель д'Амбинье. Она шлет Вам их сама в отдельности; здесь же я Вам выражаю мое собственное, равно как и чувства любви, с каковыми остаюсь, сударыня,

Ваш всепокорнейший слуга и сын

Сегиран.

Мсье де Ла Пэжоди все еще не вернулся, и я пока не знаю, какое впечатление он получит от мадмуазель д'Амбинье, но не сомневаюсь, что он Вам подтвердит то, которое производит ее красота». * * *

Свадьба графа де Сегирана и Мадлены д'Амбинье была отпразднована 14 ноября, без каких-либо иных церемоний, кроме тех, которыми окружает это таинство церковь. Мсье де Сегиран и мадмуазель д'Амбинье благоговейно внимали брачному обряду, которое совершал над ними мсье дю Жардые. Этот добрый и ученый священник украсил его словом, где изложил начала поведения, долженствующие направлять истинно христианский союз, жаждущий освятить дело плоти. Слова мсье дю Жардые были выслушаны новобрачными со вниманием, но вызвали легкую улыбку у мсье де Ла Пэжоди. Он думал о том, что милые

эксские дамы и те, которых он знал во многих других местах, тоже слышали на своей свадьбе речи, сходные с поучением, столь уверенно произносимым мсье дю Жардые. Как и новая мадам де Сегиран, мадам де Листома, де Бригансон и де Волонн, не говоря о других, внимали, склонив голову, таким же увещаниям, что не помешало им впоследствии дать делу плоти иное, более приятное применение, нежели то, которое требуется супружеством, и мсье де Ла Пэжоди, смеясь втихомолку, задавал себе вопрос, последует ли здесь присутствующая мадам де Сегиран этим примерам или же будет придерживаться брачных правил мсье дю Жардые. Но мсье де Ла Пэжоди не был склонен задумываться над тайнами рока. На его вопрос должно было ответить время. К тому же, ему отнюдь не казалось необходимым, чтобы мадам де Сегиран присоединилась к числу женщин, с которыми могут развлекаться порядочные люди. В таких, которые бы стоили ее вполне, недостатка не было. Конечно, мадам де Сегиран обладала довольно милостивым лицом, достоинства которого мсье де Ла Пэжоди всецело признавал, но которое не оправдывало восторгов мсье де Сегирана. И потом, ей не хватало той приветливой непринужденности, той чувственной живости, того дерзкого легкомыслия, которые мсье де Ла Пэжоди ценил выше всего и которые придают сладость и разнообразие играм тела. Тело же мадам де Сегиран, еще немного неловкое в своей молодости и еще не законченное в своих формах, не сулило чрезмерных утех, ибо, несомненно, мадам де Сегиран вооружилась бы против вольностей любви всеми опасениями стыдливости и всеми сомнениями благочестия. А мсье де Ла Пэжоди отнюдь не чувствовал влечения к богемкам, и ему не доставила бы особого удовольствия победа над их сопротивлением. Он всегда их сторонился и был не охотник выслушивать покаянные речи, которыми они обычно сопровождают принесенный ими дар. Мсье де Ла Пэжоди не любил, чтобы к любви примешивалось кривлянье, которым они большей частью ее приправляют. Оно непоправимо портит самые упоительные наслаждения, а мадам де Сегиран, наверное, была бы в этом же роде, если бы ей когда-нибудь вздумалось расцветить супружеский долг какой-нибудь головной или сердечной прихотью. Однако ничто не доказывало, что так должно случиться, и мадам де Сегиран казалась прочно огражденной искренностью и строгостью своих правил от каких бы то ни было приключений. Ее не могла не отстранить от них забота о своем спасении, а мадам де Сегиран о таком пеклась, ибо для того, чтобы его обеспечить, она покинула веру своих отцов и приняла ту, которую считала более согласной с правдой или даже единственно истинной. Этот сознательный выбор свидетельствовал, какое значение она придает уверенности в будущей жизни и что она ею не поступится ради какой-нибудь необдуманной причуды или какого-нибудь неосторожного каприза. К тому же, имелся мсье де Сегиран, чтобы смотреть за этим, что он, очевидно, и намеревался делать в качестве мужа, озабоченного тем, чтобы это милое дитя почаще ходило брюхатым, дабы отбить у него охоту изображать щеголиху и ветреницу.

Эта мысль была неприятна мсье де Ла Пэжоди, ибо вид беременной женщины всегда казался ему прискорбным и даже думать об этом ему было тяжело. А потому, представив себе мадам де Сегиран неукоснительно уродуемой супружеским рачением мсье де Сегирана, он с большим удовольствием предался помыслам об атласном животе мадам де Листома и о красивых, нетронутых грудях мадам де Брегансон. Стоило ему ступить на этот путь, как и другие образы стали проноситься у него в уме, и он начал делать смотр своим чувственным воспоминаниям. Они были обильны и разнообразны, и каждое представляло какую-нибудь заманчивую подробность, на которой он охотно останавливался. Но мсье де Ла Пэжоди не собирался ими ограничиваться и принялся мечтать о тех эксских дамах, которым он еще не приносил дани поклонения. Эта игра привела его к мадам де Лореллан, которая была почти маленькая и одного с ним роста, черноволосая, голубоглазая, живая и хохотунья, а тело у нее, должно быть, было прелестное. Мсье де Ла Пэжоди быстро раздел ее в воображении, и вдруг мадам де Лореллан предстала его глазам в своей гибкой и грациозной наготе, с упругими грудями, стройными бедрами и улыбаясь ему всем своим оживленным лицом. Безусловно, он обратит свою просьбу к мадам де Лореллан, как только вернется в Экс. Это не богемка, и она не раз смеялась смелым речам мсье де Ла Пэжоди. Итак, он направит свое оружие на мадам де Лореллан, тем более что ему надоела мадам де Галлеран-Варад,

его последняя победа, хотя, чтобы доказать ему свою любовь, она и осыпает его подарками. Ведь дошла же она до того, что велела себя изобразить для него голой на обороте табакерочной крышки! Невзирая на такую заботливость, мсье де Ла Пэжоди твердо решил дать отставку мадам де Галлеран-Варад, хотя бы для этого ему пришлось выгнать ее за порог турвовского дома, куда она не боялась к нему являться, и отвести ее домой, сопровождая самой своей лучшей арией на флейте.

Эта мысль о мадам де Галлеран-Варад, ведомой при звуках флейты по эксским улицам, очень развлекла мсье де Ла Пэжоди и заняла его до той минуты, пока мсье дю Жардые не перестал молотить благочестивый вздор, наделявший мадмуазель д'Амбинье и мсье де Сегирана правом ложиться в одну кровать, что им, по-видимому, не стерпелось сделать, судя по тому, с какой поспешностью они направились к своей карете. Удостоверившись, что оба они уселись в ней друг возле друга, мсье де Ла Пэжоди простился с ними, с тем чтобы встретиться перед отъездом, который был намечен на третий день. Засим мсье де Ла Пэжоди повернулся на каблуках и легким шагом направился к кабачку «Большой кружки», чтобы там смыть, в пене какого-нибудь хмельного вина, святую воду, которой ему пришлось окропиться, а равно чтобы встретиться в нижней комнате со своим другом, бароном де Ганневалем, ибо мсье де Ла Пэжоди намеревался, прежде чем уехать из Парижа, повторить с этим товарищем основательный кутеж, которым он ознаменовал свое прибытие.

Войдя в нижнюю комнату «Большой кружки», где его ждал мсье де Ганневаль, мсье де Ла Пэжоди имел удовольствие убедиться, что мсье де Ганневаль не был уже тем бледным призраком собственной особы, который ему предстал в день их встречи. Барон де Ганневаль вновь обрел свою силу и дородность. Его голосу вернулась громоподобность, а речь его сразу же обнаруживала, что он освободился от страхов, в которые его повергла смерть мсье Дэфоржа и мсье Рениара де Фаржу. После бодрящего соприкосновения с мсье де Ла Пэжоди мсье де Ганневаль, исцеленный от своих тревог пуще прежнего ударился в вольнодумство и безверие. И потому он встретил мсье де Ла Пэжоди великолепным залпом богохульств, от которых стаканы задрожали на столе, и рядом непочтительных шуток по поводу церемонии, на которой тот только что присутствовал. Насмешки эти не пощадили и достойнейшего мсье дю Жардые. Своими свечами и четками он не запугает Ганневаля, как запугал мсье Дэфоржа и мсье Рениара де Фаржу! В тот день, когда природа сочтет нужным потребовать от него обратно тело, которым она его ссудила, мсье де Ганневаль ей его возвратит, не ломаясь и без маскарада. Мало того, чем отправляться гнить на погост или мокнуть в каком-нибудь церковном подземелье, он лучше завещает свои останки мсье Дагрене или кому-нибудь из его братии, чтобы они могли их рассекать и отыскивать в них вместилище души. И мсье де Ганневаль ликовал при мысли, что его внутренности, органы и прочие телесные достопримечательности будут плавать в приспособленных к тому сосудах, в то время как его костяк, отменный своим ростом, размерами и прекрасным сложением, явится украшением какой-нибудь премудрой обители знания. В ожидании же этого часа барон де Ганневаль твердо решил употреблять свое тело на то, чтобы доставлять себе с его помощью все наслаждения, каковые оно способно дать, и тотчас же принялся докладывать мсье де Ла Пэжоди о тех, которые он приготовил в его честь. Они состояли в обильных и щедро орошенных пиршествах, сопровождаемых музыкой и пляской, и з иных удовольствиях чрева и гортани, на коих приличие не позволяет останавливаться и к коим мсье де Ганневаль добавлял соблазн отправиться к некоей ворожее, о которой начинают говорить и которая показывает дьявола в слуховое окно, откуда обыкновенно всего только чертовски дует. Так как все эти предложения были мсье де Ла Пэжоди одобрены, то оба приятеля, взявшись под руки, покинули «Большую кружку» и отправились по своим делам, после чего мсье де Ла Пэжоди и на этот раз появился в берисиевском доме в обрез к тому времени, когда надо было садиться в карету, следовавшую за экипажем мсье и мадам де Сегиран и сопровождавшую его таким образом до Экса, где мсье де Ла Пэжоди предстояло с ними расстаться и водвориться на жительство в турвовский особняк, тогда как новобрачные ехали проводить медовый месяц в Кармейран, в уединении, любезном молодым супругам в первую

пору их супружества. * * *

Когда мсье де Ла Пэжоди уместился на каретных подушках, его начало довольно быстро клонить ко сну, хотя колеса изрядно подпрыгивали на неровной уличной мостовой, а час был еще не поздний. Мсье де Ла Пэжоди, при своем невысоком росте, был, однако же, очень силен и весьма вынослив и не раз доказывал, что не уступит и первым силачам. Это явствовало хотя бы из того, что в то самое утро, после беспутной ночи, он оставил барона де Ганневаля растянувшимся во весь рост посреди опрокинутых бутылок и разбитых стаканов и презабавно запутавшимся в телах двух молодых особ, лежавших вместе с ним вповалку на полу. Перешагивая через эту вакхическую группу, мсье де Ла Пэжоди, правда, не без труда подымал подошвы, но, преодолев это препятствие, он вновь обрел равновесие и, посвистывая, спустился по лестнице, ступени которой казались ему несколько ненадежными. Прежде чем выйти на улицу, он с грехом пополам привел себя в порядок перед зеркальцем на дне табакерки, которую ему подарила мадам де Галлеран-Варад и где она была изображена голой на обороте крышки. Затем мсье де Ла Пэжоди направился к дому Бериси. Утренний воздух освежил его, и он чувствовал себя почти совсем бодро. Развлеченный зрелищем улицы, он уже почти забыл о событиях этой ночи и двух предыдущих, ибо не в его природе было задерживаться на прошлом, хотя бы самом близком. Настоящее в достаточной степени занимало мсье де Ла Пэжоди, а о будущем он не любопытствовал. В данном случае такое свойство оказалось для него весьма кстати, ибо оно позволяло ему не думать о некоторых разоблачениях, каковые смутили бы всякого на его месте. Действительно, ворожея, у которой он был накануне с бароном де Ганневалем, говорила ему странные вещи. Это была высокая, худощавая женщина, с гадким огоньком в глазах, обитавшая в какой-то конуре, расписанной по стенам каббалистическими знаками и украшенной треножниками и ретортами. Сначала она их позабавила кое-какой довольно занятно придуманной чертовщиной и чем-то вроде маленького шабаша, не лишеного приятности, затем разложила свои карты и в присутствии неразлучных с нею жабы и совы стала вещать им якобы тайны судьбы.

С каким бы недоверием мсье де Ла Пэжоди ни относился к подобного рода упражнениям, речи ворожеи вполне могли бы вселить в него некоторую тревогу ибо, по словам этой мегеры, будущее мсье де Ла Пэжоди обладало довольно странными особенностями. Несмотря на свое испытанное умение, различить его подробив ворожея не могла. Оно представлялось ей полным со» бытии, определить которые она не бралась, но против которых она его предостерегала. Фортуна намечалась неустойчивой и подверженной неожиданным и зловещим переменам. Мсье де Ла Пэжоди предстояло вступить в такую фазу жизни, влияния которой ему надлежало опасаться. Там виделись судебные чины и разгневанные женщины, кровь и пагубное воздействие морского светила. Больше об этом карты ничего не говорили, и из колоды ничего другого не удавалось извлечь, но мсье де Ла Пэжоди следовало остерегаться всякой неосмотрительности, ибо малейшая могла породить для него плачевные бедствия, в каковых участвовала любовь.

Слыша эти каббалистические речи, мсье де Ла Пэжоди так громко рассмеялся, что сова и жаба выразили недовольство, и ушел от ворожеи так же, как пришел, то есть с великим недоверием к ее проделкам и к прорицаниям. А потому и сон его несколько не был ими смущен, когда он решил не бороться с истомой, отяжелявшей ему веки. Возымев такое намерение, мсье де Ла Пэжоди удостоверился, что футляр с флейтой лежит на подушке в верном месте, потом, уютившись поудобнее, тщательно закутался в плащ, ибо погода стояла свежая и окна кареты были подернуты легким паром, и, с мыслью о том, что мсье и мадам де Сегиран удобно будет за этим кстати образовавшимся прикрытием нежничать дорогой, по обычаю молодоженов, уснул глубоким сном.

Проснувшись, мсье де Ла Пэжоди увидел, что он уже за городом, ибо в окно он различал обнаженные деревья, окаймлявшие дорогу. В ту же минуту карета довольно резко остановилась, и послышались крики, Мсье де Ла Пэжоди тотчас же подумал, что что-нибудь

случилось с каретой, в которой ехали впереди мсье и мадам де Сегиран. Соскочило колесо или сломалась ось. Или, может быть, грабители остановили лошадей, и сейчас он увидит перед собой одного из этих головорезов в масках, которые обирают путешественников. Это последнее предположение сразу успокоило мсье де Ла Пэжоди. Карманы его были совершенно пусты. Его пребывание в Париже и попойки в «Большой кружке» с бароном де Ганневалем истощили его финансы и опустошили кошелек, которым его ласково снабдила перед отъездом из Экса мадам де Галлеран-Варад. Эти добрые вору ничего не нашли бы при нем, кроме табакерки, где на обороте крышки мадам де Галлеран-Варад изобразила себя голой. Разумеется, мсье де Ла Пэжоди было бы жаль отдать столь соблазнительный портрет этим оборванцам, но он твердо решил не жертвовать из-за него собственной шкурой. Впрочем, эти господа с большой дороги наверное предпочли бы изображенным прелестям мадам де Галлеран-Варад живые красоты молодой мадам де Сегиран. При этой мысли мсье де Ла Пэжоди невольно рассмеялся. Честное слово, разве не было бы для этой маленькой богемки, едва лишенной девства, прекрасным началом брачной жизни – перейти из рук мужа в объятия этих нежданных поклонников? Что сказал бы о таком происшествии добрейший мсье дю Жардые и как бы к нему отнесся почтеннейший мсье де Сегиран? И мсье де Ла Пэжоди, со свойственной ему живостью воображения, Рисовал себе сцену, которой ему предстояло быть свидетелем. Но так как крики усиливались, сливаясь со стонами и проклятиями, мсье де Ла Пэжоди, отворив Дверцу, проворно соскочил на мостовую.

Дорога была запружена семью или восемью тележками, причем одна лежала в канаве, куда она, должно быть, свалилась, желая посторониться, чтобы пропустить карету мсье де Сегирана, а другая, у которой было испугались лошади, перегородила путь, зацепившись о третью, и провожатые тщетно силились их разъединить. Тележка, свалившаяся в канаву, увлекла за собой кучу полуголых людей, в красных казаках и колпаках, и они старались как-нибудь выбраться оттуда, с помощью рослого малого, вооруженного узловатой веревкой, который осыпал их градом ударов и тумачков. Эти бедняги, из которых иные были на вид старые и больные, вопили изо всех сил, а сидевшие в двух других тележках испускали крики ужаса, боясь угодить в ту же яму, что и их товарищи. Получалась довольно забавная сумятица, где сливались вопли этих несчастных, ругань провожатых и свист плетей, игравших во всем этом немалую роль, ибо на выручку подоспело еще несколько молодцов, рьяно ими орудовавших. Зрелище заинтересовало мсье де Ла Пэжоди разнообразием поз и одеждой этих странных путешественников, у которых к ногам железным обручем была прикована цепь; но ему пришлось отвести взгляд, чтобы ответить мсье де Сегирану, который его окликал, высунув голову из окна кареты.

Пока мсье де Ла Пэжоди к ней направлялся, туда же подошел человек, похожий на офицера. На нем был мундир с галунами, а лицо у него было грубое и свирепое, что не помешало ему, однако, довольно учтиво ответить мсье де Сегирану, когда тот у него спросил, что это за сгрудившиеся тележки и что это за людей в них везут. «Тележки эти, – объяснил он, – из которых одна свалилась в канаву, неудачно поторопившись дать дорогу вашей карете, сопровождают цепь королевских каторжан, которых мне приказано отвести в Марсель для посадки на галеры его величества. Так как путь туда долгий, мы сажаем на эти тележки тех из них которым возраст или болезни не позволяют следовать вместе с остальными, ибо король, по своей милости, не желает, чтобы его подданных, даже наиболее преступных и отверженных, подвергали напрасным тяготам. Но чтобы быть уверенным, что эти дурные люди не вводят нас в заблуждение противозаконными хитростями, я сажаю их на тележки, только убедившись, что они заслуживают такого обхождения. Чаще всего хорошая порция палок или маленькое угощение плетью поднимают притворщиков на ноги, но бывает и так, что из страха перед такой пробой другие остаются в цепи до тех пор, пока не падают мертвыми. Таким вот образом, сударь, начиная от Парижа, откуда мы вышли третьего дня утром, я уже потерял троих из этих проклятых собак, в том числе одного, который казался особенно крепким и которого я намечал для галеры кавалера де Моморона, где я имел честь служить комитом, и из которого вышел бы превосходный загребной, если бы этот чудак не вздумал

умереть ни с того ни с сего, едва мы миновали Шарантон, получив от одного из моих аргузинов предупреждение, чтобы не старался расковаться, как это он предательски пытался сделать».

При этом воспоминании человек с галунами испустил винный вздох, заставивший отшатнуться мадам де Сегиран, которая, склонив лицо к опущенному окну кареты, слушала беседу.

Тем временем строптивные тележки, наконец, расцепились и отъехали в сторону, а из канавы вытаскивали ту, что опрокинулась. Ожидая, пока с этим управятся, сидевшие в ней каторжане толпились жалкой кучей. Их было человек двенадцать, и из них двое почти старики. У остальных вид был тщедушный и зябкий. Их голые руки и ноги покраснели от холода; у иных виднелись шрамы, вырытые в теле страшной плетью. Все они выглядели запуганными и истощенными, и от худобы у них проступали кости под красными казаками. У кого не было сил стоять, те уселись на холодную землю. Один, несмотря на холод, снял колпак и ожесточенно чесал пальцем бритую голову, покрытую струпьями и кишашую вшами. Мадам де Сегиран глядела с состраданием на этих горемык, и начальник цепи, видя, что она смущена этим зрелищем, счел нужным рассеять обнаруженное ею волнение. «Не следует, сударыня,— сказал он ей,— слишком уж жалеть этих несчастных. Они сами виноваты в своей судьбе, и плачевное положение, в котором вы их видите, является воздаянием за их пороки и преступления. И потому король был вынужден, в своем правосудии, очистить королевство от их позорного присутствия. Он мог бы лишиться их жизни, но предпочел им ее оставить и извлечь из их кары законную пользу. Благодаря им обеспечена галерная служба, и эта служба, на которой они применяют силу своих рук и спин, должна бы быть утешением в их отверженности. Но не думайте, сударыня, чтобы они так чувствовали. В их ожесточенных сердцах не шевелится ни малейшего сокрушения о содеянных преступлениях. В них все — мятеж, злоба и богохульство. Их уста полны мерзости и, если бы они смели, они бы ее изрыгнули даже на вас. А потому единственный способ управляться с ними, это — не жалеть для них дубинки и бычьих жил. С ними не может быть другого разговора. Только побоями их и удастся держать в надлежащем положении, да и то еще приходится помогать делу основательной цепью и основательным обручем. При таких условиях они кротки, как овечки, и гребут от всей души, но иначе их не удержишь на банке во время сражения, ибо среди этих собак нет ни одной, которая бы не считала свою собачью жизнь великим благом».

Человек с галунами, говоривший, видимо, с большой охотой, вероятно продолжал бы еще долго, если бы мсье де Ла Пэжоди не перебил его, спросив, нет ли среди этих каторжан таких, которые попали бы сюда в силу какой-нибудь несчастной случайности, каковая иной раз может придать честному человеку полную видимость мошенника. Бывают настолько запутанные обстоятельства, что из них нелегко извлечь истину, и судьба умеет ставить такие тонкие сети, что под видом виновного она порой ловит невинного.

При этих словах мсье де Ла Пэжоди начальник цепи принял весьма обиженный вид. «Невинных, милостивый государь, не существует,— возразил он,— раз королевское правосудие осудило. У каждого из этих несчастных имеется составленный по всем правилам приговор, и его последствия он должен нести до конца. Только таким образом мы можем применять к ним надлежащие меры строгости, и мы должны быть уверены, что они попали на каторгу на твердом и законном основании, чтобы не ослаблять над их спинами силу наших рук. Лишь при этом условии у галеры хороший ход. Таково было мнение кавалера де Моморона, под началом которого я служил на море. Недаром его галера славится грубостью своих аргузинов и свирепостью своих комитов. Там всыпают больше плетей, чем на всех остальных, и невинные там ни к чему! Благодаря этому она быстроходнее и послушнее всех, и равной ей нет во всей эскадре, которою кавалер де Моморон был бы достоин командовать!»

При этих дифирамбах начальника цепи мсье де Ла Пэжоди рассмеялся, обращаясь к мсье де

Сегирану: «Ей-богу, сударь,— сказал он ему тихо,— вы, наверное, никак не ожидали, что услышите на большой дороге хвалебную речь вашему брату и что его морская слава столь далеко простирается на суше, но нам пора бы, мне кажется, проститься с этим храбрым офицером и продолжать путь, ибо дорога, насколько можно судить, свободна, а вид и запах этой шиурмы как будто начинают быть неприятными вашей супруге; я вижу, что ее прелестный румянец блекнет, и поэтому полагаю, что она была бы не прочь покинуть это зрелище, в котором нет ничего привлекательного». Мадам де Сегиран кивнула головой в знак того, что согласна со словами мсье де Ла Пэжоди, которому, прежде чем отстраниться от окна, она протянула свой кошелек, указывая на каторжан, окружавших карету и принявших эту благодетельность из рук мсье де Ла Пэжоди с громкими криками. Затем мсье де Сегиран и мсье де Ла Пэжоди раскланялись с офицером, и мсье де Ла Пэжоди вернулся к своему экипажу, между тем как карета мсье и мадам де Сегиран трогалась в путь.

Только обогнав тележки, они поравнялись с цепью. В ней было человек двести каторжан, соединенных попарно и образующих длинную вереницу. Воспользовавшись задержкой, несчастные остановились, чтобы немного перевести дух. При виде карет они зашевелились, гремя обручами и железом. Аргузины, кто с палкой, кто с веревкой, расхаживали перед ними с заносчивым и угрожающим видом. Дул резкий ветер, от которого содрогались озябшие под красными казаками тела. Проезжая мимо, мсье де Ла Пэжоди различал угрюмые и злые физиономии, загорелые и бледные лица, наглые и хмурые взгляды. Некоторым колпак придавал зверский и дикий вид. И мсье де Ла Пэжоди рисовал себе на этих усталых и грубых телах укусы ветра и мороза, синяки и волдыри, гной язв, кишение насекомых. Он думал о том, что эта преступная толпа будет идти вот так, перегон за перегон, день за днем, по мерзлым и грязным дорогам, в ветер и в дождь, голодная, избитая, продрогшая, влача тяжелую цепь, громяющую звеньями и обручами. А потом те же оковы, что связывают этих людей, прикрепят их к галерной банке, под тем же кнутом и той же палкой. Им придется гнуться над веслом, среди пены и брызг, спать на досках, терпеть морскую качку и солнечный зной, пока какое-нибудь ядро не уложит их, с рукояткой в кулаке и с прикованной к упорке ногой, или пока, выбившись из сил, они не подохнут на работе. И когда они умрут, их спустят на дно, и ничего от них не останется.

Мысль обо всех этих страданиях омрачила настроение мсье де Ла Пэжоди. Конечно, он знал, что эти каторжники не очень-то почтенные люди. Их партия представляла всего только сборище убийц и душегубов. Были среди них, наверное, и дезертиры, и соляные корчемники, и всякие другие преступники, но несмотря на это мсье де Ла Пэжоди невольно чувствовал к ним смутную жалость. Человеческое тело создано не для того, чтобы терпеть эти поношения, чтобы быть терзаемым побоями, снedaемым язвами, пожираемым насекомыми и угнетаемым цепями, а для того, чтобы вкушать удовольствия пищи, ласку воздуха, блага свободы и восторги сладострастия. Под какой же зловещей звездой родились эти люди, чтобы дойти до такого ужасного положения? Разве все мы не носим в себе одни и те же инстинкты и одни и те же склонности, и не по прихоти ли какого-то неведомого влияния, то благотворного, то вредоносного, мы даем им либо честное, либо преступное применение, ведущее нас к вершинам или к бездне? Какие таинственные случайности возносят нас к первым или свергают во вторую? Почему этот каторжник, что гребет на своей банке, с заткнутым ртом, обливаясь потом и питаясь черными бобами, не кавалер де Моморон, который, откормленный вкусными блюдами, укрытый под тентом, горделиво чванится на ахтер-кастеле своей галеры? Кто это так распорядился? И почему он, мсье де Ла Пэжоди, не мсье де Сегиран, нежничавший в глубине своей кареты с приятной Мадленой д'Амбинье? Почему мсье де Сегиран не мсье де Ла Пэжоди, один сидящий в своем экипаже и предающийся довольно унылым, хоть и философическим размышлениям о произволе, властвующем над человеческими судьбами и направляющем наши чувства и наши страсти сообразно с такими видами и по таким путям, которые нам почти совершенно чужды?

Мсье де Ла Пэжоди не имел обыкновения задерживаться на меланхолических раздумьях. По

природе своей он был подвижен и легок, переменчив в мыслях и быстро отвлекался от тех, что проносились в его уме. А потому вид футляра с флейтой, сброшенного с сиденья толчком, сразу вывел его из задумчивости.

Он бережно поднял кожаный чехол и вынул инструмент. Осторожно и умело он поднес дульце к губам; его щеки надулись воздухом, пальцы легли на отверстия, и из благозвучной трубки раздался живой и пляшущий напев, наполнивший всю внутренность кареты своей радостной мелодией, меж тем как лошади бодро бежали по мощеной дороге, нагоняя время, упущенное при заминке с тележками и при встрече с каторжанами его величества.

IV

Приезд новой мадам де Сегиран вызвал, как нетрудно себе представить, большое любопытство среди эксских дам. Необычность женитьбы мсье де Сегирана развязала языки. Каждый высказывал свое мнение. Одни видели в этом доказательство крайнего безрассудства, другие усматривали признак исключительной мудрости. Можно ли при выборе жены погрешить чрезмерной осторожностью, взвешивая всякого рода обстоятельства, от которых зависят прочность и приятность брачного союза? С другой стороны, не приводит ли самая тщательная предусмотрительность нередко к последствиям настолько противоположным своей цели, что бывает проще всего положиться на случай, в особенности когда случай принимается, как это сделал мсье де Сегиран, за выражение высшей воли, которой мы должны доверять и подчиняться? Это различие взглядов создало в Эксе две партии, которые, хоть им и не удавалось убедить друг друга, спорили, тем не менее, без конца, объединяясь, впрочем, в общем желании узнать, какова же, в конце концов, эта супруга, которую мсье де Сегиран унаследовал по странному завещанию маркизы де Бериси, приняв ее руку так, как если бы сам Господь надел им обручальные кольца. А потому все были весьма разочарованы, когда узнали, что молодожены, пробыв несколько часов в сегирановском доме, у старой мадам де Сегиран, снова уехали, даже не распрягая лошадей, и отправились в Кармейран, где они решили замкнуться в уединении, оправдываемом их свежим трауром и их законным желанием безраздельно принадлежать друг другу, вдали от надоедливых посетителей и непрошенных гостей. Последствием такого решения явилось то, что пришлось прибегнуть к мсье де Ла Пэжоди, дабы получить некоторые сведения об этой мадам де Сегиран, которая, по-видимому, относилась к замужеству весьма серьезно, раз она собиралась предаваться ему в таком строгом заточении. Все зависело от того, окажется ли мсье де Сегиран способен удержать ее в нем надолго и не почувствует ли эта пленница супружеской любви желания в один прекрасный день иметь у себя перед глазами другие физиономии, а не только – приятнейшее, разумеется, но все же единственное – лицо мсье де Сегирана

Насчет этого мсье де Ла Пэжоди отказывался строить какие бы то ни было предположения, но в остальном он охотно отвечал на задаваемые ему вопросы. К сожалению, было довольно трудно извлечь что-либо определенное из ответов мсье де Ла Пэжоди, ибо таковые зависели от его настроения, а оно было шаловливым. Мсье де Ла Пэжоди весьма забавляло сбивать с толку любопытных дам и мужчин, рисуя им столь непохожие друг на друга портреты мадам де Сегиран, что было нелегко составить о ней отчетливое представление. То Мадлена де Сегиран оказывалась, по словам мсье де Ла Пэжоди, чрезвычайно красивой особой, то он ее описывал, как самую заурядную. Иногда он давал понять, что только молодость сообщает ей некоторую привлекательность или даже что она и вовсе лишена таковой. То он утверждал, что она – высокого роста и стройна; то изображал ее приземистой и чуть ли не кривобокой. Она бывала то брюнеткой, то блондинкой, то рыжей, с глазами то голубыми, то черными, то серыми. И такую же противоречивость мсье де Ла Пэжоди вносил в оценку характера мадам

де Сегиран. Он называл ее, поочередно, высокомерной, доброй, хитрой, резкой, мстительной, гордой, смиренной, терпеливой, а когда ему указывали, что ему следовало бы согласовать между собой столь несходные суждения, то он смеялся в лицо вопрошающим и советовал им удостовериться самолично в том, что их так сильно занимает.

Некоторые отважились на это и вернулись посрамленными. Мадам де Сегиран они так и не видели. К ним выходил только мсье де Сегиран, а мадам де Сегиран приводила, чтобы не показываться, разные предлоги. Но если посетители и возвращались из Кармейрана, не получив того, зачем они ездили, то зато они чрезвычайно много рассказывали о том, какое в замке царит оживление благодаря всякого рода рабочим и мастерам. Действительно, мсье де Сегиран предпринял там большие переделки. Всюду меняли обои, красили обшивку, обновляли комнаты. Все необходимое для этих устройств мсье де Сегиран доставал из Экса, Тулона, Марселя и даже из Парижа. Кармейран населила многочисленная прислуга. Наследство мадам де Бериси позволяло эти расходы, и, совершая их, мсье де Сегиран исходил из того, что ему придется сократиться, когда семейные тяготы возложат на него заботу о будущем.

Ибо мсье де Сегиран не оставлял намерения дать своему дому прочное и обильное потомство и истребить злостные инсинуации мсье д'Эскандо Маленького. Консультация, которую он имел в Париже у знаменитого мсье Дагрене, внушала ему в этом отношении полную уверенность. Разве не заявил ему мсье Дагрене, что мадмуазель д'Амбинье способна зачинать, а он – производить? Таким образом, природа не могла отказать ему в том, что ей предписано Богом, и мсье де Сегиран полагался на эту согласованность, чьи последствия должны были рано или поздно сказаться. Что же касается срока, когда надлежало совершиться самому событию, то это надо было предоставить провидению. Оно одно властно надо всем, даже над самым тайным, а есть ли что-нибудь более тайное, нежели счастливое совпадение, благодаря которому оплодотворяется и полнеет чрево женщины? И мсье де Сегиран решил ждать неуклонного прихода того часа, когда небо благословит его союз с мадмуазель д'Амбинье, и в то же время делать все необходимое, дабы этот союз явился настолько частым и настолько тесным, чтобы у него не было недостатка в случаях понести плод.

А потому, немедленно по своем водворении в Кармейране, мсье де Сегиран начал по мере сил доставлять природе эти случаи, которые и имел в виду знаменитый мсье Дагрене. Мсье де Сегиран выказал себя усерднейшим и исправнейшим из супругов, и в этом отношении мадмуазель д'Амбинье выпал не худший удел, нежели покойной мадмуазель д'Эскандо. Тем не менее, после первого года супружества мсье и мадам де Сегиран все еще не приходилось выбирать крестных отцов и матерей. Мсье де Сегирана такая медлительность отнюдь не тревожила, настолько он доверял суждению мсье Дагрене. Ему было даже довольно приятно пользоваться юными прелестями своей жены без того, чтобы что-либо их отяжелало и уродовало, ибо, если жажда отцовства толкала его к брачному ложу, то и сила темперамента влекла его туда не менее. Мсье де Сегиран был наделен здоровой телесной мощью, и ему было тягостно во время своего вдовства оставлять ее без применения, ибо он не желал расточать ее в случайных похождениях, где она служит лишь наслаждению и ведет к греху. Впрочем, это воздержание пошло ему на благо, ибо Бог вознаградил его, ниспослав ему, путями, быть может, на посторонний взгляд странными, подругу, которой он мог таким образом подарить весь свой законный пыл.

Этот пыл мсье де Сегирана и черпаемые в нем наслаждения позволили бы ему ждать без особого нетерпения последствий, которые не преминули бы возыметь, если бы не вмешалась старая мадам де Сегиран с разговорами, хоть и не совпадавшими с теми, какие вел мсье д'Эскандо Маленький, но все же взволновавшими мсье де Сегирана. Пора бы, все-таки, ее сыну решиться сделать ее бабушкой, ибо она чувствует, что старится и не хотела бы покинуть этот свет, не увидав, на кого будут похожи ее внуки. Конечно, она была бы рада хотя бы поносить их на руках, но ей было бы очень приятно видеть их вышедшими из пеленок и

резвящимися вокруг нее. И если мсье де Сегиран хочет доставить ей это счастье, ему надо поторопиться и перестать увиливать. Тут старая мадам де Сегиран ссылалась на свое слабеющее здоровье. По ее словам, она с каждым днем все острее ощущала старческие недуги; у нее портилось зрение, тяжелели ноги, пропадала память. Она уже с трудом различала карты и плохо запоминала число выброшенных очков. Она путала истории, которые ей рассказывали, а звуки флейты маленького Ла Пэжоди долетали до ее ушей далекими и заглушёнными. Словом, она требовала, чтобы мсье де Сегиран сделал ее бабушкой как можно скорее. После таких бесед мсье де Сегиран выходил от своей матери с вытянутым лицом и отправлялся рассказать о них жене. Возвращаясь из своих поездок в Экс, он часто заставлял ее гуляющей в саду, ибо мадам де Сегиран любила бродить по его аллеям. Ей нравились их стройное расположение и ровный песок, по которому можно было идти, не следя за тем, куда ступаешь, что позволяло ей, во время таких прогулок, не прерывать нити своих размышлений. Так мадам де Сегиран походила до самых глухих боскетов и там предавалась долгим думам. Иной раз, если день бывал ясный, она проводила его целиком в сельском уединении, ибо выше всякого общества мадам де Сегиран ставила свое собственное, делая свекрови лишь необходимые визиты, равно как и городским дамам, которым, в конце концов, пришлось-таки показаться. Мадам де Сегиран взяла на себя эту повинность, но ни с кем из них не завязала отношений, предпочитая отшельническую жизнь в Кармейране тем развлечениям, которые в нее могло бы внести общество какой-нибудь мадам де Листома, мадам де Брегансон или всякой другой дамы или же которые она могла бы найти у них. Пустым разговорам, которые ведутся на собраниях и ассамблеях, мадам де Сегиран предпочитала шелест листвы, пение птиц, лепет фонтанов и даже тишину комнат, где мсье де Сегиран заставлял ее, возвращаясь, снова за каким-нибудь рукоделием или серьезным чтением.

Мадам де Сегиран сохранила и в замужестве любовь к благочестивым и богословским книгам, которыми она питала ум в ту пору, когда жила у мадам де Бериси. Основательные познания в вопросах вероучения и склонность к одиночеству не мешали мадам де Сегиран выказывать душевную веселость и всю прелесть своего возраста. Отдав должное обычным раздумьям, она охотно распределяла свое время в угоду мужу и являла ему самое открытое и самое приветливое лицо. Мадам де Сегиран была не прочь развлечься чем угодно и с удовольствием соглашалась на увеселения, которые ей предлагал мсье де Сегиран. Она вносила в них увлечение, приводившее его в восторг, и даже некоторую страстность, которая оживляла затевавшиеся ими игры. Игра в бирюльки пользовалась особым расположением мсье де Сегирана. Он проявлял в ней большую ловкость и отлично умел вытягивать фигурки из их запутанной груды. Его пример побуждал мадам де Сегиран к соревнованию, и ее стремление выиграть бывало так же сильно, как и явное огорчение, которое она выказывала при проигрыше. Наблюдатель более внимательный, нежели мсье де Сегиран, заключил бы на основании этих признаков, что его жена, под видимостью благоразумия и умеренности, быть может, таит в себе, сама того не зная, силы характера, способные к довольно неожиданным движениям. Но мсье де Сегирану не было свойственно обнаруживать что-либо сокровенное как в других, так и в себе. Он раз и навсегда составил известное представление о Мадлене д'Амбинье и перенес его без изменений на Мадлену де Сегиран, ибо не сталкивался ни с чем таким, что могло бы заставить его переменить свое мнение. Выходя за него замуж, Мадлена де Сегиран приняла тот образ жизни, который он ей предлагал и который на глазах у мсье де Сегирана продолжался в счастливом и мирном однообразии. Единственное событие, которое он заранее учитывал, было то самое, которого он ждал с уверенностью и которое подготавливал неукоснительно.

Между тем время шло, а мсье де Сегиран все еще не приносил своей матери известия, с которым та ему советовала поторопиться. Подходил к концу уже второй год их супружества, а еще и пеленок не начинали готовить. При этой мысли настроение мсье де Сегирана иной раз омрачалось, но он поспешно отгонял прочь докучную заботу и, чтобы от нее отвлечься, предлагал жене или сыграть в бирюльки, или пройтись по саду, а то приглашал ее

потешиться силками или приманной дудкой, к каковой забаве был весьма привержен, почему мадам де Сегиран, из любезности, от нее и не отказывалась. Но еще более ценил мсье де Сегиран ловлю сетью.

Чтобы попасть туда, где она производилась, надо было выйти из замкового сада и дойти до расположенной неподалеку поляны. Края ее были обсажены всякого рода деревцами, и две крытые дорожки шли вдоль этой заросли, состоящей из боярышника, дерена, бузины, ежевики, бирючины, крушины, мастиковых и фисташковых деревьев, то есть всех растений, годных для приманки таких птиц, как ортолан, рыжая и серая славка, дрозд, перепел, красная куропатка. Дорожки эти сходились у беседки, площадью около двенадцати квадратных футов. Здесь возвышались две двадцатипятифутовые мачты, выкрашенные в зеленый цвет и снабженные блоками, а между ними была натянута зеленая шелковая сеть с карманами. И для мсье де Сегирана было великим удовольствием смотреть, как птицы, спугнутые с окрестных кустов, взлетают и кидаются в тенета, из которых уже не могут выбраться.

Так ловили певчих дроздов, чечеток, пестрых щевриц, коим мсье де Сегиран вел точный счет, возвращаясь к нему по несколько раз в день, если только не пускался в бесконечные рассуждения о покупке шелковых тенет и о мерах, которые необходимо принимать для их сохранности, как-то остерегаться сильных ветров, могущих их порвать, и красить сеть заново, когда она вылиняет от солнца. Мадам де Сегиран слушала эти речи с таким серьезным вниманием, что иной раз они ей снились ночью. И тогда во сне ей казалось, будто она, словно одна из этих птиц, бьет крыльями и застревает в сетях, расставленных на ее пути изобретательной хитростью людей, и она просыпалась, с сердцем, взволнованным этим сновидением, смысл которого ей не удавалось разгадать. * * *

Тотчас же по возвращении своем из Парижа мсье де Ла Пэжоди привел в исполнение свои черные замыслы против мадам де Галлеран-Варад, если и не отведя ее, как он грозился, домой под звуки флейты, то все же, без применения столь крайних мер, попросив ее весьма учтиво и весьма твердо не приходить к нему больше в турвовский особняк, как она это любила делать, и не рассчитывать больше на то, что он станет дарить ей наслаждения, которые перестал испытывать сам. Но, в противоположность мадам де Листома, мадам де Брегансон и некоторым иным, примирившимся, скрепя сердце, с разлукой, мадам де Галлеран-Варад, принимая отставку, громко выражала отчаяние, в которое ее повергала любовная утрата, понесенная ею в лице мсье де Ла Пэжоди. Мадам де Галлеран-Варад плакала, кричала, бушевала и старалась всеми способами удержать неверного; но мсье де Ла Пэжоди предоставил ей плакать, кричать, бушевать и остался неумолим. Конечно, он был благодарен мадам де Галлеран-Варад за оказанные ему милости, но просил ее еще об одной, последней, а именно – не обращать больше на него внимания, не потому, чтобы он не признавал ее прелести и красоты, а потому, что он сохранил о них столь живое воспоминание, что ничего не желал к нему добавлять.

Когда мадам де Галлеран-Варад убедилась в невозможности изменить решение, принятое в отношении нее мсье де Ла Пэжоди, она оставила сетования и заменила их обильными поношениями и коварными наветами, изображая мсье де Ла Пэжоди последним из негодяев, способным на всякие злодеяния, из коих наименьшим являлась неблагодарность, достоверно изобличавшая порочность его души и низость сердца. И какую неосторожность выказало городское общество, принимая в свою среду этого дрянного дворянчика без роду и племени, о котором никто ничего не знает и который явился, в один прекрасный день, из Конта, совсем налегке, не имея при себе ничего более ценного, чем эта флейта, на которой он играет, правда, очень хорошо, но не настолько, как об этом раскричали эта старая дура мадам де Сегиран и этот дурак мсье де Турв! Последнему было особенно непростительно прийти от него в такой восторг, чтобы поселить у себя в доме и перезнакомить со всем городом, который он смущал своими нравами и развращал своими речами. К тому же, мсье де Ла Пэжоди вольнодумец и атеист, глумящийся над всем, что есть самого святого и чтимого, произносящий ужаснейшие хулы и не боящийся поносить имя Божие, кичась своим

неверием. Люди тысячу раз слышали, как он вел себя безбожником и нечестивцем, да он и не скрывает, что он таков на самом деле, и при этом проявляет дерзость, несомненно объясняемую его близостью с сатаной, которому он приносит поклонение, в каком-то отказывает истинному нашему владыке. Дьявол в явной дружбе с мсье де Ла Пэжоди: мадам де Галлеран-Варад приводила тому немало доказательств, из коих наименьшими были могущественная и пагубная власть, которую он имел над женщинами, и жгучий пламень объятий, в которые он их заключал. Разве не очевидно, что он применяет к ним какое-то злоторное волшебство, если самые порядочные забывают священнейший свой долг, чему она сама являет наглядный пример, равно как и эта маленькая мадам де Лореллан, которую он ее заменил и которая в свою очередь увидит, что значит слушать такого Ла Пэжоди! Разве не ясно, что мсье де Ла Пэжоди владеет искусством приворотных зелий и порч и знает всякого рода чародейства, делающие его полным господином над телом самых целомудренных женщин, в которых он зажигает пожирающее пламя сладострастия? Эти и еще многие другие речи мадам де Галлеран-Варад переходили из уст в уста и кое-где встречали сочувствие; но этот маленький бунт быстро бы рассеялся, если бы мсье де Ла Пэжоди потрудился доказать смехотворную неосновательность подобных обвинений, поскольку они касались его предполагаемых сношений с нечистым. Что он повеса и вольнодумец, это не подлежало сомнению; можно быть и тем, и другим, не давая все же повода к обвинениям в чертовщине, каковые против него выдвигала мадам де Галлеран-Варад в своем раздражении покинутой любовницы. Но мсье де Ла Пэжоди только посмеялся над этими благоглупостями, далекий от мысли, чтобы ими когда-либо могли воспользоваться в ущерб ему. Вместо того чтобы обезвредить то, что в них могло быть опасного, он позабавился тем, что в них было смешного, и не побоялся придать им правдоподобие опрометчивым поступком, на который дал себя увлечь.

Случилось как раз так, что толпа бродяг, взявшихся неведомо откуда и известных под именем цыган, расположилась табором неподалеку от города. Караван этот состоял из двух десятков мужчин и женщин со смуглыми лицами и горящими глазами, одетых в яркие лохмотья и разукрашенных мишурой и блестками. Они промышляли разными ремеслами, продавали вещи собственного изделия, торговали лекарственными снадобьями, предсказывали будущее и исполняли танцы, сопровождая их звуками диковинных инструментов. Вид у них был странный и образ жизни тоже. Они путешествовали в больших крытых повозках, запряженных мохногривыми лошадьми. Эти повозки служили им жильем. Они образовывали из них как бы лагерь, где варили пищу на ветру, в больших котлах, подвешенных над кострами. В сборище их было что-то фантастическое, и им сопутствовала дурная молва о кражах, обманах и колдовстве. Говорили, что их женщины, – в старости черные и ссохшиеся, а в молодости причудливые и красивые, – ходят на шабаш, Тем не менее, вид этих цыган, какой бы плохой славой ни пользовался их кочующий табор, возбудил любопытство городских жителей. Вокруг них толпились, покупая у них лекарства или слушая гадание, а также глядя на их пляски, в которых дикость не исключала грации. Провансальцы любят звук галубета и тамбурина, и музыка этих цыган им нравилась. Маркиз де Турв проявил себя большим любителем и почти ежедневно ходил ее слушать в обществе мсье де Ла Пэжоди, который также ею не гнушался. Иногда мсье де Ла Пэжоди приносил с собой флейту и, забавы ради, испытывал ее чары на этих смуглых чужеземцах. Они не оставались к ним безучастны и, отложив свои дикарские инструменты, слушали нежные и верные звуки которыми их угощал мсье де Ла Пэжоди. Так завязалась своего рода дружба между цыганами и мсье де Ла Пэжоди, которого это, по-видимому, весьма забавляло.

Как я уже сказал, некоторые из цыганок были довольно хороши собой, а одна и совсем красива. Она была очень молода, и безупречность тела соединялась у нее с грациозной причудливостью лица. Ее сверкающие и бархатистые глаза озаряли смуглую кожу, на которой выделялся пурпурный рот, украшенный ослепительно белыми зубами. Она танцевала лучше всех, и ее страстные движения возбуждали живые желания. Нельзя было видеть, как она изгибает стан и движет руками, не чувствуя волнения и не будучи уязвленным жалом

вожделения. А мсье де Ла Пэжоди был не таков, чтобы оставаться равнодушным к этой дочери гитан, тем более что она, по-видимому, его заметила и ей нравилось, что он на нее смотрит. Эта игра не ускользнула от внимания мсье де Ларсфига, который был ее свидетелем и который, несмотря на свою молодость и неопытность, умел уже зорко наблюдать за всем, что происходило вокруг. Вскоре он достаточно присмотрелся к цыганке и мсье де Ла Пэжоди, чтобы быть уверенным, что между ними завязалась интрига, и чтобы не сомневаться, что мсье де Ла Пэжоди сумеет привести ее к должному концу. И все-таки мсье де Ларсфиг мне в этом признался, он никак не мог предположить того, что вслед за тем случилось.

И в самом деле настала пора, когда цыгане должны были сняться табором, потому что они никогда долго не задерживаются на одном месте. Распродав свои снадобья и мелкие изделия собственного производства, они идут заниматься своим ремеслом дальше, и мсье де Ларсфиг уже посмеивался исподтишка над близким разочарованием мсье де Ла Пэжоди, чья цыганская любовь подходила к концу, ибо приближалось время, когда эти бродячие толпы, наводняющие наши прованские земли, имеют обыкновение, следуя древнему обычаю, отправляться на богомолье к церкви святых мэрий Морских, на Камарге, поклониться мощам благочестивых жен, пришедших из святой земли возвестить нам христианскую веру и из коих одна, по преданию, была их племени, что не мешает им, как говорят, после этого поклонения угодникам божьим, выказывать себя бесовскими угодниками, занимаясь всякого рода чародейством и посещая места, где справляется шабаш. Но мсье де Ларсфиг еще плохо знал мсье де Ла Пэжоди, полагая, что он может так просто дать себя в обиду, не изобретя какой-нибудь уловки, дабы продлить наслаждение, которое он вкушал с этой дочерью больших дорог, пренебрегая тем, какое ему более чем охотно предложили бы, наряду с мадам де Лореллан, достойнейшие городские дамы, в том числе и мадам де Галлеран-Варад, которая, несмотря на свои крики и неистовства, только о том и мечтала, чтобы вернуть неверного.

Но мсье де Ла Пэжоди думал иначе и доказал, что он не остановится ни перед чем, чтобы удовлетворить свою прихоть и довести ее до конца, ибо в тот день, когда цыганские повозки тронулись в путь, направляясь к святым Мариям, эссские обыватели, собравшись на лугу, дабы присутствовать при этом зрелище, с изумлением увидели мсье де Ла Пэжоди, в лучшем своем наряде и с флейтой в руке, удобно усевшимся на одной из повозок, рядом с красивой черноволосой девушкой, нежно склонившейся к нему на плечо,— мсье де Ла Пэжоди, который, не заботясь ни о чем, кроме собственного удовольствия, уезжал куда глаза глядят, по прованским дорогам, в компании танцоров, музыкантов, гадателей и знахарей.

«Но что лучше всего,— добавлял мсье де Ларсфиг,— так это то, что, проезжая поблизости от Кармейранского замка, мсье де Ла Пэжоди, сидя на своей повозке, встретил мсье и мадам де Сегиран, возвращавшихся с птичьей ловли, и без малейшего смущения горячо приветствовал их голосом и жестами, как будто нет ничего естественнее, когда нас зовет любовь и увлекает страсть, чем путешествовать вот так, рядом с молодой цыганкой и с самой странной свитой, какую только можно придумать для дворянина, который, казалось, был создан для посещения альковов, а не для походов под открытым небом. Но мсье де Ла Пэжоди был мсье де Ла Пэжоди,— философически заключал мсье де Ларсфиг,— а у этой черномазой были такие чудесные глаза!» * * *

Как только об этом цыганском побеге мсье де Ла Пэжоди стало известно в Эксе, языки заработали, и язык мадам де Галлеран-Варад больше всех. По ее словам, мсье де Ла Пэжоди был попросту похищен дьяволом в образе арапки, и это было лишь справедливым возмездием за его кощунства и нечестие. Его останки найдут на каком-нибудь распутье, где по сухой и опаленной траве видно, что там прошел нечистый, и где в пыли будут обнаружены следы раздвоенных копыт! Что же касается старой мадам де Сегиран, то она расхохоталась, когда ей сообщили о бегстве ее маленького Ла Пэжоди. Вот это значит действительно любить женщин — уехать на телеге, в компании бродяг, с темно-бурой особой, у которой кольца в

ушах и на щиколотках. Ах, что бы ее сыну Моморону поступать так же, вместо того чтобы водиться с этим маленьким Паламедом д'Эскандо, которого он увез с собой на галеру и с которым милуется на виду у всех и ко всеобщему соблазну! Ла Пэжоди, тот хоть сообразуется с законом естества. Впрочем, такого рода фантазии быстротечны, и недолго ждать, пока Ла Пэжоди вернется домой. С ним еще дело не кончено. Эксским мужьям рано трубить победу, и если Ла Пэжоди отправился на шабаш, то он им, наверное, принесет оттуда козлиные рога!

Но предсказания старой мадам де Сегиран сбылись не так-то скоро, ибо мсье де Ла Пэжоди отлучился не на шутку, и никто не знал, что с ним случилось. Мсье де Ларсфигу, который, по врожденному любопытству, навел о мсье де Ла Пэжоди справки, было, однако же, известно, что кочующего повесу видели в разных местах провинции и даже за ее пределами, все так же в обществе молодой цыганки и как бы в составе табора, к которому она принадлежала.

Пока мсье де Ла Пэжоди колесил по дорогам в необычном экипаже, в котором его видели мсье и мадам де Сегиран, возвращаясь с птичьей ловли, они не раз вспоминали об этой странной встрече, и мсье де Сегиран охотно заводил о ней речь, между тем как мадам де Сегиран слушала его с несколько задумчивым видом. Мсье де Сегиран усматривал в побеге мсье де Ла Пэжоди пример смятения, в которое повергают человеческое сердце любовные страсти. Ибо разве не плотское вождение толкнуло мсье де Ла Пэжоди на столь сумасбродный поступок, способный лишить его уважения окружающих? Но вполне ли ответствен мсье де Ла Пэжоди за свои порывы? Мсье де Сегиран, склонный быть снисходительным к мсье де Ла Пэжоди, несмотря на разность их характеров, находил для него извинение в том пламени, которое природа примешала к его крови. Она создала мсье де Ла Пэжоди маленьким, но сильным, и влила ему в жилы малообычный жар и столь живую и пылкую любовь к женщинам, что эта склонность увлекает его за пределы, в которых она терпима у других. Чтобы бороться с этим влечением, мсье де Ла Пэжоди нужны были бы свойства, которых у него нет. Таковых он не почерпнет ни в нравственности, ни в религии. А потому ничто не обуздывает его страстей, за каковые он рано или поздно получит кару, ожидающую его на том свете, даже если он ее и избегнет в этом мире, что еще не доказано. И мсье де Сегиран никогда не заканчивал этих речей, не похвалив себя в глубине души за то, что он огражден от подобных безумств. Его темперамент, наверное, толкнул бы его на них, как и всякого другого, если бы он заблаговременно не предохранил себя от вспышек своей природы браком. В нем он обрел убежище от бесчинств плоти и, с божьей помощью, никогда не отступал от долга, который он на себя принял, боясь, что не сможет сам воспротивиться опасным чарам любви, за что и был двукратно взыскан небесной милостью, одоблившей его воздержание и ниспославшей ему одну за другой двух одинаково совершенных супруг, из коих во второй Господь не преминет завершить свои благодеяния, даровав ему через нее потомство, которого он ждет.

В этом месте своей речи мсье де Сегиран бросал на жену взгляд, удостоверившись не без некоторого беспокойства, что ничто еще не возвещает события, заставляющего себя слишком долго ждать. И действительно, никаких признаков беременности в мадам де Сегиран еще не замечалось. Ее стан был все так же строен, как в тот день, когда мсье дю Жардье благословил союз Мадлены д'Амбинье с супругом, назначенным ей матримониальной волей мадам де Бериси. Замужество не вызвало в мадам де Сегиран даже тех телесных перемен, к которым оно нередко приводит. Она не приобрела в нем той полноты форм, которой отмечается у женщин послушность предначертаниям природы. Напротив, в силу ли действия климата, с которым она еще не успела освоиться, в силу ли какой-нибудь другой причины, мадам де Сегиран утратила румянец, красивший ее девическое лицо. В ней часто сквозила усталость, принимавшая вид какого-то истощения. Правда, красота ее от этого не пострадала, и в ней появилось даже что-то еще более трогательное, благодаря некой меланхолии, которая была в ней разлита и которую мсье де Сегиран истолковывал как признак того, что его жена испытывает некоторую грусть, видя все

еще несбывшимися общие им обоим надежды.

Эти наблюдения побудили мсье де Сегирана написать мсье Дагрене, чтобы узнать его мнение относительно задержки, которая, несомненно, должна была весьма его удивить. Ответ мсье Дагрене был категоричен. Знаменитый врач оставался при своем утверждении касательно материнских способностей мадмуазель д'Амбинье. Если природа медлит свершить то, чего желают оба супруга, то это в силу присущей ей удивительной осторожности. Она, несомненно, находит, что мадам де Сегиран еще не обладает необходимой телесной силой для того, чтобы питать зачатый плод. Мсье де Сегиран пишет о томности и исхудании. Этому надлежит пособить наиболее подходящими средствами. Мсье Дагрене их перечислял: длительный сон, умеренные упражнения, а главное – пища, которая возбуждала бы аппетит, дабы улучшить свойства мышц и крови. Наконец, умело подобранные развлечения, для того чтобы поддерживать веселое состояние духа и разгонять ипохондрические пары, препятствующие нам извлекать пользу из того, что делает для нас медицина. При таком уходе, добавлял мсье Дагрене, мадам де Сегиран не замедлит наверстать потерянное и в непродолжительном времени достигнет благоприятного состояния, которого природа требует для того, чтобы иметь возможность приступить к своей важнейшей и неизбежнейшей задаче.

По прочтении этого письма первой заботой мсье де Сегирана было устремиться на кухню. Она была обширна и хорошо оборудована, и он вернулся оттуда удовлетворенным, как генерал может остаться доволен маневренным полем, где ему придется выстраивать войска. Засим мсье де Сегиран занялся необходимыми распоряжениями. Пред хозяйские очи был вызван повар, и ему было предписано всемерно заботиться о том, чтобы впредь стол был роскошен. После чего мсье де Сегиран велел эконому представить реестр хранящихся в погребе вин и ликеров. Таковые имелись во множестве. Оставалось следить за меню. Мсье де Сегиран желал, чтобы оно было обильно и разнообразно. Отныне мсье де Сегиран ни о чем так не пекся, как о столе, не ради себя, а ради своей дорогой супруги, которую он не переставал понуждать запастись недостающими ей силами. Сперва мадам де Сегиран неохотно подчинялась этим настояниям, обеспокоенная тем, что предаваться утонченностям чревоугодия грешно; но мсье де Сегиран так убедительно представил ей цель, к которой он стремился, что она дала себя уговорить последовать советам знаменитого мсье Дагрене, подобно тому как в тех же видах она покорялась супружескому пылу мсье де Сегирана. И, успокоив свое благочестие, она уже не так противилась нежным прельщениям сластолюбия, которые предлагались ей каждый день и к которым ее склонял мсье де Сегиран.

Я помню, ничего не могло быть занятнее, чем слушать речи мсье де Ларсфига о поварском искусстве и его бесконечные рассуждения об этом предмете, которым он досконально владел во всех его частях. Мсье Де Ларсфиг знал наизусть все супы, всё жаркое, все виды Дичи, все роды живности, всех рыб, все овощи, все плоды, все пряности, соуса и приправы. Ему были знакомы все приношения, которыми времена года служат кому. Их перечень он начинал с весны, когда природа вручает свои первины. Она дарит молочного теленка, откормленного цыпленка, домашнюю утку и голубя, молодого кабана, косулю, молодых зайцев и кроликов, свежий шпинат, сморчки и грузди, тогда как к лету она приносит молодую пулярку, петушка, фазанчика, перепелку, дикую утку, дикого голубя и некоторые фрукты. Но не осенью ли она являет себя во всем изобилии, с бараниной и свининой, каплунами и жирными цыплятами, серыми и красными куропатками, тетеревами и бекасами, водными птицами, рыбами? При этом исчислении глаза мсье де Ларсфига светились священным огнем, и казалось, он завидует дарованной профессионалам чести орудовать всеми этими кулинарными богатствами. варить их, приправлять, фаршировать, стряпать, подавать, поливать крепкими и изысканными соусами, сдабривать перцем, гвоздикой, мускатным орехом и мускатным цветом, имбирем, лимоном, горчицей и уксусом.

Итак, к этим роскошествам стола, столь соблазнительные картины которых живописал мсье де Ларсфиг мадам де Сегиран не осталась равнодушной и через несколько месяцев начала

уже ощущать действие режима прописанного ей мсье Дагрене. Замечавшееся у нее исхудание уступило место легкой полноте, а томность сменилась живостью, которой нельзя было не заметить. Красота ее, впрочем, нисколько от этого не пострадала, а, наоборот, стала как-то гармоничнее и законченнее. На лице снова появился румянец, и вся она дышала здоровьем, чему весьма радовался мсье де Сегиран, заключавший отсюда, что скоро она будет вполне приспособлена к делу природы и что никакое препятствие тому уже не помешает. Мадам де Сегиран, казалось, и сама ждала того же, и можно было подумать, будто ей хочется воспользоваться тем, что ее тело еще свободно от излишнего бремени, чтобы побольше двигаться. Нередко она отрывала мсье Сегирана от его бирюлевных комбинаций и увлекала на эспланаду замка поиграть в шары. Мсье де Сегиран охотно соглашался. Его восхищало в жене это возрождение юности, и он вторил ему с добродушной солидностью. В эту пору мадам де Сегиран, жившая прежде чрезвычайно уединенно, начала появляться в городском обществе. Довольно часто карета доставляла ее в Экс. Она с видимым удовольствием принимала участие в беседах, сохраняя в то же время пристойнейшую сдержанность в речах и поведении.

Это легкое рассеяние было у мадам де Сегиран на самом деле только кажущимся, и она не переставала: быть такой же твердой в вере и таких же безупречных нравов. В ней по-прежнему неизменно сказывались серьезность воспитания и строгость привычек. В этом могли убедиться, когда однажды маркиз де Турв, вздумав обратиться к ней с некими слишком смелыми любезностями и попытавшись дополнить слова телодвижениями, получил от нее такой суровый и надменный отпор, что отступил совсем пристыженный, клятвенно уверяя, что впредь не станет пытаться щупать жеманниц и богомолков и что Сегиран счастливый человек, раз он женат на женщине, предоставляющей ему одному пользоваться ее красотой.

Была ли тому причиной эта неприличная выходка мсье де Турва или же известное сожаление о том легком рассеянии, которому она дала себя увлечь, но с этого времени мадам де Сегиран понемногу перестала показываться в городском обществе. Она еще больше предалась своим благочестивым чтениям и своим одиноким прогулкам в кармейранском саду. Она как будто предпочитала не запереться в комнатах замка, где ее словно стесняла какая-то духота, от чего у нее иногда внезапно к лицу приливали кровь, озарявшая ее красоту мимолетным румянцем, который был ей, видимо, неприятен и который она выходила освежить и погасить на вольном воздухе сада.

Там ей особенно нравился один боскет, незадолго до того устроенный мсье де Сегираном в самой отдаленной его части и расположенный симметрично с тем, в котором струился источник. Здесь на подножии водрузили статую, изображавшую античного пастуха, играющего на флейте. Эта изящная мраморная фигура представляла, посреди листвы превосходное украшение. У ее ног и любила уединяться мадам де Сегиран. В тишине этих мест она слушала, как бежит ключ в соседнем боскете, и ей казалось, будто флейта языческого пастуха сопровождает ропот ближних вод мелодическими звуками. Тогда мадам де Сегиран прерывала чтение и, опустив книгу на колени, внимала воображаемому концерту. А иногда она закрывала лицо руками и подымала его не раньше, чем заливший его румянец в достаточной мере рассеивался; но тогда ей казалось, будто мраморный пастух с высоты своего подножия глядит на нее насмешливо, словно угадав причину внезапного огня, оживлявшего устремленные на него украдкой прекрасные глаза. И мадам де Сегиран, смущенная и встревоженная, с содроганием ощущала в самой темной своей глубине что-то тайное и сладостное, что пробуждалось в ней помимо ее воли и что она страшилась себе объяснить. * * *

Между тем мадам де Сегиран достаточно хорошо умела рассуждать, чтобы не понять того, что в ней происходило. Другая на ее месте, быть может, просто приписала бы слишком обильному и слишком возбуждающему питанию эти приливы крови, налетавшие на нее своими обжигающими порывами; но мадам де Сегиран была не из тех робких умов, которые боятся самопостижения и предпочитают не знать себя до тех пор, пока какое-нибудь

нежданное событие не укажет им на то, чего они уже не в состоянии скрыть.

Ее набожность была искренней, и ее обращение также. От ее прежних заблуждений в ней не осталось ничего. Она приняла без оговорок верования и обряды, коими наша религия отличается от так называемой реформатской, но все же от бывшего гугенотства у нее сохранилось известное доверие к собственным взглядам на самое себя. Мадам де Сегиран не страшилась заходить довольно глубоко в том саморассмотрении, при помощи которого мы открываем самих себя и узнаем о себе истину, и для этого она почти не нуждалась в чьей бы то ни было помощи. Другими словами, для самопостижения мадам де Сегиран мало обращалась к тому содействию, которое нам оказывают наставники и руководители нашей совести. Мы помним, что в свое время их усилия убедить ее не привели ни к чему и что своим обращением она была обязана собственным раздумьям. Мсье дю Жардые и прочим оно бы не удалось, если бы она не взяла на себя прийти с ним к соглашению. А потому мадам де Сегиран, неукоснительно исполняя свои религиозные обязанности, скорее сторонилась какого-либо руководства. По прибытии в Кармейран она избрала себе в духовники среди эксского духовенства доброго священника по имени мсье Лебрэн, известного чистотою веры и душевной простотой. Мсье Лебрэн был, так сказать, машиной для таинств. Он совершал их с милой наивностью и применял их формулы к тем, кто его просил об этом, не видя притом дальше собственного носа. На исповеди мсье Лебрэн меньше всего расспрашивал и не выказывал стремления побуждать кающихся к утонченному исследованию совести. Он довольствовался общим видом грехов, в которых ему решали сознаться, и не требовал внимательного их изучения.

Никогда он не задавался целью проникнуть в душу глубже того, чем она ему открывалась. И мадам де Сегиран была весьма довольна пастырством мсье Лебрэна, которому она доверяла лишь самые внешние свои области, причем он ни разу не пытался обратиться к более глубоким, над каковыми она сохраняла, таким образом, единоличную власть и руководство.

Поэтому неудивительно, что в том положении, в котором она очутилась, мадам де Сегиран прибегла не к добрейшему мсье Лебрэну. Он ничего бы тут не понял, и мадам де Сегиран не нуждалась в его услугах, чтобы разобраться в том, что в ней творилось странного и необычного.

К тому же, она настолько привыкла исследовать самое себя, что не могла бы долго заблуждаться относительно обуревавших ее тревожений, хотя бы даже не было никаких признаков, которые бы уясняли ей их причину и истолковывали их ей.

Мадам де Сегиран действительно выходила замуж в том умонастроении, которым она поделилась со своим будущим мужем во время первых их бесед. Она помнила их точка в точку и слово в слово и не забыла, как они с мсье де Сегираном пришли к соглашению относительно союза, в который намеревались вступить. Быть может, она в меньшей степени, нежели он, видела в этом проявление божьего промысла, но она охотно принимала толкование, даваемое мсье де Сегираном тем обстоятельствам, которые свели их друг с другом при посредстве диковинного завещания мадам де Бериси. Как бы там ни было, представления мсье де Сегирана о браке в достаточной мере согласовались с ее собственными воззрениями, чтобы она им не прекословила. А потому она с полной искренностью применилась к его взглядам. Мысль о том, чтобы дать дому Сегиранов нужных ему наследников, казалась ей достойной одобрения. Эта роль снискала бы ей со стороны мсье де Сегирана прочную привязанность и неизменное уважение, а разве это не было предпочтительнее неверных упоений любви, ибо мадмуазель д'Амбинье, хотя ничего не знала об этом чувстве и никогда его не испытывала, остерегалась его в силу какой-то тайной боязни, объясняемой тем, что она ощущала в себе своего рода врожденную страстность, которая, проснись она, могла бы получить над нею власть, чью необузданность она предугадывала.

Потому-то брак представлялся ей полезной преградой для этих неистовых порывов, которые зовут любовью и начала которых заложены в нашей душе и в нашем теле. Насчет первых мадам де Сегиран была довольно спокойна и полагалась на свой разум, чтобы предохранить себя от увлечений, которые могли бы ее заманить. В отношении же вторых она была не так уверена, хотя самой их грубости и вещественности казалось ей достаточными для того, чтобы сделать их неопасными. Вместе с тем, мадам де Сегиран знала, хотя бы из книг, что с ними надлежит считаться, что в том чем мы являемся, они занимают больше места, нежели мы обычно думаем. Опять-таки и в этом смысле брак, по ее мнению, представлял защиту против того, что в нашей плоти есть темного, тайного и как бы дикого, раз первобытный инстинкт побуждает нас покорствовать наслаждениям, которых она требует и на которые наши чувства соглашаются, даже если разум их осуждает. В самом деле, разве не уделяет брак своей доли тому, что в нас имеется вещественного, указывая ему цель, а именно размножение, и давая ему исход, в котором он обретает удовлетворение?

Будучи такого мнения, мадам де Сегиран склонно подчинилась супружеским желаниям мсье де Сегирана. Она признавала их законность и покорно на них отвечала. Она не выказывала при этом ни строптивости, ни усердия, и хоть и не находила особого удовольствия, но не проникалась и отвращением. Когда мсье де Сегиран намеревался использовать по отношению к ней свои права мужа, она шла им навстречу всей молодой и свежей красотой своего тела, к каковой мсье де Сегиран был весьма чувствителен, о чем свидетельствовала частота его призывов. Впрочем, она отнюдь не гордилась этим и не черпала в том никакого тщеславного удовлетворения, равно как в ней никогда не возникало желания испытать силу своих чар на ком-либо ином, кроме мсье де Сегирана. Да она и не понимала, как можно придавать такое значение и уделять столько внимания делам любви, и удивлялась тому, как много места они занимают в жизни стольких людей. То, что она мало-помалу узнала, несмотря на свое уединение, о всевозможных интригах, которым предавались эссские дамы и их поклонники, преисполнило ее изумления. Ей казалось непостижимым, что главная жизненная забота может состоять в том, чтобы лежать в постели именно с тем, а не с другим. Мадам де Сегиран иногда делилась своими недоумениями с мсье де Сегираном, когда тот, возвратясь из Экса от своей матери, передавал ей рассказы о последних выходках какой-нибудь мадам де Листома или мадам де Брегансон. Тогда мсье де Сегиран разражался смехом и взирал на свою жену со смесью гордости и удовлетворения. Он явно обладал в ее лице более чем безупречной супругой, чья неколебимая добродетель ограждала его от известных злоключений, к которым мужчины весьма чувствительны, и утешался мыслью о столь прочно для него обеспеченных спокойствии и счастье. И иной раз у него являлось желание воспользоваться ими незамедлительно, тем более что любовные повести, рассказанные им мадам де Сегиран, не могли до некоторой степени не распалить его своими образами. И вот однажды, вернувшись из Экса, откуда он привез сообщенное ему повествование о некоторых занятных проделках мсье де Ла Пэжоди, относящихся к той поре, когда тот еще не слонялся по дорогам, и узнав, по выходе из кареты, что жена его в саду, мсье де Сегиран направился к боскету, где она имела обыкновение уединяться. Это было на склоне прекрасного летнего дня, когда знойная тяжесть воздуха едва начинала рассеиваться. В листве не проносилось ни ветерка, и в зеленоватой тени боскета пастух с флейтой возвышался в своей музыкальной наготе. Заслышав шаги мсье де Сегирана, мадам де Сегиран подняла голову и сделала ему знак сесть возле нее на скамью из дерна, служившую ей сиденьем. Уместившись рядом, мсье де Сегиран начал передавать жене услышанные им речи, из коих некоторые были достаточно вольны. Разговаривая, мсье де Сегиран обнял свою супругу за талию, и вдруг мадам де Сегиран почувствовала прикосновение смелой руки к своей груди, в то время как в ухо ей шептались слова, которые были знакомы и которым супружеский долг приучил ее не сопротивляться.

Это маленькое приключение в боскете не оставило бы особого следа в уме мадам де Сегиран, ибо мсье де Сегирану были свойственны подобного рода внезапные приступы волчьего голода, если бы оно не послужило поводом к открытию, явившемуся для мадам де

Сегиран источником обуявшего ее душевного смятения и причиной событий, которые я имею вам изложить так как мне их передал во всей их подробности мсье де Ларсфиг. Но, чтобы понять их, возвратимся к сцене в боскете.

Итак, когда, удовлетворив на лоне природы естественное желание своего мужа, как, согласно уже сказанному, ей то случалось уже не раз, мадам де Сегиран пустилась в обратный путь к замку бок о бок с мсье де Сегираном, который, гордясь этой сельской утехой принял свой обычный важный вид, она почувствовала себя охваченной странным волнением. Да, не кто иной как мсье де Сегиран шагал рядом с ней, и не кто иной, в уединении боскета, держал ее в объятиях и подчинил ее своим желаниям, но ей казалось, что она сама не совсем такая же, как всегда. В своем теле она ощутила нечто новое, чего никак не могла понять. Да, она вспоминала телесный дар, который принесла с обычной для нее покорной благосклонностью, но сюда примешивалась неожиданная страстность, приводившая ее в глубокое замешательство. Не была ли бы она счастлива в тот миг, если бы мсье де Сегиран был не тем, кем он был? Если бы другое лицо склонилось над ее лицом, если бы ее схватили другие руки, отвела ли бы она взгляд, оттолкнула ли бы она объятия? Разве в глубине души она не желала бы такой замены? Сойди с подножия мраморный пастух и ласкай он ее своими искусными руками, с каким восторгом всего тела она бы отдалась ему!

С этой мыслью мадам де Сегиран вернулась в замок после приключения в боскете и с тех пор не переставала углублять ее постоянными размышлениями, занимавшими ее весь день и не дававшими ей уснуть ночью, когда она не раз вставала с постели, чтобы думать все о том же. Но чем больше она на этом сосредоточивалась, тем сильнее возрастало ее смятение. Ей становилось все более ясно, что в ней совершилось великое событие. Впервые ей пришло на ум, что можно находить удовольствие в ласках мужчины, который не является супругом, и что больше всего тревожило мадам де Сегиран в этом открытии, так это то, что, удивляясь ему, она нисколько им не возмущалась.

Что в ней заложен инстинкт греха, так это свойство нашей природы, и в этом нет ничего исключительного! Мадам де Сегиран была достаточно вооружена против него, чтобы не бояться уступить его призывам. Можно жить вместе с ним и ощущать его напор в самой сокровенной своей глубине, не поддаваясь ему. Разве не все мы в таком положении? Грех бродит вокруг нас, окружает нас, опутывает, и редко случается, чтобы он, в конце концов, не проник в нас с тем большей легкостью, что бывают темные умы, в которых он пребывает в первородном состоянии и еще до того мгновения, когда он обнаруживает свое присутствие. Но что его потаенные или внезапные попытки не толкают нас сразу же на резкий отпор ему, вот что странно и вот что должно служить нам предостережением против самих себя! Как раз так обстояло дело с мадам де Сегиран, и она готова была видеть в этом действие какого-либо непостижимого колдовства или опасного чародейства.

Однако, прежде чем уверовать в это, мадам де Сегиран упорно доискивалась в самой себе причин той легкости, с какой она отнеслась к соблазнительному образу, неожиданно обнаружившему перед ней склонность, которой она в себе не подозревала. Не приходилось ли ей усматривать как бы предугадание этой склонности в ее всегдашнем пристрастии к занятиям религией, как если бы ей хотелось заранее прибегнуть к оплоту, который они воздвигают в нас, научая нас нашим обязанностям? Не для того ли, чтобы лучше оградить себя от увлечений тела и крови, приняла она веру, чьи многочисленные обряды оставляют нашим плотским стремлениям возможно меньше свободы? И не эти ли основания побудили ее согласиться на брак, где любовь была ни при чем и где она искала лишь безопасности, каковая, по ее мнению, должна была в нем быть полной? Беря в мужья мсье де Сегирана и зная точно, чего он от нее ждет, не желала ли она свести дело плоти к тому, чем оно должно быть, дабы согласоваться с велениями природы? Выйдя замуж, не жила ли она в скромном уединении, избегая появляться в легкомысленном обществе и в вольных компаниях и подчиняясь единственно желаниям мсье де Сегирана? Но что было пользы от всех этих предосторожностей? Несмотря на все, грех приближался ныне, правда, еще потаенный и

лицемерный, но словно чтобы показать, что он не откажется от того, чтобы овладеть ею как властелин, когда настанет час!

Хотя в глубине души мадам де Сегиран и чувствовала, что сама она ничем не способствовала той тревоге, которую она переживала, она все же делала себе упреки

, в частности за то, что уступила настояниям мсье де Сегирана в вопросе питания. Хотя ее поведение в этом отношении и могло быть оправдано соображениями здоровья, но тем не менее она допустила здесь известную неосмотрительность. Разве эти слишком тонкие мясные блюда, эти слишком острые пряности, которыми она начала питаться, сначала осторожно, а затем жадно и неумеренно, не содействовали увеличению живости ее крови и росту ее телесных сил? И потом, зачем она иной раз преклоняла слух к любовной молве, долетавшей из ближнего города? Зачем она внимала рассказам мсье де Сегирана о легкомысленных интригах и амурных подвигах, которыми старая мадам де Сегиран тешила свое любопытство и которые она во всех подробностях излагала своему сыну, когда тот ее навещал? Зачем она забавлялась, порою, похождениями какой-нибудь мадам де Листома или какой-нибудь мадам де Брегансон, распутством какой-нибудь мадам де Галлеран-Варад, зачем смеялась тяжеловесным шуткам маркиза де Турва и улыбалась остротам мсье де Ла Пэжоди, который к грехам телесным присоединял грехи ума и приправлял свой разврат безбожием; подобно тому как кавалер де Моморон, чьи скандальные истории доходили и до ее ушей, пренебрегал божескими законами и оскорблял естественный порядок с этим молодым Паламедом д'Эскандо... Да, конечно, все это грешники, приверженные к худшим излишествам, но какое она имеет право быть к ним суровой? Разве сама она не обнаружила вдруг в себе тот же инстинкт, побуждающий требовать у тела наслаждений, которое оно может дать? Все это грешники, своею распущенностью и своими пороками, но сама она разве не грешница тоже, раз чувствует, как живет в ее жилах и в ее крови, как таится за поворотами ее мыслей, как подстерегает в ее теле все тот же недремлющий грех, чей лик явился ей в образе этого нагого и стройного Пастуха, который с высоты подножия насмешливо глядел на нее, когда она в руках мсье де Сегирана преступно грезилась о других объятиях?..

Беспокойные и мрачные размышления, которым она предавалась и к которым возвращалась беспрестанно, привели мадам де Сегиран в состояние странной меланхолии. Вскоре ее прелестный румянец поблек, и полнота ее форм опала. Эта перемена не преминула встревожить мсье де Сегирана, особенно когда он увидел, что его жена отказывается следовать режиму, предписанному ей мсье Дагрене и давшему такие прекрасные результаты. Но ни настояния, ни просьбы не могли побороть отвращения, которое мадам де Сегиран проявляла к пище, даже самой нежной и самой легкой, и которое мсье де Сегиран рад был бы приписать тому, что преисполнило бы его радости. Но от этой надежды ему пришлось отказаться: мадам де Сегиран чахла сама по себе, без того, чтобы какая-либо видимая причина могла объяснить происходившую в ней перемену, в которой она каждый день убеждалась перед своим зеркалом. Каждый день она подолгу созерцала в нем не только свое лицо, но и все свое тело. Она изучала его вид не для того, чтобы любоваться его красотой, а для того, чтобы проникнуться к нему омерзением и возбудить в себе презрение к нему. Она старалась видеть в нем лишь сосуд нечистоты и орудие похоти и ненавидела его всеми силами своей добродетели.

В обуревавшем ее душевном смятении, с которым она не могла уже совладать, ее посещали странные мысли, как, например, о том, что она во власти какого-то чародейства или колдовства. Иногда ей казалось, что она поддалась игре воображения и стала жертвой жалкого самообмана. Разве существует в действительности такая разница между одними объятиями и другими, разве есть такие, которые доставляют столь особенные наслаждения, что ради них стоило бы поступиться спасением души? Разве любовное действие не всегда одно и то же, и что можно от него ждать, кроме того, из чего оно состоит, то есть улады, одинаковой для всех, кто его совершает?

Как ни была взволнована мадам де Сегиран, она все же не утратила способности рассуждать, и ее рассуждения приводили ее иной раз к выводам, которые, если она на них и не задерживалась, тем не менее занимали ее некоторое время. Не являлось ли наилучшим средством рассеять этот мучивший ее самообман – сравнить его с действительностью? Разве надежда вновь обрести телесный мир не стоила того, чтобы позволить плоти испытать то, чего она желает? Как знать, не таит ли грех собственную смерть в своем свершении, подобно тому как нарыв разрешается от гноя, если разрушить его оболочку? Не есть ли всякое искушение не более чем туман, чьи призраки не могут противостоять устремленному на них взгляду, и что от них остается, если их увидеть в их облачной тщете?

Но на этом пути мадам де Сегиран сразу останавливали ее искреннее благочестие и искренний страх божий, а если бы она их и превозмогла, она все равно не могла бы признать себя в праве, ради личной выгоды вовлечь во грех того, кого она избрала бы орудием, которым положила бы конец своим терзаниям и уяснила бы себе их сущность. Делясь своим грехом, она бы его удвоила, ибо, если она и могла бы покаяться в своей вине и искупить ее, у нее не могло быть никакой уверенности, что ощутит раскаяние в своей вине тот, кто впадет в нее вместе с ней. Таким образом, человек, которого бы она сжимала в своих объятиях и который, быть может, показал бы ей тщету ее самообмана, был бы ею малодушно обречен на вечное осуждение, и она ввергла бы в гибель его одного, разве лишь он увлек бы и ее за собой. И этот образ был так жив и так яростен, что мадам де Сегиран содрогалась от ужаса, ибо от ее гугенотской юности в ней сохранились библейские видения, воскресавшие в ней пламенеющими анафемами. То ей чудилось, что она катится в бездну, обнявшись с соучастником своего греха; то, стоя над пропастью, она видела его окруженным огненными языками, обгагрившими своим отсветом ее щеки, горящие сквозь их бледность и худеющие с каждым днем. * * *

Со времени женитьбы своего брата на мадмуазель д'Амбинье или, точнее, со времени смерти первой мадам де Сегиран кавалер де Моморон не изволил больше показываться в Эксе, куда его мать тщетно призывала каждый год, по окончании кампании и возвращении галер в порт для разоружения. Как известно, в конце октября галерная эскадра возвращается на зимовку в Марсель или Тулон и выходит в море, если то требуется, лишь весной. По разоружении галер шиурма остается на судне, равно как и надзирающие за нею комиты и аргузины, а командующие ею офицеры, пользуясь этим, разъезжают по домам для устройства личных дел, если только не предпочитают поселиться в городе и жить там на досуге. Так именно и поступал кавалер де Моморон, ссылаясь на то, что эксский климат ему не подходит. Напрасно старая мадам де Сегиран торопила его приехать, указывая на свой преклонный возраст; кавалер отвечал, что с таким здоровьем, как у нее, она проживет до ста лет и что он вполне успеет вернуться к ней, когда не сможет уже спать под тентом и жить по-морскому.

Но хотя старая мадам де Сегиран и редко видела своего сына-кавалера, она кое-что слышала о нем, ибо об образе жизни, который он вел в своей марсельской квартире, доходили вести даже до Экса. Сообщались некоторые черты его быта, рисовавшие кавалера де Моморона человеком довольно малопочтенным. У мсье де Моморона шла крупная игра, и рассказывали, что понтеры не всегда бывали ею довольны и не всегда убеждены в том, что партия была честной. Это вело к дракам и скандалам, получавшим неприятную огласку и отнюдь не красившим репутации мсье де Моморона, равно как и поведения мсье Паламеда д'Эскандо, неразлучного спутника кавалера на море и на суше, и говорилось даже, что и тот, и другой совместно поплывут в ад, куда их не преминут привести их разврат и непотребство.

Слыша про такие толки, мсье де Моморон смеялся, а мсье Паламед д'Эскандо жеманничал и, разглядывая в зеркало свое хорошенькое девичье личико, строил глазки направо и налево, чем возбуждал великую ревность мсье де Моморона. Кавалер, действительно, не сводил с мсье Паламеда глаз, а тот этим пользовался, чтобы добиваться от мсье де Моморона новых колец для своих пальцев, новых нарядов для своего тела и тончайших духов и притираний,

на которые был падок. Эти траты вызывали необходимость, кроме игорных доходов, в довольно настойчивых денежных просьбах, с которыми мсье де Моморон обращался к матери и брату и которыми время от времени напоминал им о себе. Следует, однако, сказать, что у кавалера де Моморона имелся и другой способ не дать о себе забыть. Мсье де Моморон был прекрасный офицер, из самых храбрых и самых искусных, и не было случая, чтобы его галера не отличилась или чтобы он не повел себя блистательно. Юный Паламед д'Эскандо подражал ему в этом и выказывал себя всякий раз мужественно смелым, так что дурная слава того и другого сопровождалась уважением, заставлявшим, несмотря ни на что, отзываться о них лестно. Не было предприятия или сражения, во время которых они не обратили бы на себя внимания своей стойкостью и отвагой.

И вот в один прекрасный день стало известно, что незадолго перед тем кавалер де Моморон был довольно тяжело ранен в морской стычке на высоте островов Стромболи, где он повел себя как обычно. Несмотря на рану, мсье де Моморон не пожелал сдать командования галерой и должен был вернуться на ней в Марсель куда вся эскадра ожидалась в последних числах октября. Эта весть достигла мсье де Сегирана как раз тогда когда он был занят поисками какого-нибудь развлечения, чтобы вывести мадам де Сегиран из меланхолии одолевавшей ее все более и более и начинавшей причинять ему некоторое беспокойство. Оно увеличивалось еще и тем, что мадам де Сегиран стала держать себя с ним по-новому; не то, чтобы она отвергала его желания, но она относилась к ним с каким-то страхом, словно боясь их проявления и последствий. Нередко она старалась найти повод уклониться от них, ссылаясь на свое здоровье или какую-нибудь иную причину. Эта телесная холодность, выказываемая по отношению к нему мадам де Сегиран, невольно удивляла мсье де Сегирана, и он предпочитал приписывать ее чему угодно, но только не тому, что обычно разлучает жен от общения с мужьями, то есть известной усталости, вызываемой у них подчас однообразием супружеского постоянства. Мсье де Сегирану не хотелось думать, чтобы то, которое проявлял он, могло быть докучным, ибо оно преследовало цель, относительно которой они с мадам де Сегиран давно пришли к соглашению.

Во всяком случае, мсье де Сегиран был не прочь воспользоваться этим ранением своего брата Моморона как средством отвлечь мадам де Сегиран от угнетавших ее меланхолических мыслей. Поэтому он предложил ей поехать вместе с ним в Марсель к приходу галер навстречу кавалеру де Моморону, чтобы узнать о его здоровье и обеспечить ему уход, могущий оказаться необходимым ввиду его раны, чего не могла сделать старая мадам де Сегиран, прикованная к креслу подагрой. Мадам де Сегиран не возражала против такого проекта и приняла его с тем же равнодушием, с каким относилась теперь ко всему решительно, как если бы ничто на свете не стоило взгляда ее прекрасных глаз, отныне почти всегда опущенных вниз, словно они вечно боялись встретиться с каким-нибудь зрелищем, способным их оскорбить. Но мсье де Сегиран полагал, что вид галер, входящих в порт, поневоле заставит ее поднять их. Таким образом путешествие в Марсель было решено, и мсье де Сегиран занялся необходимыми приготовлениями, чтобы сделать его легким и приятным. Маркиз де Турв, у которого в Марселе был дом, предоставил его в распоряжение мсье и мадам де Сегиран, дабы они могли с удобством дожидаться часа возвращения галер.

Утром двадцатого числа октября месяца к мсье и мадам де Сегиран пришли сказать, что эскадра усмотрена в открытом море и что она, по всей вероятности, войдет в порт к концу дня. День обещал быть ясным, и в два часа, когда мсье и мадам де Сегиран сели в карету, чтобы ехать в гавань, солнце сияло во всем своем блеске. Город уже принял праздничный вид, и по всем улицам к порту двигался народ, так что карета с трудом пробиралась сквозь толпу. Мсье де Сегиран любовался ее оживлением и веселостью и дивился разнообразию, которое она являла взору, ибо она состояла из всякого рода людей, горожан и ремесленников, рыбаков и матросов, продавцов плодов и цветов, нищих и карманников, не считая левантинцев, одетых по-турецки. Весь этот пестрый люд теснился и толкался среди шума шагов и голосов, среди запаха пряностей и моря, с шутками, смехом и криком. Чем

ближе к набережной, тем гуще становилась давка. Люди мяли и давили друг друга, чтобы протиснуться на первые места. Уличные торговцы расставили свои лотки и продавали съестное и всякую мелочь. Здесь можно было выпить и закусить. Вам предлагали мальгское вино, арбузы, раковины. Нищие выставляли напоказ свои язвы и протягивали свои чашки. Фокусники и шарлатаны упражнялись в своем промысле и торговали лекарствами и амулетами. Птичник держал в клетках разных заморских птиц диковинной окраски и, на шестах, многоцветных попугаев, выстроенных в ряд, словно на параде. Перед длиннорылым левантинцем прыгала стая голозадых обезьян, и их дразнили ободренные шалунишки в дырявых штанах, сквозь которые просвечивали бедра. Иной раз возникала драка из-за поползновения какого-нибудь воришки. Обменивались тумачами; перекрещивалась брань. Иногда появлялось шествие: какое-нибудь братство с хоругвями и эмблемами. Ждали городской совет, который должен был явиться приветствовать герцога Вердонского, командующего эскадрой, и поздравить его с благополучным прибытием.

Между тем карета мсье и мадам де Сегиран, пробившись не без труда, заняла место, наиболее удобное для того, чтобы ничто не заслоняло им зрелища. Опустив дверные стекла, мсье и мадам де Сегиран любовались картиной, открывавшейся их взглядам. Окаймленный во всю свою длину домами, окна которых были оживлены невероятным количеством любопытных порт расстилался из конца в конец, замыкаемый стенами и башней форта святого Иоанна. Его заполняло множество причаленных или стоявших на якоре судов так что кое-где не видать было воды, которую в других местах бороздили лодки и баркасы. Все это образовывало сплетение ярко раскрашенных корабельных кузовов, носов и корм, украшенных фигурами и эмблемами, мачт, рей прямых и косых, снастей, флагов и вымпелов, колеблемых легким ветром. С каждой минутой толпа росла; но по мере того, как время шло, она становилась все более шумной, разгорячаемая собственными криками. Они удваивались, когда кто-нибудь, по неосторожности, слишком близко подойдя к краю, падал в воду. Его вытаскивали всего мокрого. Эти интермедии умеряли нетерпение ожидания, которое мсье и мадам де Сегиран начинало уже казаться слишком долгим, как вдруг, едва мсье де Сегиран посмотрел на часы и удостоверился, что они показывают четвертый час, грянул пушечный выстрел, подхваченный громкими криками и звоном всех колоколов. И вот шум сменился великой тишиной. Взоры всех обратились к фарватеру, соединяющему порт с открытым морем. Галеры приближались.

Первой появилась «Ла Реаль», на которой шел герцог Вердонский и которая несла на грот-мачте квадратный флаг. На ней, как известно, двадцать шесть банок по семь весел. Корпус ее белый. Ее кормовая рубка, в виде беседки, покрыта камчатым тентом, поддерживаемым четырьмя золочеными стрелами. Гребцы ее носят синие казаки и колпаки, вместо обычных красных. У входа в порт она вдруг убрала паруса, и в то же время слух пронзили свистки комитов, руководивших маневром. Как только паруса упали, весла принялись мерно бить по воде. С каждым взмахом галера подвигалась вперед. Вскоре можно было ясно различить куршейную пушку и аргузинов в коричневых куртках, стоявших на куршее, меж тем как «Защитница», шедшая вслед за «Ла Реаль», выполняла тот же маневр, который одна за другой повторили все остальные галеры-зензили или обыкновенные, числом семь: «Победа», «Дофина», «Сила», «Корона», «Фортуна», «Слава» и «Отважная», которая следовала последней и которой командовал кавалер де Моморон. Все они шли медленно, под гул приветствий, звон колоколов и гром пальбы.

Встречаемая так, «Ла Реаль», перестав грести, стала на назначенное ей место, то же проделали и остальные галеры, суша весла, то есть убрав их таким образом, чтобы каждое, продетое в строп, легло горизонтально на постицах, что делало честь искусству офицеров и послушливости шиурмы. Затем опустили сходни. Герцог Вердонский гордо сошел на берег. Он был в боевом мундире и шляпе с перьями и железным гарнитуром, в штанах из буйволовой кожи и сапогах. В этот миг крики усилились, так что едва ли он много разобрал в той речи, с которой к нему обратился мэр, окруженный городским советом. Тем не менее он

любезно ответил на нее несколькими словами. Мсье де Сегиран видел, как он прошел мимо его кареты, чтобы сесть в ту, что была подана для него. Тем временем мсье де Сегиран вышел, стараясь опознать галеру мсье де Моморона, и попросил одного из сошедших на берег офицеров указать ему ее. Это оказалась та, которая, по-видимому, получила наиболее тяжкие повреждения. Ее грот-мачта была скреплена посередине и не хватало фок-мачты. Подходя ближе, мсье де Сегиран увидел на шканцах мсье Паламеда д'Эскандо, который, узнав его, стал ему делать знаки. Мсье де Сегиран не обладал морскими ногами, а потому не без труда взошел по сходням. Это ему удалось с помощью мсье Паламеда д'Эскандо, спустившегося к нему навстречу и тотчас же проводившего его к кавалеру де Моморону.

Мсье де Моморон лежал в кормовой беседке, ибо полученная им в бедро рана сильно осложнилась из-за недостаточного ухода и его необходимо было передать в руки опытного хирурга, если он не желал остаться хромым на всю жизнь или претерпеть еще худшие невзгоды. Появление мсье де Сегирана, по-видимому, вызвало в нем скорее чувство удивления, нежели удовольствия; тем не менее он довольно охотно согласился быть отвезенным в дом маркиза де Турва, где все было приготовлено для того, чтобы он там жил, пока не подлечится настолько, чтобы уехать на окончательную поправку либо в Экс, к матери, либо в Кармейран, к брату. Само собой разумеется, что неразлучный мсье Паламед д'Эскандо будет его сопровождать. Когда это было установлено, мсье де Моморон с полной готовностью позволил отнести себя в карету, где его ждала мадам де Сегиран.

Она печально смотрела на выстроенные вдоль набережной галеры, чьи высокие кормы красовались резьбой и золочеными фонарями, и с состраданием думала о бедных каторжанах, двигавших их весла усилием своих тел. Она вспоминала их жалкую цепь, встреченную холодным зимним днем на лионской дороге. Быть может, некоторые из этих несчастных здесь, прикованные к банке, которая, как ей сказали, их ждала? Их кожу выдубил морской ветер и опалило небесное солнце. Они изнывают от работы, стонут от голода и жажды, кричат под плетью аргузинов и комитов, терпят муки рабства, от которых ничто не освободит их, кроме смерти, да и то это освобождение будет лишь переходом к другим мучениям, на этот раз вечным, ибо их цепи расплавятся только на адском огне, чей отсвет они уже носят на себе в красном цвете своих казаков и колпаков. И при мысли о вечных страданиях, которые уготованы грешникам, мадам де Сегиран охватывали жестокий страх и невыразимая тоска.

Прибытие кавалера де Моморона, на носилках, освободило ее от этих дум. Его не без труда усадили в карету, где заняли место также мсье де Сегиран и мсье Паламед д'Эскандо, но, очутившись рядом с мадам де Сегиран, мсье де Моморон довольно скоро пришел в нечто похожее на хорошее настроение и рассыпался в комплиментах красоте своей невестки. Мсье Паламед д'Эскандо вторил его словам, посылая мадам де Сегиран тайные взгляды, не ускользнувшие от внимания мсье де Моморона, который решил, если бы ему вздумалось долечивать рану у брата, строго следить за невесткой и не подпускать к женщинам своего Паламеда, который довольно неожиданно, мошенник, оказался к этому как будто расположен. Мсье де Моморона это не устраивало, и он вовсе не собирался лишаться благосклонности своего любимчика.

V

Однажды утром, бреясь и прилаживая парик, маркиз де Турв был отвлечен от своего занятия странным происшествием. Сперва он счел было себя игрой слухового обмана и засунул палец в ухо, чтобы такое прочистить. Затем по его широкому лицу разлилось выражение удивления, причем он поднялся с кресла и остался стоять, внимательно прислушиваясь.

Безусловно, он не ошибался. До него доносились звуки флейты, и мсье де Турв узнавал в них арию, которая была ему знакома и которая как будто исходила из комнаты, где недавно жил мсье де Ла Пэжоди. Комната же эта оставалась запертой со времени отъезда Ла Пэжоди с цыганкой, ибо мсье де Ла Пэжоди увез ключ с собой. Между тем, сомнения быть не могло, кто-то играл на флейте у мсье де Ла Пэжоди. Случись это ночью, мсье де Турв, будучи довольно суеверен, подумал бы, что музыкальный призрак мсье де Ла Пэжоди проник в его обиталище и что там дает концерт его тень, но после рассвета призраки не являются, а потому мсье де Турв, решив самолично дознаться, в чем дело, выбежал на лестницу и вскоре очутился у двери в магическую комнату. Незримая флейта раздавалась в ней столь мелодично, что мсье де Турв на миг замер, очарованный, потом, толкнув дверь плечом, остановился на пороге, пораженный тем, что он видел.

Мсье де Ла Пэжоди, в утреннем одеянии, смиренно сидел на стуле перед нотным пюпитром. При виде мсье де Турва он отнял флейту от губ и встретил его приветственным движением, в то время как мсье де Турв, в съехавшем на сторону парике и наполовину недобритый, махал руками, не в силах говорить. Когда это ему наконец удалось, он разразился обычным для него потоком слов. «Черт возьми, хорош этот Ла Пэжоди, Исчезнуть, ничего не сказав, и появиться вновь, как ни в чем не бывало! Какими это судьбами ему удалось пробраться ночью в дом, когда все двери наглухо заперты? Или эта цыганка, за которой он отправился следом, научила его чарам, позволяющим ему не считаться с замками и проходить сквозь стены? Но словом он вернулся, а это главное, как и то, что он не разучился играть на флейте!»

Мсье де Ла Пэжоди спокойнейшим образом выслушал обращение мсье де Турва и претерпел его объятия но ответил самым холодным и недоуменным тоном, что он решительно не понимает, причем тут цыганка, что все это одно воображение и ни на чем не основано; что накануне он, действительно, присутствовал при отъезде цыган, но что затем он вернулся в турвовский особняк откуда и не выходил целый день; что, поужинав, он лег спать и, отлично проспав всю ночь, только что проснулся, свежим и бодрым; что, словом, все эти бредни о его отсутствии мсье де Турву приснились и что ему бы лучше о них молчать, если он не желает, чтобы его сочли спятившим с ума. Что он лично, Ла Пэжоди, не поступится из сказанного ни словом и назовет лжецом всякого, кто вздумал бы утверждать противное!

Этот превосходный ответ был дан с такой уверенностью, что мсье де Турв совершенно опешил и растерялся, не зная, рассердиться ему или рассмеяться, но во всяком случае вывел из него, что мсье де Ла Пэжоди дает им понять о своем желании, чтобы о его побеге с ним не говорили и вежливо считали таковой не имевшим места. Тем не менее, маркиз де Турв, будучи весьма болтлив и не умея ничего таить, не мог удержаться от того, чтобы не разгласить повсюду об этой новой шутке мсье де Ла Пэжоди, возвещая вместе с тем о его возвращении, что было неосмотрительно, ибо у мсье де Ла Пэжоди имелись враги, воспользовавшиеся этим ему во вред. Мсье де Ларсфиг был тому свидетелем и сообщил мне об этом в числе многих подробностей этого странного дела, которые я от него узнал и которые во многом почел бы сомнительными, если бы он не ручался мне в их точности. Итак, мсье де Ларсфиг слышал в двадцати местах, будто из слов мсье де Ла Пэжоди явствует с очевидностью, что он был похищен цыганской дьяволицей, с которой, по-видимому, бывал на шабаше, как это принято у цыганок, где и предавался с нею всем творящимся там бесовским мерзостям, но что эта адова дочь, при помощи каких-то зелий или чар, отняла у него память об их преступных бесчинствах, дабы он не мог их изобличить и в них покаяться и был таким образом неминуемо осужден. Поэтому, быть может, он и вполне искренно утверждает, будто не выходил из своей комнаты в турвовском доме, но, чистосердечен он или нет, с этим Ла Пэжоди все равно опасно знаться и водиться, ибо он носит в себе яд ужасного греха, которым, сам того не зная, может заразить других, и мечен на лбу когтем сатаны. Впрочем, добавлялось к этому, если бы даже мсье де Ла Пэжоди и сохранил воспоминание о своем бесовском приключении, он едва ли бы старался от него очиститься, будучи по своим

воззрениям вольнодумцем, безбожником и отъявленным нечестивцем, мало помышляющим о божьем суде. Мсье де Ла Пэжоди давно уже вознамерился быть проклятым и, не забывая о том, чего надлежит желать своему ближнему и ждать от небесного милосердия, разве не позволительно считать его уже отныне таковым?

Естественно, что никто так пламенно не поносил мсье де Ла Пэжоди, как мадам де Галлеран-Варад. В этом она усердствовала и растекалась хулой. Встречаясь с мсье де Ла Пэжоди, она крестилась и затыкала нос, чтобы избежать серного запаха, который, по ее словам, он распространял. Это кривляние забавляло мсье де Ла Пэжоди, который был довольно равнодушен к тому, о чем шептались у него за спиной. С него было достаточно, если в глаза с ним обходились приветливо, а остальное его мало заботило, в особенности если эти благосклонные лица были женские. А мсье де Ла Пэжоди видел, что, после его возвращения из кочевья, расположение к нему не уменьшилось. Старая мадам Де Сегиран по-прежнему называла его своим маленьким Ла Пэжоди, и многие дамы были бы рады услышать на подушке, предпочтительнее ли тайные прелести цыганских красавиц их собственным. Но мсье де Ла Пэжоди, вопреки своему обыкновению, не спешил произвести между ними выбор и казался безучастен к их многозначительным взглядам, из чего мадам де Галлеран-Варад сострадательно заключила, что дьявол, коему он предан в лице темнокожей дьяволицы, поразил его злыми чарами, лишившими его мужеской силы. Она утверждала, что так часто бывает с теми, кто имеет сношения с сообщниками сатаны. Ей когда-то поведал об этом один францисканский монах, весьма опытный в подобного рода делах, ибо он в свое время судил, приговорил, заклял и сжег двадцать с лишним колдуний и колдунов. И, по словам мадам де Галлеран-Варад, такая же участь ожидала и мсье де Ла Пэжоди, чему она премного радовалась, заранее любопытствуя увидеть, каков-то он будет среди горящих угольев и дров.

Эти и еще многие другие речи, неудобства и даже опасности, коих мсье де Ла Пэжоди не замечал, достигли и до слуха мсье и мадам де Сегиран, несмотря на уединение, в котором те жили в Кармейране. Мсье де Сегирана они только забавляли. Благосклонность все столь же подчеркнутая, каковую его мать продолжала выказывать мсье де Ла Пэжоди, защищала в его глазах этого молодого человека, который по-прежнему ему нравился, хотя многое в нем его и корбило, а именно его неисправимое нечестие и распущенность нравов, но мсье де Сегиран с удовольствием вспоминал путешествие в Париж, когда он ехал свататься к мадмуазель д'Амбинье и мсье де Ла Пэжоди оказался таким приятным попутчиком, равно как был ему благодарен за то, что тот, когда мадмуазель д'Амбинье стала мадам де Сегиран, не старался сделать более тесною близость, на которую вправе мог бы рассчитывать. Мсье де Ла Пэжоди сам понимал, что его манера держать себя не такова, чтобы прийти ко двору в Кармейране, и соблюдал в своих отношениях с молодой четой сдержанность, от которой никогда не отступал и которая проявлялась всякий раз, когда им приходилось встречаться. Кроме того, мсье де Ла Пэжоди пленял мсье де Сегирана своими музыкальными дарованиями. Мсье де Сегиран был очень чувствителен к гармонии. Не играя сам ни на каком инструменте, он любил слушать тех, кто на таковых играл, и затем усердно напевал услышанные и запомнившиеся ему мотивы, что нередко делало его невыносимым, ибо он весь гудел припевами.

Эту страсть к куплетам и руладам мсье де Сегиран разделял со своим братом, кавалером де Момороном, который тоже был великий мурлыкатель песенок и арий. Правда, те, что ему нравились, были по большей части омерзительны, благодаря словам, коими он их уснащал и непристойностью коих наслаждался. Все же, несмотря на такого рода предпочтение, мсье де Моморон не был чужд и более возвышенной музыки. А потому имел обыкновение держать у себя на галере маленький оркестр, который и возил с собой в морских походах. Своих музыкантов он одевал в красивые цвета и требовал, чтобы в дни сражений они оставались на палубе, пока не начнут прыгать ядра, а затем премного потешался, смотря, как они бросаются врассыпную и бегут прятать свой страх в недра камбуза, чему хохотал во все

горло, ибо приближение боя всегда приводило кавалера де Моморона в отличное расположение духа.

Итак, как мы уже сказали, мсье де Сегиран питал к мсье де Ла Пэжоди некоторую слабость, и чем больше мсье де Ла Пэжоди выказывал себя неисправимым вертопрахом, безбожником и нечестивцем, тем больше мсье де Сегиран усматривал в той сдержанности, какую мсье де Ла Пэжоди соблюдал в своих отношениях с ним и с его женой, лестную дань, приносимую им обоим. Разве не служило это доказательством уважения, которое блистательная добродетель мадам де Сегиран внушала наиболее дерзким, равно как и признаком почтительных чувств, пробуждаемых его личными достоинствами? А потому мсье де Сегиран при всяком случае отзывался о мсье де Ла Пэжоди с мягкостью, коей не изменил даже и после своей странной встречи с ним в тот день, когда он возвращался с птичьей ловли с мадам де Сегиран и мсье де Ла Пэжоди предстал им сидящим на цыганской телеге и едущим куда глаза глядят в обществе смуглой девушки, у которой в ушах были подвески, а на шее – ожерелье из золотых цехинов.

Со времени этой встречи, о которой, сама не зная, почему, она неоднократно вспоминала, мадам де Сегиран ни разу не видела мсье де Ла Пэжоди. Ей было известно только то, что его встречали в разных местах все с той же молодой цыганкой. Потом, также от мужа, она узнала о неожиданном возвращении мсье де Ла Пэжоди в турвовский дом и о его шутке, которой он хотел сделать так, чтобы его побег считался несуществовавшим. Но мадам де Сегиран не придавала особого значения этим рассказам. Она была настолько занята собой, что мало обращала внимания на то, что делают другие. Поглощавшие ее борения совести были из тех, которые всего упорнее и настойчивее сосредоточивают нас на самих себе, и к тому, чтобы разрешить их, мы прилагаем все свои способности. Мы всецело отдаемся личной муке, и ничто не в состоянии нас от нее отвлечь и отстранить. В ней мы замыкаемся и укрываемся всей силой нашего горя, и это внутреннее усилие делает нас безучастными ко всему иному. И мадам де Сегиран, дойдя до такого состояния, переживала все его последствия и, казалось не интересовалась ничем вокруг, хотя покорно исполняла все, чего от нее требовали, но при этом ничто и могло нарушить и прервать владевших ею беспрестанных размышлений о душевном состоянии, всю плачевность которого она понимала и из которого не видела выхода.

Как ни ушла мадам де Сегиран в себя, она старалась по возможности этого не обнаруживать и продолжала наряжаться, как всегда. Мсье де Сегиран очень любил видеть ее в красивых платьях и не отказывал ей ни в чем для того, чтобы они были восхитительны. Ему доставляло большое удовольствие, если она прогуливалась в саду или сидела дома одетой так, словно ей предстояло встретить или принять у себя многолюдное общество. Он не скупился для нее ни на красивые ткани, ни на уборы, ни на украшения, и, глядя на нее, ему было приятно думать, что все это она носит ради него одного и что эти миловидные или пышные наряды прикрывают тело, чьи сокровеннейшие тайны ведомы только ему. Это преисполняло его своего рода гордости, обострявшей его желания. Он был настолько убежден, что никто никогда не осмелится оспаривать у него обладание всеми этими прелестями, что не испытывал ни малейшей ревности, если все ими любовались. И он так тщательно укрывал мадам де Сегиран в глуши не для того, чтобы отдалить от нее людей, которые могли бы начать превозносить ее чары, а для того, чтобы с большим удобством и спокойствием наслаждаться ее красотой.

Таким образом, об этой красоте мадам де Сегиран по-прежнему заботилась, хотя в глубине души ее ненавидела, потому что была ею обязана телу, чью брэнную, плотскую и чувственную сущность она презирала. Если бы мадам де Сегиран повиновалась только собственному влечению, она подвергла бы это тело самым суровым лишениям и самым жестоким истязаниям. Во всяком случае, она перестала бы его холить и умащать и держала бы его в запущении и грязи, подобающих его низости. Разве оно не неизменно нечисто, это тело, тайно обитаемое грехом и обуреваемое его жалким пылом? И мадам де Сегиран с

отвращением взирала на себя при мысли, что в ее грешной плоти живет жажда запретных объятий, которым рады служить ее стан и плечи, ее бедра и руки, ее живот и груди, в то время как рот ждет поцелуя, ибо ничто не смогло погасить это родившееся в ней пламя сладострастия, сжигавшее ее своим греховным жаром.

Мсье де Ларсфиг, не раз встречавший мадам де Сегиран в ту пору, говорил мне, что красота ее пережила в то время странное превращение и стала непохожей на то, какой ее знали раньше. Лицо мадам де Сегиран утратило тот первоначальный цвет юности, которым природа так мило его украсила, как не сохранило и той сладостной полноты, которую одно время оно приобрело; на него легло выражение тревожное и мучительное, в котором оно как бы судорожно затвердело, оставаясь по-прежнему вполне прекрасным. Пламя ее глаз, уже не искрясь больше, горело темным и густым огнем; взволнованно-серьезный рот перестал улыбаться и был отмечен горестной и задумчивой складкой. Подобно лицу, тело мадам де Сегиран также являло перемену. Все такое же гибкое и стройное в своей худобе, оно, несмотря на благородство осанки и сдержанность жестов, дышало какой-то бессознательной чувственностью, сказывавшейся в некоторых его движениях.

Эта перемена в красоте мадам де Сегиран, не ускользнувшая от любопытных взоров мсье де Ларсфига, живейшим образом поразила мсье де Ла Пэжоди, когда, вернувшись из своего цыганского разезда, он встретился с мадам де Сегиран у ее свекрови, которую она приехала навестить в Экс, где старая мадам де Сегиран стонала в своем кресле от нового приступа подагры. В тот день, чтобы развлечься, она послала за своим маленьким Ла Пэжоди и его флейтой. Мсье де Ла Пэжоди любезно явился на зов и смиренно сидел на табурете, извлекая нежнейшие звуки из сладкогласной трубки, когда вошла мадам де Сегиран.

На ней было богато расшитое и обложенное галуном платье, в вырезе которого виднелась немного уменьшившаяся, но все такая же бесподобная грудь. Ее обнаженные руки были отягчены кольцами, а в ушах сверкали тяжелые серьги; но что еще больше привлекло внимание мсье де Ла Пэжоди, так это лицо мадам де Сегиран. То не было ни лицо новобрачной, которое он видел в Париже у мадмуазель д'Амбинье и о котором сохранил довольно пренебрежительное воспоминание, ни то, с которым она ему являлась в тех разных случаях, когда они встречались впоследствии. Теперь мадам де Сегиран была совсем другой особой, на которую уже нельзя было смотреть с небрежным равнодушием или почтительным уважением, но во всех отношениях достойной того, чтобы ее созерцали с новым и даже страстным вниманием. А потому мсье де Ла Пэжоди, едва она вошла, положил флейту поперек колен, чтобы спокойнее любоваться этим неожиданным чудом, и не переставал глядеть. Мсье де Ла Пэжоди восхищался, как знаток, этой нервной ножкой в плотно облегающей ее узкой туфельке; он следил очертания ног, дерзко восходя к туловищу, чей очерк он угадывал сквозь одежду. Из этих мечтаний мсье де Ла Пэжоди строил выводы весьма лестные для мадам де Сегиран. У мадам де Сегиран были, наверное, гладкие колени, плотные бедра упругий живот, тонкая и стройная талия. Что же касается груди, то тем, что он мог различить, мсье де Ла Пэжоди был удовлетворен в высшей степени. Изящество рук с маленькой пястью его пленяло, но в особенности лицо приводило его в чувственный восторг. Мсье де Ла Пэжоди рассматривал отдельные его черты: лоб, щеки, тонкий и трепетный нос, рот с красивыми губами, но главным образом глаза с их синей тенью и взором пламенным и пристальным. И мсье де Ла Пэжоди не мог прийти в себя от изумления. Что такое случилось с мадам де Сегиран, что она стала так непохожа на самое себя и на то, какой он ее помнил, или, вернее, что такое было с ним самим, раз он только сейчас заметил, что мадам де Сегиран более, чем какая-либо иная женщина, создана для того, чтобы будить желания? Впрочем, мсье де Ла Пэжоди часто думал, и это было одним из его верований, что почти у каждой женщины есть час, когда она способна нас взволновать и сделаться для нас средоточием мира. Час мадам де Сегиран для него настал.

Эта мысль несколько вознаграждала мсье де Ла Пэжоди за то любовное пренебрежение, в котором он так долго держал мадам де Сегиран. Надо полагать, что или у него был ветер в

голове, раз он до сих пор не замечал, какого она заслуживает восхищения, или же она и в самом деле стала совсем непохожей на то, чем она казалась ему раньше. Как бы там ни было, надлежало наверстать потерянное время. Боги свидетели, пришла пора, чтобы этот рот откликнулся на его поцелуи, чтобы эти глаза взглянули на него с любовью, чтобы эти гибкие руки ответили на его объятия, чтобы все это угадываемое им тело принадлежало ему в своей живой наготе! И мсье де Ла Пэжоди радовался в душе тому, что со времени своего возвращения в Экс он медлил вступить в какую бы то ни было связь, так что мог свободно посвятить всю свою предприимчивость служению этой новой страсти. Здесь ничем не приходилось пренебрегать, ибо мсье де Ла Пэжоди не скрывал от себя трудностей такой победы и ожидавших его препятствий, не только со стороны самой мадам де Сегиран, но и во всем, что ее окружало. Да что! Ла Пэжоди не таков, чтобы смущаться подобными пустяками! Мадам де Сегиран как раз та любовница, которая ему нужна, и он дает себе слово держать ее нагой в своих объятиях, какой бы там она ни была набожной и безупречной и хотя бы ему пришлось для достижения цели спалить Кармейранский замок и похитить красавицу из пламени, идя на то, что потом его колесуют и четвертуют, как поджигателя, и к каким бы бедствиям это ни повело! Этот внезапный пыл так бурно волновал мсье де Ла Пэжоди, что флейта дрожала у него на коленях, а сам он был бы неспособен извлечь из нее ни звука. Немудрено, что он мало обращал внимания на то, что говорилось вокруг. Какое ему было дело до всего этого вздора: что старая мадам де Сегиран горько жалуется на подагру, что мсье де Сегиран задержан в Кармейране простудой, что кавалеру де Моморону лучше, что мсье Паламед д'Эскандо сделал себе белокурый парик, что мадам де Листома сошлась с мсье де Варданном, а мадам де Брегансон покинула мсье де Тарлери? Все это происходило для мсье де Ла Пэжоди в мире, в котором ему больше нечего было делать и единственным оправданием которого было то, что он сотворил небесное совершенство, именуемое мадам де Сегиран. Но как могло случиться, что она появилась в нем для того, чтобы стать женой этого простака Сегирана, который женился на ней единственно с целью нагрузить ее детьми, что, по счастью, ему не удалось, ибо было бы истинным преступлением обезобразить столь совершенное тело, навязав ему уродство беременности. Нет, тело мадам де Сегиран было создано не для того, чтобы рожать, а для того, чтобы быть страстно ласкаемым в самом своем тайном и служить наслаждению порядочных людей, из каковых, впрочем, ни один не казался мсье де Ла Пэжоди более порядочным, нежели он сам. В самом деле, не было ли в нем известных качеств, привлекающих и приковывающих внимание, раз мадам де Сегиран смотрела на него так, как сейчас? Мсье де Ла Пэжоди заметил, что она уже некоторое время не сводит с него глаз. Мало того, мсье де Ла Пэжоди улавливал на лице у мадам де Сегиран переменчивый румянец, свидетельствующий об известном душевном волнении.

И правда, мадам де Сегиран находила в мсье де Ла Пэжоди не меньшую перемену, нежели он видел в ней.

Конечно, новый Ла Пэжоди был похож на прежнего на того, которого мадам де Сегиран знавала в Париже, когда выходила замуж, и которым ей впоследствии прожужжали уши, рассказывая о его талантах, любовных делах и проделках. Оба они были одинакового роста и сложения, оба маленькие и сильные, крепкие и решительные, а между тем теперешний Ла Пэжоди, тот, на которого смотрели удивленные глаза мадам де Сегиран, казался ей совсем другим. Невозможно было не заметить его смелого и дерзкого облика. На его выразительном лице взгляд горел страшным огнем. Его смуглая кожа загорела, должно быть, пока он следовал по дорогам за этой цыганкой, и в нем появилось что-то необычайное и демоническое, чем он, казалось, гордился. В этом Ла Пэжоди чувствовалась как бы уверенность человека, который, безвозвратно погубив душу, целиком отдался телу и намерен пользоваться им исключительно для наслаждения. Все это так ясно читалось на лице мсье де Ла Пэжоди, что мадам де Сегиран потупила глаза, в то же время вздрогнув от странной мысли, такой быстрой, такой властной, такой острой, что она почувствовала себя как бы пронзенной ею до самой глубины, но которая, вместо того чтобы растерзать ее, наполнила ее вдруг великим миром.

Ибо мадам де Сегиран вдруг поняла, что ей даровано средство убить в себе присутствие греха, так жестоко мучившее ее несведущую и любопытную плоть, и что это средство – мсье де Ла Пэжоди. Нечестивец, богохульник, вольнодумец, разве мсье де Ла Пэжоди не проклят заранее и бесповоротно? Какой она может нанести ему вековечный ущерб, приобщая его к своему греху, деля его с ним, ища в нем случая изгнать этот грех отвращением, которое она, быть может, испытает, согрешив? Он будет не чем иным, как телесным орудием ее освобождения, прижиганием, приложенным к язве и исцеляющим остальное тело. Затем, отрешась от пятнающей ее нечистоты, она вновь обретет покинувшее ее спокойствие чувств, а мсье де Ла Пэжоди станет всего только безразличным отбросом части ее самой, от которой она отделается навсегда.

При этой мысли мадам де Сегиран овладело такое волнение, что она готова была упасть на колени, благодаря Бога за внушенное ей целение; но, заметив ее движение, мсье де Ла Пэжоди встал со своего табурета, и таким образом и мадам де Сегиран, и он очутились друг против друга, стоя, и их взгляды скрестили свои огни. Чего бы не дал мсье де Ларсфиг, чтобы видеть их в этот миг, когда их судьбы связались воедино, но свидетельницей этой сцены была лишь старая мадам де Сегиран, которая, занятая исключительно своей подагрой, натирала себе пальцы мазью, подаренной ей маркизом де Турвом и купленной им как раз у тех цыган, что стояли табором под городом и чьи тамбурины и пляски завлекли мсье де Ла Пэжоди и его флейту в хоровод, каковой вполне мог кончиться и шашлем, как о том распространяла молву эта сумасшедшая мадам де Галлеран-Варад. * * *

О своем намерении прибыть в Кармейранский замок кавалер де Моморон возвестил около середины января. После ряда осложнений, не раз грозивших ему опасностью, его рана понемногу зарубцевалась. Поначалу он настолько растравил ее небрежным уходом, что, казалось, надо будет прибегнуть к крайним мерам, и мсье де Моморону приходилось считаться с перспективой вернуться на свою галеру снабженным честной деревянной ногой. Разумеется, он гордо гремел бы ею по настилу своей кормовой рубки, ибо непостыдно стать хромым, одноруким или безногим на службе его величества; однако кавалер де Моморон предпочитал сохранить все четыре конечности, чтобы они послужили ему еще лучше прежнего, когда тому представится случай. И вот, начав с того, что рану свою он лечил небрежно и поступал в этом как ему вздумается, он, в конце концов, видя, что дело портится, принялся точнее следовать советам хирургов и исполнять их предписания, против каковых сперва восставал. Эта запоздалая послушливость уберегала его от худшего, но не избавила от долгих страданий. Наконец, он над ними восторжествовал и, хоть и не мог еще ходить свободно, был в состоянии пройти несколько шагов, опираясь на две палки и поддерживаемый под мышки своими турецкими невольниками, верным Али и верным Гассаном.

В таком-то виде ему и предстояло прибыть в скором времени в Кармейран, в обществе, само собой, неизменного Паламеда д'Эскандо, с которым он отнюдь не имел в виду разлучаться, благо отец, мсье д'Эскандо Урод, доверил его ему как на суше, так и на море, дабы он воспитал его прямым дворянином и дельным офицером. Мсье де Моморон скромно сознавался, что этой двойной цели он достиг не вполне. Правда, молодой Паламед д'Эскандо свыкся с морем и приобрел познания в мореходстве; кроме того, он хорошо держал себя перед лицом врага, но подчиняться дисциплине был склонен несравненно менее, нежели предписывать ее другим. На судне он был ленив и нерачителен и старался как можно меньше утруждать себя, всячески уклоняясь от работы и, будучи уличен в какой-либо вине, не стеснялся валить ее на других, выгораживая себя ложью, каковую полагал убедительной, и ужимками, каковые считал неотразимыми, настолько был уверен в своих прелестях хорошенького мальчика и в своих повадках щеголихи. В этом Паламед был неподражаем, равно как никто бы его не превзошел в умении наряжаться. Увидев его теперь, его отец, мсье д'Эскандо Урод, с трудом бы узнал в этом выхоленном, расчесанном, надушенном и расфранченном красавчике краснощекого и непоседливого сорванца, которого он вручал

мсье де Моморону. И все же, несмотря на все свое ломание и жеманство, Паламед на сто верст отдавал дворянством, и мсье де Моморон вполне с этим соглашался. Такой, как он был, Паламед делал ему честь, и похвалы, которые он слышал отовсюду этому красивому личику, радовали ему сердце.

Эту радость выдавал у кавалера де Моморона кончик уха, по которому видно было, что мсье Паламед д'Эскандо ему как-то слишком особенно и странно мил и что ходящие об этой привязанности слухи не лишены основания; но где ухо мсье де Моморона высовывалось целиком, так это когда ему становилось ведомо, что уши его любезного Паламеда склоняются к известного рода речам, вызывавшим в мсье де Момороне неистовую ревность. И действительно, с его Паламедом нельзя было беседовать слишком близко, ибо тогда он впадал подлинную ярость, теряя всякое чувство приличия и позволяя себе самое непристойное обращение с тем, кто дерзновенно пытался сманить из овчарни, где он, Моморон, изображал бесстыдного козла, эту своенравную и ветреную овечку.

Из-за этой обнаруживаемой юным Паламедом готовности слушать всякий вздор мсье де Моморону довелось немало претерпеть, томясь на одре болезни и не будучи в состоянии нести бдительную стражу, причем к этим мучениям присоединились еще новые. Мсье Паламед д'Эскандо, выказывавший дотоле полное равнодушие к женщинам, словно вдруг заметил, что они не совсем то, чем их ему живописал кавалер де Моморон, увещевая его вести себя с ними так, как если бы то были всего лишь призрачные и пустые тени, недостойные внимания дворянина, имеющего честь служить на королевских галерах и пользоваться покровительством и дружбой такого лица, как кавалер де Моморон. Последнее время мсье Паламед д'Эскандо рассеяно внимал этим мудрым словам и, казалось, дулся на благие советы; Он, по-видимому, находил, что женщины не так уж безобразны лицом и телом и стоят того, чтобы на них смотреть, и что у них с ним есть даже некоторые стороны, которые было бы не лишено приятности сопоставить ближе. Раз даже мсье Паламед д'Эскандо вознамерился это сделать, и мсье де Моморон ясно видел со своего страдальческого ложа, как тот щупал грудь молоденькой служанки, которую мсье де Турв приставил смотреть за бельем кавалера и которую тот на следующий же день прогнал, заявив, что ее присутствие его раздражает.

Эти поползновения мсье Паламеда д'Эскандо, освободиться от момороновской опеки не могли не способствовать решению кавалера ускорить отъезд в Кармейран, хотя он все еще страдал от раны и был уверен, что погибнет от скуки в этом замке, вдали от моря и не имея иного общества, кроме брата и невестки; но, по крайней мере, там, пока он сам не станет окончательно на ноги, мсье Паламед д'Эскандо был бы огражден от соблазнов. Во всяком случае, он не пал бы их жертвой, ибо мсье де Моморон не думал, что его благочестивая и строгая невестка могла ответить на желанья, которые, быть может, возбудила бы, и надежды мсье Паламеда д'Эскандо, буде в нем таковые возникли бы, потерпели бы возле нее неудачу. К тому же, в Кармейране мсье де Моморон имел в виду наставить на правый путь слишком независимого Паламеда. А потому он решил ехать туда прямо, задержавшись в Эксе ровно настолько, чтобы успеть засвидетельствовать почтение матушке. Услышав это, старая мадам де Сегиран была очень недовольна, но мсье де Моморон воспротивился ее настояниям, заявив, что не желает показываться обществу, бывающему у нее в доме, в хромоногом виде. На самом деле мсье де Моморон следовал иного рода побуждению. Он достаточно хорошо знал эксских дам, чтобы не сомневаться, что молодой и пылкий Паламед станет предметом их любовных затей, а это плохо уживалось с его ревностью. И потому ничто не могло заставить его отступить от намерения провести с матерью всего лишь столько времени, сколько требовалось на то, чтобы задать овса лошадям.

При вести о скором прибытии кавалера де Моморона мсье де Сегиран поморщился, хотя он сам его пригласил, когда ездил встречать его к приходу галер. Теперь же, когда срок настал, мсье де Сегиран начал видеть все неудобства от пребывания мсье де Моморона в Кармейране, из коих не последним было самое его присутствие. Мсье де Сегиран не питал к

своему брату того чувства дружбы, когда сердце расточается в бесконечных беседах, с мсье де Момороном у них было мало общих предметов для разговора. Речи мсье де Моморона касались почти исключительно галер, на которых он имел честь служить. Здесь мсье де Моморон был неистощим, и мсье де Сегиран знал заранее, что надо быть готовым слушать до бесчувствия о качествах шиурмы, о ее дисциплине и питании, о налагаемых на нее взысканиях и о требуемых от нее работах, о достоинствах аргузинов и комитов, о гребцах и конопатчиках, – ибо мсье де Моморон спуску не даст; он будет таскать его от командного мостика и нактоуза, где помещается компас, к форкастелю, иначе носовой башне. Он не пропустит ни констапельской, ни погреба, где держат сухую провизию, ни ахтер-люка, где хранят провизию мокрую; он будет водить его вдоль куршей, то есть по дощатому настилу, идущему от одного конца галеры до другого, и мсье де Сегирану придется стоять на шканцах, в то время как мсье де Моморон будет говорить о баке, о гребле навалясь, об упорках, о рукоятках и о прочем морскими терминами, коими он любит расцвечивать свою речь. Так, мсье де Сегиран узнает, что «выбрать дагликс» – значит поднять якорь и что «удиферентованная» галера – это такая, на которой правильно распределен груз. Затем мсье де Моморон перейдет к описанию крейсерств, захватов, сражений и иных мореходных подвигов и будет требовать, чтобы к ним относились с таким же интересом, как и он сам. Такое предвкушение не очень радовало мсье де Сегирана, а перспектива видеть у себя на побывке красавца Паламеда д'Эскандо не прибавляла к этому ничего утешительного. Дело в том, что мсье де Сегиран не был в неведении относительно того, что рассказывалось об этом юноше и о его роли при кавалере де Момороне; а потому он побаивался водворения у себя в доме этой сомнительной четы, страхась, как бы она не стала вести себя иначе, нежели свойственно порядочным людям, и как бы ее повадки не явились оскорбительными для глаз и ушей. От кавалера де Моморона всего можно было ожидать, ибо язык его не знал удержу, и эту вольность речи, наверное, перенял от него и мсье Паламед д'Эскандо, которого он не постеснялся развратить, преподав ему свои нравы. Правда, мсье де Сегиран был строг лишь с самим собой, но все же не мог одобрить такого рода привычек и был весьма недоволен мсье де Момороном за то, что тот привил их этому мальчику, злоупотребив его молодостью и неопытностью. Этого ли ожидал мсье д'Эскандо Урод, поручая сына попечению кавалера? Мсье де Сегиран считал такой образ действий предосудительным по отношению к себе. Разве он не был связан с Эскандо узами свойства через одну из представительниц их рода? А потому он намеревался сделать серьезное внушение брату и объяснить ему, какой он причиняет вред юному Паламеду, вовлекая его в секту, чьи приверженцы по заслугам пользуются нехорошей славой. Правда, мсье де Сегиран не питал особой нежности к этому бесстыдному юнцу, которого видал только в Кармейране, после смерти своей первой жены, но он поневоле думал о том, как ему было бы неприятно, если бы что-либо подобное когда-нибудь случилось с одним из сыновей, которых ему, несомненно, подарит в свое время его теперешняя жена, сколь ни медлит она обеспечить роду Сегиранов потомство, о чем, впрочем, господь не преминет позаботиться.

Именно этой медленностью мсье де Сегиран иной раз и объяснял выказываемую мадам де Сегиран меланхолию, которую, казалось, ничто не могло разогнать. Не возлагая в этом отношении особых надежд на приезд мсье де Моморона, мсье де Сегиран рассчитывал все же, что присутствие гостей поможет несколько ее рассеять. Конечно, мадам де Сегиран не доставят большого удовольствия галерные рассказы кавалера, но, так как с его прибытием на нее лягут некоторые обязанности, у нее будет меньше времени предаваться собственным мыслям. Мсье де Моморон будет для нее развлечением поневоле. Вдобавок, мсье де Моморон сойдется с ней в вопросах веры, ибо его непотребство не мешает ему быть по-своему набожным и в своем грехе он не нераскаян. И с такими утешительными мыслями мсье де Сегиран стал мужественно ждать прибытия мсье де Моморона с его Эскандо.

Оно состоялось двенадцатого февраля, в четвертом часу, солнечным днем, коего ясность служила добрым предзнаменованием. Мсье де Моморон и мсье д'Эскандо приехали в карете, за которой следовал другой экипаж, нагруженный ящиками, и мсье де Сегиран безо всякого

удовольствия увидел, как оттуда вылезли двое турок в чалмах и восточной одежде, с невольничьим обручем у щиколотки, бросившихся помогать мсье де Моморону сойти, что тот и сделал со многими бранью и проклятиями, причем его палка неоднократно опускалась на спину верному Али и верному Гассану, ибо это их мсье де Моморон привез с собою в Кармейран, дабы эти два соглядатая следили вместо него за мсье Паламедом д'Эскандо и доносили ему о всех его поступках.

После того как состоялся обмен приветствиями и господа де Моморон и д'Эскандо засвидетельствовали свое почтение мадам де Сегиран, их провели в их покои, где их ждали привезенные ими сундуки и ящики. Содержимое таковых касалось, впрочем, не столько мсье де Моморона, относившегося к своей наружности довольно небрежно, сколько мсье Паламеда д'Эскандо, о своей внешности весьма заботившегося. Мсье Паламед д'Эскандо таскал с собой целый гардероб и целый склад притираний, мазей и духов, не считая нескольких женских платьев, в каковые любил облекаться к великой радости мсье де Моморона, обожавшего такие переодевания, по странному противоречию, в силу которого ему нравилось, когда этот ряженный юноша приобретал видимость презренной для мсье де Моморона породы. Однако в первые дни поведение Паламеда было безупречно. Он усиленно старался ничем не досаждать мсье де Сегирану и был почтительно услужлив с мадам де Сегиран. Он позволил себе разве что чуточку румян на щеках и на губах и, может быть, слишком много колец на выхоленных пальцах, которыми любил гладить мушку, посаженную в уголке рта для того, чтобы придать улыбке больше лукавства и остроты. В остальном же он вел себя прямым дворянином, был учтив, сдержан и скромно уступал слово кавалеру де Моморону. Тот воспользовался этим прежде всего для того, чтобы потребовать некоторых удобств, из коих главнейшим было кресло на колесах, в котором он мог бы кататься по саду, когда устанет ходить с палками, ибо его больная нога не позволяла ему еще много двигаться. Это увечье огорчало его тем более, что он терпеть не мог сидеть в комнатах, где, по его словам, он задыхался, чувствуя себя хорошо только на вольном воздухе, хоть и находил, что кармейранскому воздуху недостает соленого запаха, который вдыхаешь на морском ветру. Однако приходилось им довольствоваться, и можно было видеть, как мсье де Моморон целыми часами, при любой погоде, шагает, хромя, по аллеям или как его по ним катают Али и Гассан, в то время как мсье Паламед д'Эскандо, сидя на низеньком стуле у камина, забавляет мадам де Сегиран своей поразительной ловкостью в рукоделии, каковое, будь-то вязание или вышивание, в большой чести у каторжан, занимающихся им зимой, когда галеры разоружены, и проявляющих в нем подчас немалое искусство.

По правде сказать, мсье Паламед д'Эскандо научился у этих добрых людей не только таким невинным работам; он усвоил от них и многое другое, ибо шиурма состоит из людей всевозможных профессий. Благодаря им мсье Паламед д'Эскандо знал всякого рода хитрости и фокусы; он умел вынуть из чужого кармана часы или кошелек так, чтобы обладатель не заметил, что его грабят; умел открывать двери без помощи ключа, бесшумно взламывать замки, писать чьим угодно почерком, подделывать подписи и исполнять еще кое-какие милые вещи, способные вызвать некоторое смущение и приведшие тех, кто его им научил, туда, где они были, но это не мешало мсье Паламеду д'Эскандо гордиться своими талантами, и он любил хвастать ими перед мадам де Сегиран, которая рассеянно взирала на эти опыты, ибо, пока мсье д'Эскандо в них изощрялся, ее думы были заняты другим и мысли пристально следили за внутренней тревогой.

Образ мсье де Ла Пэжоди занимал в них большое место. Со времени их встречи мадам де Сегиран продолжала видеть в нем того, кто мог положить конец терзавшей ее муке. Он казался ей чем-то вроде спасителя, посланного провидением. Не сам ли Бог поставил его на ее пути, чтобы он избавил ее от греха, показав ей всю малость самых пламенных плотских желаний и все ничтожество того, что от них остается после их свершения? А потому мадам де Сегиран не сомневалась, что Господь, указавший ей в своем милосердии как бы орудие исцеления, пошлет ей случай таковое применить. Как ни была она взволнована внезапным

откровением, вызванным в ней присутствием мсье де Ла Пэжоди, она не могла не заметить, какое она на него произвела впечатление, и ей начинало казаться странным, как это такой смелый в любви человек до сих пор ничего не сделал для того, чтобы найти случай ей открыться. Неужели мсье де Ла Пэжоди не способен придумать какую-нибудь хитрость, чтобы с ней встретиться? Неужели он, этот опытный разгадчик женщин, не сумел прочесть в ее глазах их страстного зова к нему? Так откуда же это нежелание на него откликнуться?

Думая так, мадам де Сегиран напрасно обвинила мсье де Ла Пэжоди. С самой их встречи он все время искал способа проникнуть в Кармейран, но, как назло, его ум, всегда такой деятельный и находчивый, ничего на этот раз не мог изобрести. Перебрав в голове тысячу проектов, мсье де Ла Пэжоди ни на одном из них не мог остановиться. Он, обычно такой решительный, колебался и топтался на месте. Стоило ему придумать план, как он тут же убеждался в его неосуществимости, и эти неудачи очень его расстраивали. Мсье де Ла Пэжоди сам себя не узнавал.

Мсье де Ларсфиг, рассказывая мне об этой нерешительности мсье де Ла Пэжоди, давал ей объяснение, которое я должен здесь привести. Не предостерегал ли мсье де Ла Пэжоди тайный инстинкт против угрожавших ему опасностей? Не вспомнилось ли ему странное предсказание ворожеи барона де Ганневаля? Быть может, его смущало какое-нибудь гадание молодой цыганки, ибо известно, что эти девушки искусны в распознавании будущего? Или у Ла Пэжоди было одно из тех предчувствий, которые возникают в нас из темных глубин души? Как бы то ни было, он колебался и метался, постигнутый странной скудостью воображения. Он даже забросил флейту и никуда не выходил из турвовского дома. И мадам де Галлеран-Варад, по-прежнему изыскивавшая всяческие способы ему вредить, распространяла слух, будто темные дела, которым предавался мсье де Ла Пэжоди и которые покорили его дьяволу, начинают сказываться: если мсье де Ла Пэжоди сидит смирно, так это потому, что у него на лбу растут рога, а на ногах козлиные копыта, как часто бывает с теми, кто принимал участие в сатанинских мерзостях шабаша. Дело обстояло так, как мы сказали, и время шло, не приводя к соединению мадам де Сегиран и мсье де Ла Пэжоди, как вдруг устроить это взялся случай. Стоял конец марта, и начались сильные дожди. Несколько дней кряду вода лила потоками, не переставая. Эта непогода очень злила кавалера де Моморона, лишая его излюбленных прогулок и беспокоя его не вполне еще зажившую рану. Принужденный сидеть взаперти и довольно жестоко страдая, мсье де Моморон выказывал отвратительное расположение духа, тем более что мсье Паламед д'Эскандо, по-видимому, отнюдь не разделял его ярости против стихии. Действительно, мсье Паламед д'Эскандо казался совершенно счастлив и ничего не желал, как только проводить долгие часы в обществе мадам де Сегиран. Оно ему так непритворно нравилось, что мсье де Моморон был возмущен. Внимание, уделяемое мсье Паламедом д'Эскандо мадам де Сегиран, он принимал как личное оскорбление. Надо же было, чтобы этот маленький Паламед вздумал разыгрывать влюбленного, ибо он и в самом деле был влюблен, это было слишком ясно видно по тому, как говорил, как краснел и как смущался этот неопытный дыхатель. Это бросалось в глаза, и мсье де Моморон был вне себя. Стоило запирать Паламеда в этом уединенном замке с несносным господином и богомольной дамой, чтобы в его сердце проснулась столь возмутительная склонность! Не то, чтобы мсье де Моморон боялся, что Паламед чего-нибудь добьется от прекрасной хозяйки, но, как-никак, его питомец привыкал в ее обществе поклоняться тому, что отнюдь не входило в намерения мсье де Моморона. Молодой плут был явно расположен покинуть секту, и ревность мсье де Моморона терзала неистово. А потому юному Паламеду приходилось сносить жестокие упреки и суровые поношения, которым он внимал потупив очи и с ханжеским видом, уверяя, что мадам де Сегиран не внушает ему никаких иных чувств, кроме глубочайшего уважения; но едва мсье де Моморон кончал свои обличения, как ветреный юноша снова пускался строить глазки, томиться и вздыхать, о чем мсье де Моморон, в своей ярости, счел даже нужным сострадательно предупредить своего брата Сегирана. На что мсье де Сегиран, вместо ответа, разразился хохотом.

Потерпев неудачу, раздосадованный кавалер де Моморон снова принялся, ворча, за свои галеры и за относящиеся к ним рассказы.

Чем он особенно гордился на «Отважной», так это не столько даже образцовой дисциплиной шиурмы и разумной свирепостью комитов, сколько труппой музыкантов, которую на ней держал. Он любил хвастаться роскошью их одежды и гармоничностью игры. Их присутствием на судне мсье де Моморон весьма кичился. Не было дня, чтобы он не велел им исполнить какую-нибудь пьесу по своему вкусу. Это, по его словам, давало ему отдых от командных свистков и воплей шиурмы, когда плеть ласкала чью-нибудь строптивую спину, что случалось нередко, если только у этих собак не был заткнут пробкой рот. И мсье де Моморон очень жалел, что за неимением денег ему пришлось расчитать музыкантов и что он не мог взять их с собой в Кармейран. Конечно, мсье де Моморон пользуется здесь гостеприимством, которым может быть только счастлив, но которое, надо сознаться, все же бедновато увеселениями. А есть ли более приятное, нежели музыка, но с тех пор, как он в Кармейране, мсье де Моморон ни разу не слышал ни единой ноты.

Эти жалобы мсье де Моморона возымели то последствие, что мсье де Сегиран, озаренный внезапной мыслью, немедленно отправился к мадам де Сегиран, занятой обучением искусного Паламеда новому приему вышивания, чтобы спросить у нее, не найдет ли она неудобным, если они призовут на подмогу мсье де Ла Пэжоди и его флейту. Мсье де Ла Пэжоди, наверное, не отказался бы провести несколько дней в Кармейране. При этом предложении мадам де Сегиран так побледнела, что юный Паламед подумал, что она упадет в обморок, и в то же время он заметил, как клубок, который она разматывала, задрожал у нее в руках; но она тотчас же оправилась и спокойным голосом ответила, что мсье де Ла Пэжоди и его флейта будут желанными гостями, ибо прежде всего кавалер ни в чем не должен чувствовать в Кармейране недостатка, даже в ариях и трелях. С этими словами она снова принялась разматывать шелк, меж тем как мсье Паламед д'Эскандо до крови кусал себе губы, коих он уже не красил с тех пор, как полюбил с неистовством и страстью своего истинного пола прекрасную благочестивицу, которая, сама того не ведая, обратила его к любви. * * *

Если присутствие мсье де Ла Пэжоди и его флейты очаровывало уши кавалера де Моморона, то оно было менее приятно для глаз мсье Паламеда д'Эскандо. И все же, сколь он ни был убежден в том, что мсье де Ла Пэжоди и мадам де Сегиран равнодушны друг к другу, ему не удавалось уловить ничего такого, что говорило бы о соглашении между ними или указывало на какую-нибудь связь. Вот уже несколько дней, как он неустанно наблюдал за ними исподтишка, но так и не мог приметить ни одного из тех признаков, которые свидетельствуют о любовном сговоре. Правда, мсье Паламед д'Эскандо не был силен в подобного рода интригах, но ему помогали в его роли природная хитрость и ненависть, которую он питал к предполагаемому сопернику. Несмотря на такие козыри, ему не удавалось разобраться в игре мсье де Ла Пэжоди и мадам де Сегиран по той простой причине, что они, по-видимому, никакой игры и не вели, и все же мсье Паламед д'Эскандо считал непреложным, что у них тайный союз. И он приходил в бешенство от своей беспомощности, внимая тому, как мсье де Ла Пэжоди изощряется в своих музыкальных талантах к великому удовольствию кавалера де Моморона, чье брюзгливое настроение сменилось превосходным. Теперь мсье де Моморону было все равно, если погода была пасмурна и шел дождь, и он заявлял во всеуслышание, что никогда не слышал ничего, подобного флейте мсье де Ла Пэжоди в смысле мягкости и силы дыхания, проворства пальцев, подбора и разнообразия мотивов, добавляя в шутку, что он дорого бы дал за то, чтобы иметь у себя на галере такого музыканта.

При подобных отзывах мсье де Сегиран выпрямлялся с гордостью, ибо теперь он гордился тем, что имеет другом мсье де Ла Пэжоди; мадам де Сегиран вторила этим похвалам, опуская глаза, а мсье де Ла Пэжоди скромно их принимал. Впрочем, скромность его не покидала, и в нем трудно было бы узнать того Ла Пэжоди который произвел такие

опустошения среди эксских дам и колесил по дорогам с молодой цыганкой. От него нельзя было даже услышать нечестивых выражений и речей, столь для него обычных и снискавших ему заслуженную славу вольнодумца. В Кармейране мсье де Ла Пэжоди был тих, уживчив, добродушен, так что мадам де Сегиран недоуменно спрашивала себя, неужели же это тот самый заживо осужденный, с которым она так неожиданно и дерзко пожелала испытать обитающий в ней грех в уверенности, что она ничем не отягчит и без того уже неминуемого проклятия.

И действительно, мадам де Сегиран тверже, чем когда-либо, решила избавиться от мучительного плотского любопытства, которое ее терзало и жгло своим угрюмым и знойным пламенем. Она была все более и более уверена, что ее грех иссохнет в ней на своем же собственном огне и что его охладевший пепел развеется ветром забвения. Но неужели мсье де Ла Пэжоди уклонится от того, чего она от него ждет? Что это за странное поведение и что значит эта сдержанность? Наверное, это всего лишь ложная видимость, и скоро мсье де Ла Пэжоди вернется к своей истинной природе, требующей, чтобы женщины отдавали свое тело его наслаждению. Как и с другими, мсье де Ла Пэжоди придет к этому и с нею, и мадам де Сегиран ждала этого мига с мучительным и мрачным нетерпением. Конечно, решившись на задуманное испытание, мадам де Сегиран пошла бы и сама навстречу намерениям мсье де Ла Пэжоди, ибо в том состоянии, в каком она находилась, она не побоялась бы никакого стыда; но и не будчи опытной в делах любви, она все же знала, что мужчины не любят слишком открытых призывов и предпочитают добиваться благосклонности, а не получать ее в подарок. А потому она считала, что ее всем известные стыдливость, добродетель и благочестие скорее подвигнут мсье де Ла Пэжоди покуситься на нее, чем ежели бы она сама первая предложила ему то, чего он от нее хочет. Такого расчета мадам де Сегиран и придерживалась, надеясь, что случай, приведший мсье де Ла Пэжоди в Кармейран, и тут постарается, чтобы помочь ей пасть в его объятия. Между тем дни проходили в разговорах и в игре на флейте, а мсье де Ла Пэжоди не переставал относиться к мадам де Сегиран с почтительностью, начинавшей ее беспокоить. Ее тайная досада на такое поведение не укрылась от бдительных глаз мсье Паламеда д'Эскандо, и он счел позволительным воспользоваться этим случаем, чтобы открыться в своей страсти. Прежде, нежели отважиться на это, мсье Паламед д'Эскандо несколько раз вопрошал зеркало. Он старался придать своему лицу дерзкую и трогательную прелесть. В сущности, мсье Паламед д'Эскандо не сомневался в успехе. Он был высокого мнения о своей наружности, в особенности если сравнивал ее с внешностью мсье де Ла Пэжоди. Насколько мсье де Ла Пэжоди был коренаст и крепок, настолько же прекрасный Паламед был высок и строен. Свежесть его кожи затмевала смуглый цвет соперника, которого мсье д'Эскандо заранее считал несчастливым. К тому же, мсье де Ла Пэжоди не шел с ним в сравнение в смысле изящества и роскоши нарядов, и ни одна женщина не решилась бы поставить в ряд скромного дворянчика не у дел и блестящего офицера галерного флота, Ла Пэжоди и Эскандо, в особенности когда этого Эскандо зовут Паламедом, именем звучным и созданным для любви.

Таким образом, мсье Паламеду д'Эскандо оставалось только найти благоприятный миг, чтобы действовать. Ему показалось, что он его нашел во время прогулки, которую предложил совершить в саду, пользуясь ясной погодой, мсье де Моморон. Мсье де Ла Пэжоди и мсье де Сегиран от нее воздержались, а спустя некоторое время и кавалер, почувствовав, что нога его не слушается, велел Али и Гассану отвезти себя обратно в замок. Мадам де Сегиран выразила желание пройти до грота, соорудившегося в одном из дальних садовых боскетов, и мсье Паламед д'Эскандо взялся проводить ее туда. Этот грот показался мсье Паламеду д'Эскандо местом, особенно благоприятствующим его признанию ибо он читал в романах, что дамы охотно избирают такого рода уголки, чтобы слушать воркование своих возлюбленных. А потому, едва мадам де Сегиран вошла в пещеру, как прекрасный Паламед очутился у ее ног. Но, невзирая на свою отвагу, мсье Паламед был изрядно взволнован, настолько, что, вместо того чтобы начать красивую речь, которая была готова у него в голове и слов которой он не мог припомнить, он ограничился тем, что, как истый моряк, попытался взять мадам де

Сегиран на абордаж и коснулся ее смелой рукой, меж тем как его рот неожиданно приник к губам прекрасной богомолки; но он не настолько плотно к нему прильнул, чтобы не услышать самый озадачивающий и самый презрительный смех, какой себе только можно представить, сопровождаемый толчком, лишившим его равновесия и опрокинувшим его в лужу, откуда он встал, перепачканный и грязный, лишь для того, чтобы увидеть, как мадам де Сегиран удаляется быстрыми шагами. Раздосадованный, пристыженный и взбешенный, мсье Паламед д'Эскандо, не смея никуда показаться в таком виде, должен был дожидаться сумерек, чтобы вернуться в замок, почиститься и переодеться. Когда он вышел из своей комнаты, он нашел всех в сборе вокруг мсье де Ла Пэжоди. Мсье де Ла Пэжоди, с флейтой в футляре, прощался с хозяевами, будучи вызван в Экс по непредвиденному делу, о котором он не распространялся, и уезжал, невзирая на сожаления и сетования мсье де Моморона. Мсье де Моморон приходил в отчаяние при мысли, что замок уже не будет оглашаться звуками флейты мсье де Ла Пэжоди, и снова сокрушался, что мсье де Ла Пэжоди дворянин, а не музыкант на его галере, в каком случае он сумел бы помешать ему расстраивать компанию, ибо хорошая цепь и хороший обруч удержали бы его при исполнении долга. Но карета, которой предстояло отвезти мсье де Ла Пэжоди в Экс, была подана, и его пришлось отпустить. Вечер, последовавший за отъездом мсье де Ла Пэжоди, был уныл. Кавалер де Моморон утешал свое разочарование жестокими рассказами о палочной расправе, многословно поясняя подробности этой операции, принадлежащей к числу тех, которыми лучше всего поддерживается дисциплина среди шиурмы. Он досконально описывал, в чем она состоит и к чему приводит, а именно иной раз к смерти наказуемого, как ни стараются промывать ему раны уксусом и присыпать их крупной солью. Верный Али и верный Гассан отличались умением орудовать палкой, и это было одной из причин, почему мсье де Моморон так ценил этих турецких невольников. Мсье Паламед д'Эскандо рассеянно слушал рассказы мсье де Моморона и, совсем еще сконфуженный своим приключением в гроте, не смея взглянуть мадам де Сегиран в лицо, неприязненно взирал на мсье де Сегирана, имевшего довольно хмурый вид, ибо приближалось время сна и ему предстояло вернуться на свое одинокое ложе; действительно, с некоторых пор, под предлогом нездоровья, мадам де Сегиран возбранила ему доступ в свою комнату и все, что с этим связано. Мсье же де Сегиран был весьма удручен необходимостью такого воздержания, которое было ему отнюдь не по душе и снова отдаляло счастливый день, когда он должен был изобличить лживость непристойных инсинуаций мсье д'Эскандо Маленького и доказать правоту поощрительных уверений знаменитого мсье Дагрене. Что же касается мадам де Сегиран, то она хранила угрюмое молчание и старалась объяснить себе непонятную сдержанность мсье де Ла Пэжоди и его отъезд. Мадам де Сегиран продолжала эти размышления и тогда, когда, отпустив служанок и замкнув дверь на задвижку, собиралась лечь спать. Ее комната была расположена во втором этаже замка и сообщалась с главной лестницей. Она была просторна и выходила тремя высокими окнами на красивый балкон с украшенной резными вазами балюстрадой, откуда открывался вид на сад. В этот вечер в окна стучал дождь, и мадам де Сегиран думала о том, что завтра будет скучный день, потому что мсье де Моморон не в духе и нет мсье де Ла Пэжоди. Так она раздумывала довольно долгое время, как вдруг ей послышался необычный шум, словно кто-то шагнул по балкону, но она не успела закончить свою мысль. Окно внезапно отворилось, и она увидела мужскую фигуру, скользнувшую в комнату и остановившуюся перед ней. Мадам де Сегиран не была труслива, а потому даже не вскрикнула, да к тому же, прежде чем она собралась позвать на помощь, чья-то ладонь закрыла ей рот, в то время как сильная рука приподнимала ее от полу, а ее глаза узнавали совсем близко от ее лица мокрое лицо мсье де Ла Пэжоди, который стремительно, неистово и молча нес ее к кровати с полуоткиннутым одеялом, куда они упали вдвоем, обнявшись так крепко и так тесно, что казались единым телом. Мсье де Ла Пэжоди, сведущему, по природе и по опыту, во всех видах любви и во всех приемах, коими любовник покоряет своей страсти и своей воле, особенно удавались такие внезапные захваты женщин, то упраздняющие все их колебания, все их сомнения и весь их стыд, то утоляющие их ожидания и вторящие пламенному зову их тела и обладающие тем преимуществом, как довольно забавно говорил мсье де Ларсфиг, что слова они заменяют действиями и делают излишними всякие

предисловия в области ухаживания и изъявления чувств, к чему большинство дам совсем не так уж привержено, как они считают необходимым делать вид. * * *

Почти каждую ночь мсье де Ла Пэжоди бывал у мадам де Сегиран. Проведя день в обычных занятиях, мсье де Ла Пэжоди к заходу солнца возвращался в турвовский дом. Свое затворничество он объяснял тем, что в определенный час его начинает лихорадить, и, придя к себе в комнату, ложился показным образом в постель и делал вид, будто засыпает, предварительно велел ни в коем случае его не беспокоить. С наступлением ночи он вставал, накидывал грубый плащ, надевал простой парик и широкополую шляпу и выбирался из дому задним ходом. Выйдя на улицу, он направлялся к уединенно стоящему дому, где его ждал добрый конь, которого для него держал наготове бывший слуга мсье де Турва, по имени Пеламург, коему он в свое время оказал услугу, не выдав мошенника, когда тот облегчил на несколько экю хозяйский кошелек. От мсье де Турва за такую кражу могло бы не поздоровиться, ибо с челядью он шутить не любил. Мсье де Ла Пэжоди уладил это дело, за что Пеламург и питал к нему неизменную признательность. Итак, вскочив в седло, мсье де Ла Пэжоди пускался напрямик в Кармейран. Никто не мог бы узнать его в таком одеянии, и он благополучно достигал замкового сада. Он без труда проникал туда и привязывал коня в том самом гроте, который оказался таким злополучным для мсье Паламеда д'Эскандо. Оттуда он мог видеть, сам оставаясь незамеченным, окрестности и фасад замка. Когда становилось достаточно поздно и гасли огни, мсье де Ла Пэжоди осторожно прокрадывался от своего убежища к балкону, на который выходили окна мадам де Сегиран и взобраться на который ему ничего не стоило. Перешагнув через балюстраду, мсье де Ла Пэжоди попадал в самую крепость, то есть в объятия своей возлюбленной.

Такая таинственность, надо сознаться, была довольно новой для мсье де Ла Пэжоди, и усвоил он ее, когда убедился, гостя в Кармейране, что за мадам де Сегиран следят ревнивые глаза. Разумеется, к числу тех, кого ему следовало опасаться, мсье де Ла Пэжоди не относил добрейшего мсье де Сегирана. С этой стороны ничто не угрожало, ибо как за свою жену, так и за самого себя мсье де Сегиран был вполне спокоен. Добродетель мадам де Сегиран он считал неприступной и полагал, что никто не мог бы быть настолько отважен и дерзок, чтобы на нее покуситься, равно как ни у кого не хватило бы бесстыдства посягнуть на честь столь, по его мнению, важной особы, как он. Что мужей обманывают, это мсье де Сегиран находил весьма естественным, и когда его мать рассказывала ему о супружеских невзгодах его эксских знакомых, он не выказывал ни малейшего удивления. Но чтобы нечто подобное могло случиться с ним, об этом он не мог и помыслить! Разве он не безупречный муж, не только своей образцовой верностью, но также и своим неукоснительным рвением? Разве не признала сама мадам де Сегиран силы его темперамента, попросив его несколько умерить таковой? Конечно, это воздержание, на которое ему пришлось согласиться, погружало мсье де Сегирана в некоторую меланхолию, но зато он черпал в нем известное основание для гордости. Если женщина просит таким образом как бы пощады, это значит, что она имеет дело не с какой-нибудь дохлятиной, и тем самым она выдает удостоверение в любовной годности, на которое вполне можно положиться. Кроме того, чтобы окончательно себя успокоить, мсье де Сегиран принимал в расчет, что его брак с мадмуазель Мадленой д'Амбинье был совершен не в общем порядке и уже в силу этого застрахован от обычных случайностей. О нем пеклась рука Всевышнего, и мсье Сегиран надеялся, что она и впредь будет проявлять себя в их супружестве и, в конце концов, приведет его к цели, каковая состоит в даровании потомства славному роду.

Правда, в этом отношении промысел немного медлил, но мсье де Сегиран не сомневался, что рано или поздно увидит совершение своих чаяний, а пока и сам переводил дух и давал передохнуть скакуну.

Но если с мсье де Сегираном можно было и не считаться, то иначе обстояло дело с мсье де Момороном и мсье Паламедом д'Эскандо. Мсье де Моморон, разглагольствуя о своих галерах и слушая флейту, все время следил за невесткой, подстерегая малейший знак

благоволения, который мог бы относиться к мсье Паламеду д'Эскандо, чья томность и повадки влюбленного приводили ревнивца в отчаяние. Мсье де Моморон отнюдь не желал, чтобы прекрасный пол похитил его Паламеда. Он обучил его нежной науке не для того, чтобы этим воспользовалась женщина. А потому он был на страже, меж тем как Паламед сторожил мсье де Ла Пэжоди, в котором почуял возможного и заранее ненавистного соперника. Мсье де Ла Пэжоди, как только приехал в Кармейран, вполне ясно увидел сеть, окружавшую прекрасную мадам де Сегиран. И он решил ничего не предпринимать наобум и действовать осмотрительно. Отсюда усвоенное им поведение и молчание, которое он на себя наложил, готовый нарушить его по-своему и в свое время, когда ему удастся усыпить недоверие слишком внимательного Паламеда. Надо сказать, что такая сдержанность отнюдь не входила в привычки мсье де Ла Пэжоди, и для того, чтобы он принудил себя к ней, нужны были веские причины. Заботясь о том, как бы не скомпрометировать мадам де Сегиран, он обнаруживал нечто для него новое. Обыкновенно он не очень-то берег доброе имя женщины и мало о нем помышлял, если мог прославиться ценою их бесчестия или просто вкусить наслаждение. Но где-то в глубине души мсье де Ла Пэжоди чувствовал, что с мадам де Сегиран ему нельзя вести себя, как со всеми.

А между тем он бы это мог, тем более что был уверен в успехе. Несмотря на свои многочисленные любовные удачи, мсье де Ла Пэжоди несколько не был фатом и вовсе не считал себя неотразимым. Он вполне допускал, что женщина может ему и не уступить, и откровенно говорил, что с ними ему чаще всего помогал случай. Однако о мадам де Сегиран он думал совершенно иначе. Их встреча в Эксе внушила ему внезапную, но несокрушимую уверенность, что мадам де Сегиран будет принадлежать ему, стоит ему захотеть. Дело было решено между ними единым взаимным взглядом. Мсье де Ла Пэжоди считал, что есть приметы, которые его не обманывают. И все же, несмотря на такую уверенность, мсье де Ла Пэжоди испытывал странное чувство. Он, который бросался в любые, самые смелые приключения, всегда с мужественной отвагой, на этот раз испытывал тайный страх; ему казалось, что здесь он как-то больше отдает себя, чем во всех других случаях, и ему чудилась какая-то скрытая опасность. Его удивляло, что красота мадам де Сегиран, долгое время оставлявшая его равнодушным, открылась ему с какой-то необъяснимой внезапностью. И разве не менее странно было то, что столь набожная и добродетельная особа, как мадам де Сегиран, остановила свое внимание на таком нечестивце, как он, которого она должна была бы в ужасе сторониться? Все это окружало мадам де Сегиран некою тайной, которая не могла не внушать тревоги. Конечно, мсье де Ла Пэжоди был не такой человек, чтобы смущаться подобного рода предзнаменованиями, ибо его страсть, хоть она и родилась внезапно, была от того не менее сильна и вожделение подстрекало его своими острыми шипами; но для того, чтобы достигнуть цели, он счел нужным застраховать свою игру от возможности какой бы то ни было огласки. А между тем, в любви мсье де Ла Пэжоди был не охотник скрытничать, и некоторый скандал ему нравился; но на этот раз он совершенно не желал подымать шум, главной жертвой которого оказалась бы мадам де Сегиран. А потому он всячески старался, прежде всего, усыпить подозрения мсье де Моморона и мсье д'Эскандо, причем особенно этот последний вынуждал к некоторым мерам предосторожности, из коих мсье де Ла Пэжоди счел наилучшей проникнуть ночью, внезапной атакой, к мадам де Сегиран. Такой образ действий имел то преимущество, что устранял какую бы то ни было подготовку, всегда привлекающую внимание, как осторожно ее ни вести, и, к тому же, казался настолько невероятным по самой своей дерзости, что никому, даже хитрому Паламеду, не пришло бы в голову предположить что-либо подобное. И мсье де Ла Пэжоди, сделав так, как он задумал, проникал почти каждую ночь к мадам де Сегиран и уходил от нее еще до рассвета, чтобы успеть вернуться вовремя в турвовский особняк.

Пока он спускался с балкона и его шаги удалялись, мадам де Сегиран молча прислушивалась, прикинув ухом к приотворенному окну. Потом, заслышав дальний галоп коня, уносившего мсье де Ла Пэжоди, она запирала окно и возвращалась к кровати, где место ее возлюбленного было еще теплым среди смятых простынь. Тогда, полураздетая, сидя на

краю этой постели, где она только что испытала наслаждение объятий, она отдавалась долгим мечтаниям. Прежде всего, она подробно рисовала себе того, с кем сейчас рассталась. Она представляла его входящим в комнату, в надвинутой на глаза шляпе и в плаще. Она вспоминала малейшие черты его лица. Затем то, как он брал ее в свои объятия. При этом сладострастном воспоминании ее возлюбленный представлял перед нею весь, со своим стройным телом, сильным и гибким. У мсье де Ла Пэжоди была смуглая, но нежная кожа, руки маленькие и ласковые. Мадам де Сегиран чувствовала, как они пробегают по ней от спины к животу, ложатся ей на плечи, медлят на грудях, скользят вдоль стана, спускаются вниз по бедрам и медленно восходят ввысь. Тогда мадам де Сегиран закрывала глаза, и ей казалось, будто она лежит рядом с мсье де Ла Пэжоди, обнявшись с ним так крепко и так совсем, что они вдвоем образуют единое тело. И мечты мадам де Сегиран протекали в объятиях, поцелуях, вздохах и ласках. Порою отрывистый и дерзкий смех мсье де Ла Пэжоди словно звучал у нее в ушах и оглашал комнату; в тишине раздавалось сказанное им слово. Иные ночи бывали молчаливы и дики, жгучи и неистовы, иные тихи, томны и нежны, но все они, все были ночами наслаждений, все – ночами греха.

Ибо теперь мадам де Сегиран принадлежала греху и не могла ни возненавидеть этот грех, ни насытиться им. Ей казалось, когда его жажда родилась в ее несведущей и любопытной плоти, что от самого своего утоления он исчерпается и умрет и что в ней вызовет отвращение к нему таящийся в нем смертный вкус. Но вместо того он всякий раз казался ей хитроумно и горделиво новым своими грешными уладами. Вместо того чтобы угаснуть в своем недвижимом и мертвом пепле, он разливался по ней живым и знойным пламенем и, закрадываясь повсюду, проникал и покорял ее всю. Ужасный гость, мы думаем поработить его, а он над нами властвует. Теперь мадам де Сегиран чувствовала себя обителью греха. Она таила его в себе, питала его. Им содрогалось ее счастливое тело, призывая его всем жаром своей крови. Теперь он уже не был в ней тем потаенным и скрытым пришельцем, которого она стыдилась, наедине с собой, и который обитал в самых темных ее недрах; теперь это был требовательный и полновластный владыка покорной и развращенной рабыни. Грех был в ней виден, явствен, победоносен, в расцвете ее красоты, которую он озарял каким-то блеском, дотоле ей несвойственным.

При этой мысли мадам де Сегиран дрожала всем телом. Ее охватывал чудовищный страх, и она с трудом удерживалась от крика. Она вставала и брала один из канделябров, освещавших комнату своим полуистаявшим воском. Стоя перед зеркалом, она рассматривала свое похотливо похорошевшее тело, свои расширенные глаза, свои пополневшие губы, свое по-новому стройное тело, чьи движения стали еще гибче в любовных играх. Она разглядывала себя всю, и ее взор останавливался на одном месте, том, чья темная и теплая тень была самым вертепом греха, и, меж тем как долгие слезы желанья и стыда текли по ее воспаленным щекам, она стояла так, нагая и недвижимая, лицом к лицу с самою собой и отданная сжигавшему ее воспоминанию.

Иногда, впрочем, в ее отчаяние закрадывалась надежда. Ей начинало казаться, что она любит не самый грех, а скорее грешника. Не этот ли Ла Пэжоди пробудил в ней чувственный пыл? Не от него ли зависело и не к нему ли восходило ее вожеление, и, в то время как ей думалось, будто он его в ней утолит, не он ли был, помимо ее ведома, его подстрекателем? Тогда мадам де Сегиран, в своей тоске, принималась вспоминать прошлое. Она спрашивала себя, не любила ли она, сама того не зная, мсье де Ла Пэжоди еще с того дня, когда увидела его впервые. Целый ряд подробностей приходил ей на ум, целый ряд признаков, которым она не придавала было никакого значения. Она вспоминала, с каким невольным интересом внимала всему, что имело отношение к мсье де Ла Пэжоди. Она вспоминала, как ей была неприятна история с цыганкой. А там, в боскете, не он ли ей тогда предстал пастухом, играющим на флейте, и покорил своему гибельному влиянию? Но придет день, когда она сумеет от него избавиться, и ее грех покинет ее вместе с ним. И она падала на колени и молила Бога ниспослать ей силу Юдифи. Неужели Господь не вооружит ее руку подобно

библейской героине? И она представляла себе мсье де Ла Пэжоди безжизненно распростертым у ее ног. Это видение вызывало в ней недобрую радость. Пусть возвращается в ад вышедший оттуда на ее горе! Не успевала она вымолвить это ужасное пожелание, как ее охватывала слабость холодный пот леденил ее всю, и она стояла, насторожась, с блуждающим взглядом, прислушиваясь к малейшему шуму, стиснув руки, замирая от ужаса и боязни; но на следующий день, когда, взобравшись на балкон, мсье де Ла Пэжоди появлялся снова, она неистово кидалась ему навстречу и обнимала его всей страстью своего пламенного и измученного тела. * * *

Как у всех любителей и исполнителей музыки, у мсье де Ла Пэжоди был очень тонкий слух. Он и требовался для того, чтобы подбирать и чередовать с таким совершенством звуки флейты и слагать их в мелодию, чаровавшую наиболее придирчивых. Он различал самые легкие шумы и отлично умел распознавать их природу и происхождение. Из этой способности мсье де Ла Пэжоди извлекал великие удобства. Он бывал таким путем легко и достоверно осведомлен обо всем, что происходило вокруг, вне его зрения. Вот почему, лежа в постели с мадам де Сегиран, он вдруг привскочил и, приложив палец к губам, сделал ей знак не шевелиться. В самом деле, мсье де Ла Пэжоди послышалось странное потрескивание, как будто кто-то осторожно шагал за дверью. Насторожив уши, он прислушивался довольно долго. Должно быть, то была крыса, разгуливавшая в ночной тишине. Тем не менее, мсье де Ла Пэжоди тихонько высвободился из-под одеяла. Встав на ноги, он подождал, потом босиком подошел к двери и начал снова слушать, меж тем как мадам де Сегиран вопрошала его взволнованным взглядом. Ее беспокойство возросло, когда она увидела, что мсье де Ла Пэжоди берет свое платье и одевается с необычайной поспешностью, как человек, привыкший к такого рода тревогам и желающий быть ко всему готовым. В единый миг мсье де Ла Пэжоди был уже одет, потом, крадучись, направился к окну. Едва он всмотрелся в наружную тьму, как у него вырвалось глухое проклятие. Он увидел две тени, различимые, несмотря на темноту, стоявшие в саду как раз против балкона; он уже собирался поделиться этим неприятным открытием с мадам де Сегиран, но вдруг обернулся на звук отмыкаемого замка, причем делалось это с такой ловкостью, что он едва успел броситься в смежный чулан и задернуть за собой занавес, как отворилась вскрытая дверь и на пороге показалась с канделябром в руке ночная и миловидная фигура мсье Паламеда д'Эскандо.

При виде ее мадам де Сегиран испытала такое изумление, что ей даже не пришлось удерживаться от крика, но до того побледнела, что, казалось, ее простыни послужат ей саваном.

Мсье Паламед д'Эскандо ради этого несвоевременного визита постарался и облекся в самый нарядный свой убор. На мсье Паламеде д'Эскандо были белые атласные штаны с зелеными бантами. Свежесть его лица оттенялась легким слоем румян. С его появлением комнату наполнил запах духов. Пламя канделябра озаряло пальцы, унизанные кольцами. Поставив его на комод, мсье Паламед д'Эскандо сделал несколько шагов в сторону кровати, где лежала растерявшаяся мадам де Сегиран, и спокойным голосом начал с того, что он извиняется за взятую им на себя смелость. Так как днем мадам де Сегиран не в настроении его слушать, ему поневоле приходится улучать ночное время, чтобы добиться внимания к своим словам. Впрочем, то, что он имеет ей сказать, будет очень кратко, ибо главное и существенное ей уже известно, то есть что он питает к ней неудержимую страсть. Таким образом, ему остается добавить лишь немного; а именно, она должна знать, что он не намерен чахнуть от бесплодных вздохов, и так как она может предложить ему нечто большее, нежели простое созерцание своей красоты, то он просит ее разрешить ему этим воспользоваться к своему удовлетворению. Само собой, он никогда бы не отважился обратиться к ней с подобным ходатайством, если бы его к тому не поощряли некоторые обстоятельства, а те, в которых она находится сейчас, вероятно, заставят ее взвесить, сколь неудобно ей было бы отказать ему в том, о чем он имеет честь ее просить. Однако он далек от умысла быть хоть сколько-нибудь навязчивым и желал бы, чтобы она по доброй воле

подарила ему то, чего ему было бы крайне тягостно домогаться каким-либо иным вынужденным для него, путем. Поэтому лучше всего будет, если она подчинится создавшейся для нее необходимости. Он готов удалиться и дать ей время подготовиться к тому, чтобы его принять, причем не имеет ни малейшей охоты затевать скандал и доказывать, что его присутствие в этой комнате вызвано некими приходами и уходами, наведшими его на мысль о ночных проделках каких-то грабителей, которые, не довольствуясь опустошением садов, взбираются на балконы и проникают даже во внутренние покои, но за которыми не стоит гоняться, раз уж они улизнули, лишь бы они были предупреждены и больше не возвращались. Словом, мсье Паламед д'Эскандо кончил тем, что, если с его намерениями не пожелают считаться, он будет принужден позвать верного Гассана и верного Али, прохаживающихся под балконом, но что ему было бы в высокой степени прискорбно прибегать к столь неприятной крайности, лишаящей его наслаждений, которые он себе сулит и цену которых он представляет, судя по тому, на какой риск идут другие, чтобы их получить.

Слыша эту речь, произносимую с необыкновенной наглостью, мсье де Ла Пэжоди вдруг почувствовал, как чулан, где он топтался взаперти, превращается в жгучее пространство. Пламя ярости бросилось ему в лицо, и он ринулся из этого адского убежища со шпагой в руке на мсье Паламеда д'Эскандо. Натиск был так стремителен и так неистов, а удар нанесен с такой уверенностью и силой, что мсье Паламед д'Эскандо с пронзенным сердцем рухнул на пол, не пролив ни капли крови. Только когда мсье де Ла Пэжоди отнес тело на площадку лестницы, кровь потекла, капая со ступени на ступень, и на этой-то площадке утром, устав сторожить под балконом и удивляясь тому, что мсье де Ла Пэжоди не спускается и что не видать мсье Паламеда д'Эскандо, верный Али и верный Гассан, вернувшись в замок, нашли этого последнего, о чем и бросились сообщить, прежде всего, кавалеру де Моморону.

В то утро мсье де Моморон был в отвратительном настроении, поссорившись накануне вечером с мсье Паламедом д'Эскандо, который ему заявил, что ему надоели и ревность кавалера, и его ласки. Прекрасный Паламед выразил даже намерение перевестись, к ближайшей кампании, на другую галеру. Он прибавил, что устал от жизни, которую здесь ведет, запертый в этом замке, и что переедет в Экс, к мсье де Ла Пэжоди, веселому, по крайней мере, товарищу. После таких угроз прекрасный Паламед, довольный вызванной им ссорой, сделал вид, будто идет спать, рассчитывая в то же время использовать ночь совсем не так, как того бы желал мсье де Моморон, который удалился к себе, желтый от злости и оскорбленный подобной неблагодарностью.

Когда при известии о том, что с мсье Паламедом д'Эскандо случилось несчастье, кавалер де Моморон вышел из своей комнаты, его брюзжание сменилось яростным отчаянием. Невзирая на боль в ноге, он припал к телу своего Паламеда, рыдая и крича, и его пришлось оттащить чуть ли не силой, когда его вопли разбудили весь замок и пронесся слух, что мсье Паламед д'Эскандо стал жертвой преступления. На шум этой молвы сбежались все. Слуги и горничные, садовники и повара спустились с чердаков, и вскоре нечто вроде маленькой толпы обступило кровавый труп, с которым мсье де Моморон расстался весь выпачканный в крови, когда мсье де Сегирану удалось его оторвать от него.

Надо сознаться, что при виде распростертого мертвым мсье Паламеда д'Эскандо мсье де Сегиран выказал скорее удивление, нежели недовольство или печаль. Он досадовал на этого юношу за то, что тот дал себя убить на площадке главной лестницы Кармейранского замка. За оказанное гостеприимство не благодарят, внося с собой столь смертельное смятение. Мсье де Сегиран корил себя, что дал приют этому подозрительному и ославленному юнцу. И на кой черт пригласил он брата приехать долечиваться в Кармейран и позволил ему привезти с собой этого злосчастливого Паламеда? Беспорядок он учинил изрядный, в чем мсье де Сегиран убеждался, видя себя посреди челяди облаченным в халат и с головой, еще украшенной ночным колпаком. Что же касается мадам де Сегиран, то она вышла такой бледной, что можно было подумать, будто это из ее жил вытекла кровь, которой лишился

мсье д'Эскандо.

Она, молясь, опустилась на колени перед мертвым телом и встала только тогда, когда мсье де Сегиран распорядился поднять останки того, что было прекрасным Паламедом д'Эскандо, и она увидела, как их уносят Али и Гассан, а следом идет кавалер де Моморон, пожелавший присутствовать при печальном обряжании.

Оно было длительным и заботливым. Омытого и умащенного его любимыми духами, мсье Паламеда д'Эскандо одели в лучшее его платье и украсили всеми его кольцами и драгоценностями. Ему закрыли глаза, нарумянили щеки и губы и уложили на парадную кровать окруженную горящими свечами. Затем кавалер де Моморон, осушив слезы, поцеловал его в лоб и, прихрамывая, как сама месть, отправился к мсье де Сегирану, чтобы иметь с ним совещание о трагическом событии, обагрившем кровью замок Кармейран.

Мсье де Моморон застал своего брата в великом замешательстве. Преступление, содеянное под его кровлей, обеспокоило его до крайности, и он ломал голову над тем, кто это мог отправить на тот свет мсье Паламеда д'Эскандо. Во всяком случае, дело надлежало выяснить. Своими недоумениями и соображениями он поделился с мсье де Момороном, и они по этому вопросу обменялись взглядами в ожидании прибытия судебных чинов, за которыми мсье де Сегиран послал в Экс и которые не могли замедлить явиться. Их искусство было нелишним, для того чтобы распутать это дело, в котором мсье де Сегиран и кавалер де Моморон отказывались что-либо понять. Действительно, трудно было приписать злодеяние кому-либо из обитателей замка, людей миролюбивых. Убийца, по-видимому, пришел со стороны, и, так как мсье д'Эскандо был умерщвлен ударом шпаги, можно было предполагать, что преступник – человек знатный.

Таково же было мнение и представителя правосудия, приехавшего произвести дознание. Звали его мсье де Суржи, и мсье де Ларсфиг весьма ценил его за прозорливость. Мсье де Суржи, осмотрев предварительно местность, приступил к допросу. Слуги, горничные, повара, садовники – все таковому подверглись, не дав никаких указаний или сведений. Мсье де Суржи почесывал нос, как это он делал в затруднительных случаях, как вдруг заметил в углу комнаты турецких невольников мсье де Моморона. Тогда мсье де Суржи попросил этого последнего быть ему переводчиком при объяснениях с этими неверными, предполагая, что они не владеют языком франков, но мсье де Моморон ему сообщил, что Али и Гассан вполне могут отвечать ему довольно сносно по-французски. Мсье де Суржи тотчас же велел им подойти. И вот они приблизились, часто и низко кланяясь, по обычаю своей страны. Сперва и тот, и другой прикидывались, будто ничего не знают, но потом, посоветовавшись на своем наречии, заявили, что убийство мсье Паламеда д'Эскандо было, по всей вероятности, совершено мсье де Ла Пэжоди, которого, сойдя в сад для утреннего омовения в бассейне, они ясно видели выходящим из замка и направляющимся к гроту в глубине боскетов, после чего они вернулись через маленькую дверь и нашли наверху лестницы мсье д'Эскандо, уже бездыханного. Они добавили, что уже не раз замечали, как мсье де Ла Пэжоди выходит таким образом из замка, куда он являлся по ночам к мсье Паламеду д'Эскандо.

При этом разоблачении мсье де Моморон едва не умер от бешенства. Краска залила ему лицо, и ужасные ругательства хлынули изо рта, сопровождаемые чудовищными проклятиями. В своем гневе он обрушивался с одинаковой злобой и на Паламеда д'Эскандо, и на мсье де Ла Пэжоди. Как? Этот флейтист посмел прокрасться по следам командира галеры его величества! Так этот несчастный воспользовался своей побывкой в Кармейране, чтобы затеять шашни с этим неблагодарным Паламедом? Ах, как они, должно быть, потешались над ним вдвоем! При этой мысли мсье де Моморон клокотал от ярости. Он ненавидит их обоих, но так как с Паламеда уже ничего не возьмешь, то он отыграется на Ла Пэжоди, и Моморон уж последит, чтобы правосудие исполнило свой долг в отношении этого совратителя и убийцы. Мсье де Суржи взирал на эту сцену насмешливым оком, меж тем как

левантинцы многозначительно переглядывались, радуясь тому, что сыграли шутку с кавалером, которого издавна не терпели за его грубость, а вдобавок и тому, что своей уловкой оказали услугу красивой христианской госпоже, которая не раз дарила их добрым и сострадательным взглядом и которую они таким образом ограждали от какого бы то ни было подозрения. О том же, какие последствия ожидают мсье де Ла Пэжоди, они мало заботились, потому что были родом из той страны, где человеческой смерти не придается такого уж значения, в особенности если убийца – каймакам или паша, и им в голову не могло прийти, чтобы этот мсье де Ла Пэжоди, у которого, как им говорили, в гареме самые красивые женщины его города, да не стоял намного выше законов.

Тем не менее, как бы там ни думали по-турецки верный Али и верный Гассан, их показания привели к тому, что мсье де Ла Пэжоди на следующий же день был арестован в занимаемой им комнате турвовского дома и без дальних слов отведен в тюрьму. И действительно в гроте обнаружили следы его коня, каковые, будучи тщательно прослежены, привели судебных чинов к Пеламургу, и тот, испугавшись, рассказал все и подтвердил ночные вылазки мсье де Ла Пэжоди; но наиболее тяжкой для него уликой служило то, что ножны его шпаги были найдены торчащими в рыхлой земле сада под балконом мадам де Сегиран, а это заставляло думать, что мсье де Ла Пэжоди освободился от них прежде, чем войти в замок, и проник туда с обнаженным оружием, из чего явствовалась предумышленность убийства, учиненного им над мсье Паламедом д'Эскандо.

В то время как мсье Паламед д'Эскандо покоился на своем парадном ложе, под угрюмым оком кавалера де Моморона, мсье де Сегиран рассылал родне полагающиеся извещения. И таким образом, в тот день, когда в эссском соборе совершалось отпевание мсье Паламеда, там присутствовало все эскандотство, ибо Эскандо не желали, чтобы кто-нибудь из них отправлялся в земное недра без их участия в этой церемонии. Поэтому здесь можно было видеть, кроме отца покойного, мсье д'Эскандо Кривого и мсье д'Эскандо Заику бок о бок с мсье д'Эскандо Большим. Мсье д'Эскандо Корабельный отсутствовал, за год перед тем скончавшись, но мсье д'Эскандо Рыжий был налицо, рядом с мсье д'Эскандо Маленьким, являвшим тут же свое недоброжелательное и чванное лицо, при виде которого мсье де Сегиран испытал мало удовольствия, ибо оно приводило ему на память некоторые инсинуации, все еще не получившие опровержения. Впрочем, на этот раз мсье де Сегиран был этому рад. Что было бы, если бы его жена была сейчас беременна? Ей могли грозить печальные последствия, ибо она была очень поражена преступлением, совершенным рядом с нею и так сказать у ее порога, и виновник которого был ей знаком. С этого дня лицо мадам де Сегиран хранило необычайную бледность, и она почти все время проводила в молитвах, от которых душе Паламеда д'Эскандо не могло не быть пользы.

Размышляя так, мсье де Сегиран следил за ходом церемонии. Мсье де Моморон пожелал, чтобы она была весьма пышной и чтобы было как можно больше музыки, как подобает тому, кто служил, не без отличия, на галерах его величества. Для себя он такой не требовал и надеялся обрести могилу на дне морском. Он решил при первой же возможности покинуть Кармейранский замок. Состояние его ноги вскоре должно было ему позволить вновь вступить в командование галерой, а бутылка-другая доброго рома, извлеченная из констапельской, должна была ему помочь забыть всех Эскандо на свете, в том числе и прекрасного, неблагодарного и вероломного Паламеда.

Таково было настроение мсье де Моморона, когда он выходил из церкви, отправляясь навестить свою мать, старую мадам де Сегиран. Он нашел ее сильно сдавшей и расстался с ней не очень-то довольный, ибо мадам де Сегиран сказала ему, что никогда не перестанет быть благодарной своему маленькому Ла Пэжоди, если он действительно избавил его, Моморона, от предмета постыдной страсти, и никогда не перестанет сожалеть, что теряет с ним Ла Пэжоди, одно из главных своих удовольствий, состоявшее в том, чтобы слушать, как он играет на флейте; все, что говорится относительно Ла Пэжоди и прекрасного Паламеда со слов двух турецких невольников, сущая бессмыслица, ее не разубедят в том, что за всем

этим кроется какая-нибудь женщина, ибо Ла Пэжоди не гнушается и самыми скромными и достаточно было какой-нибудь горничной, чтобы толкнуть его на это полуночное безрассудство; истина, в конце концов, откроется, и Ла Пэжоди уйдет из рук правосудия, как бы ни старались все эти злобствующие против него Эскандо, которые из кожи лезут, хлопоча и домогаясь, чтобы его судили с беспощадной строгостью.

VI

Во всей истории мадам де Сегиран и мсье де Ла Пэжоди стороной, о которой всего неохотнее распространялся мсье де Ларсфиг, был процесс, закончившийся осуждением мсье де Ла Пэжоди на каторжные работы. Дойдя в своем повествовании до этого дела, мсье де Ларсфиг становился довольно скуп на подробности и ограничивался общими местами. Хотя все это уже стало прошлым и участвовавшие лица сошли со сцены жизни, мсье де Ларсфигу было неприятно сознаться, что процесс мсье де Ла Пэжоди велся, быть может, не со всем желательным беспристрастием и не слишком много делал чести его судьям. Приговор был как бы предрешен, и не прилагалось особых усилий к тому, чтобы выяснить истину и рассеять обманчивую видимость, под которой она нередко кроется. Так было и теперь, к великой пользе мадам де Сегиран, чье имя ни разу не было произнесено на суде.

Это молчание должно быть всецело вменено в заслугу мсье де Ла Пэжоди, который проявил себя в настоящем случае благороднейшим человеком и держал себя так, как того, быть может, не вполне можно было бы от него ждать. В самом деле, за свою любовную карьеру мсье де Ла Пэжоди никогда не обнаруживал чрезмерного радения о добром имени женщин, и сделанное им для мадам де Сегиран исключение доказывает, что он питал к ней более нежное и более почтительное чувство, нежели ко многим другим, ибо немало значило щадить ее так, как делал он, ценою своей свободы, тем более что он вполне справедливо мог поставить ей в вину то положение, в котором он очутился благодаря ей.

Действительно, единственным подлинным доказательством того, что мсье де Ла Пэжоди и есть убийца мсье Паламеда д'Эскандо, были эти найденные в саду ножны, которые мадам де Сегиран выбросила за окно, чтобы от них отделаться и не думая о том, что таким образом она губит мсье де Ла Пэжоди. Не будь этих изобличающих ножен, ему, быть может, удалось бы выпутаться, ибо тогда он имел бы против себя лишь показания Али и Гассана, а показаний двух невольников-турок было бы недостаточно для того, чтобы осудить столь сурово дворянина и дать им его в товарищи по галерной банке. Во всяком случае, если бы мсье де Ла Пэжоди счел нужным сознаться в своем ночном пребывании в комнате мадам де Сегиран и сообщить о неожиданном появлении мсье Паламеда д'Эскандо, он мог бы утверждать, что обнажил шпагу лишь перед лицом смертельной угрозы со стороны этого последнего и что, отнимая у него жизнь, он только защищал свою собственную, и тогда его преступление свелось бы к схватке влюбленных и оказалось бы несчастием, отнюдь не предумышленным.

Таким образом, храня молчание, мсье де Ла Пэжоди лишал себя всяких средств защиты; вдобавок, совершившему им убийству мсье д'Эскандо он позволял давать объяснение, которое должно было ему до крайности претить. Всю свою жизнь мсье де Ла Пэжоди слишком открыто любил женщин, и ему не могло не быть неприятно, что станут думать, будто он, хотя бы раз, был им неверен в своей любви и будто предметом этой неверности явился мсье Паламед д'Эскандо. И вот, мсье де Ла Пэжоди приходилось выступать в обличье, которое едва ли было ему очень по вкусу. Добавим, что, если бы он от этого уклонился, он, кроме всего прочего, избежал бы ненависти, которой в течение всего процесса его преследовал кавалер де Моморон и лютость которой он выказал, приняв участие в мстительных происках племени Эскандо, не перестававшего, как и он, докучать судьям своими ходатайствами.

Опять-таки и здесь мсье де Ларсфиг как-то затруднялся допустить, чтобы эти интриги, приставания и вопли могли оказать какое-нибудь влияние на строгий приговор, постигший мсье де Ла Пэжоди. Мсье де Ларсфиг, несмотря на всю независимость своего ума, был все же человек судейский и, как таковой, считал себя призванным к известной сдержанности в оценке обстоятельств этого процесса. Тем не менее, при всей его осторожности и при всех его умолчаниях, мне казалось возможным установить, что на чрезмерную суровость, проявленную в отношении мсье де Ла Пэжоди, воздействовали причины, не относящиеся к его преступлению. Сколь бы ни были беспристрастны судьи, они обладают человеческими свойствами, и на их решениях отзываются, помимо их ведома, их собственные страсти. Такова немощность нашего естества, коей они подвержены, как бы они ни старались ее превозмочь. А среди судей, призванных к участию в разборе этого дела, был не один, который, либо сам, либо из-за своих близких, имел основания быть недовольным мсье де Ла Пэжоди. Своими любовными похождениями мсье де Ла Пэжоди оскорбил немало влиятельных в городе семейств. Такое множество обольщенных жен, к тому же иной раз похищаемых и покидаемых с немалым шумом и без всякого стеснения, было не по вкусу мужьям, и над головой мсье де Ла Пэжоди скопилась глухая и свирепая злоба, которая ждала только случая, чтобы на него обрушиться. Теперь все эти недовольные образовали опасный союз, насчитывавший сообщников даже в стенах суда. И мсье де Ла Пэжоди имел дело с плодами ненависти, вызванной его неосторожным поведением и приведшей к созданию целой партии, которая твердо решила воспользоваться случаем и избавиться раз и навсегда от этого человека, столь опасного для добродетели жен и для чести мужей, причем те, кто еще не пострадал, объединились с теми, у кого уже было на что пожаловаться. Впрочем, следует добавить, что заговор питался не только этими частными интересами; он находил поддержку и в общественном мнении. А оно громко высказывалось против мсье де Ла Пэжоди. Всюду обласканный, всюду радушно принятый, мсье де Ла Пэжоди нажил себе не только друзей, необычайный успех, которым он пользовался, обратился против него же, в силу одной из тех перемен в настроении, которые не очень-то красивы на взгляд, ибо порождаются глухой завистью, втайне гложущей сердца людей и не чуждой также и женщинам. Те из них, коими мсье де Ла Пэжоди пренебрег, не могли ему простить, что он обращался к другим, когда, по их мнению, они более, чем кто бы то ни было, были бы способны дать ему то, чего он искал, и при этом делали вид, будто удивляются, как это другие могли довольствоваться тем, что они-то сами, якобы, отвергли. Что же касается поклонников, коих виды мсье де Ла Пэжоди расстроил и коих он неоднократно оставлял с носом, то они относились к нему не лучше. Считалось хорошим тоном недоумевать, как это можно было давать себя морочить этому выскочке. Ибо, в конце концов, зачем, собственно, явился в Экс этот Ла Пэжоди со своей флейтой и повадками завоевателя? По какому праву привлек он всеобщее внимание своими проказами и скандалами, дерзостью своих пождений и вольностью речей?

Те, кто считал его явным нечестивцем и вольнодумцем, жужжали теперь вокруг него, подобно ядовитым мухам. Нельзя было долгие терпеть, чтобы этот маленький безбожник, взявшийся невесть откуда, выставял напоказ среди бела дня свои ненавистные мнения, и пора было ему понести заслуженную кару. Повторялись также некоторые речи иного рода, от коих мсье де Ла Пэжоди недостаточно воздерживался, будучи весьма охоч жестоко вышучивать смешные стороны, каковые умел подмечать в каждом. Эти вины перед ближним припоминались ему почти с такой же злобностью, как и те, которые он навлек на себя перед Богом. Со своей вершины мсье де Ла Пэжоди упал на дно. Его обвиняли еще и во многих других зловердностях. Наветы, которыми его преследовала мадам де Галлеран-Варад, вновь обрели плоть. Никто больше не сомневался, что эта цыганка, увлекшая за собой мсье де Ла Пэжоди, была посланницей дьявола и что мсье де Ла Пэжоди и в самом деле бывал с нею на шабаше ведьм. Иные даже требовали, чтобы он был всенародно сожжен, как колдун, безбожник и содомит.

А потому многие почитали счастливым обстоятельством и истинным благодеянием

промысла, что убийство мсье д'Эскандо переполнило своей кровавой каплей эту чашу соблазна и позора. Готовы были видеть в прекрасном Паламеде чуть ли не орудие Всевышнего в этом деле. Благодаря ему виновник понес наказание, и по всему городу было великое ликование, когда стал известен приговор и узнали, что мсье де Ла Пэжоди будет клеймлен знаком лилии и отправится с обритой головой и цепью на ногах грести на королевских галерах. Не свидетельствовал ли при всем том этот приговор, несмотря на свою суровость, о мудрой снисходительности судей, которые сумели не поддаться общественной молве и избавили мсье де Ла Пэжоди от плахи и костра? Всякий считал долгом приветствовать беспристрастие господ членов парламента. Не последними радовались Эскандо и перебивали все у мсье де Моморона, чтобы поблагодарить его за рвение, которое он проявил, добиваясь расследования преступления, лишившего род Эскандо одного из его членов, а также, чтобы поздравить его с предстоящим назначением на должность командующего эскадрой, о чем уже начинали поговаривать. Одна только старая мадам де Сегиран возмущалась приговором, который называла несправедливым и под которым маркиз де Турв также отказался подписаться, причем и она, и он не переставали, пока длился процесс, доставлять мсье де Ла Пэжоди в тюрьму всякие лакомства, какие только могли. Что же касается мсье и мадам де Сегиран, то все это время они провели безотлучно в Кармейране и не явились присутствовать при отправке мсье де Ла Пэжоди, когда его повезли в Марсель клеймить и заковывать. Отправка эта состоялась в середине лета, ясным днем, выманившим весь город к окнам и на порог. Повозка, на которой везли мсье де Ла Пэжоди, была влекомом тощей лошадей и окружена стражей. Когда она выехала из тюрьмы, на ней увидели мсье де Ла Пэжоди таким, как всегда, с веселым лицом и уверенным видом. Он сидел на скамье, и на руках у него были кандалы, но его, по-видимому, нисколько не смущали вызываемое им любопытство и устремленные на него взгляды. Он глядел по сторонам и узнавал каждого. Так он проехал несколько улиц, и ни единого возгласа не раздалось на его пути. Там и тут зрители, коим он невольно внушал сдержанность, ни разу никем не нарушенную, обсуждали вполголоса необычайное приключение, которым заканчивалось блестящее пребывание мсье де Ла Пэжоди в добром городе Эксе. Те, кто более всего против него неистовствовал, молча довольствовались полученным ими теперь удовлетворением, чувствуя себя при этом все же как-то неловко. Другие видели в этом доказательство превратности человеческой жизни, ибо нами самым неожиданным образом играет судьба, по прихоти которой этот Ла Пэжоди сейчас переселяется из кровати красивых дам на галерную банку. Они, казалось, еще больше, чем сам мсье де Ла Пэжоди, дивились этим поворотам колеса. Так мсье де Ла Пэжоди доехал до той самой гостиницы «Трех волхвов», где он остановился по приезде из Авиньона и куда за ним явился маркиз де Турв, чтобы забрать его к себе, его самого и его флейту. Далее заметили, что мсье де Ла Пэжоди поднял глаза к некоему балкону, а именно балкону дома Листома. Он был пуст, не то, что балкон мадам де Галлеран-Варад. Там собралось целое общество, в том числе некоторые из тех, кто более всего старался погубить мсье де Ла Пэжоди, и, когда он проезжал мимо, оттуда раздались смех и издевательства, но он, казалось, не обратил никакого внимания на это глумление, особенно постыдное тем, что им оскорблялся несчастный. И наоборот, он не выказал себя равнодушным к тому, что последовало вскоре, ибо, когда повозка поравнялась с сегирановским домом, двери распахнулись, и на пороге появилась самолично старая мадам де Сегиран.

Она опиралась на две палки и была вся сведена подагрой. В своем платье дедовских времен и старомодном парике она казалась выходцем из другого века. При свете дня на ее накрашенном лице виднелись глубокие морщины. Так она прошла несколько шагов по улице в сторону повозки, поддерживаемая маркизом де Турвом. Увидев его и по его знаку, стража расступилась, и повозка остановилась, так что старая мадам де Сегиран могла подойти совсем близко. Очутившись рядом, она подняла руку и молча протянула ее для поцелуя своему маленькому Ла Пэжоди, меж тем как маркиз де Турв, без шляпы, посылал прощальный привет тому, чья волшебная флейта так часто его улаждала. Затем старая мадам де Сегиран и мсье де Турв удалились, а мсье де Ла Пэжоди продолжал свой тряский и

позорный путь, исчезая за поворотом. * * *

События мрачной ночи, когда мсье де Ла Пэжоди убил ударом шпаги мсье Паламеда д'Эскандо у постели мадам де Сегиран, ни в чем, казалось, не изменили жизни этой последней. Дни ее текли установленным порядком, и мадам де Сегиран проводила их совершенно так же, как всегда. Она посвящала их молитве и тем самым ручным работам, которым она обучала послушливого Паламеда. Так как погода держалась очень ясная, она подолгу гуляла в саду, то одна, то в обществе мсье де Сегирана. Этот, как и раньше, каждую неделю ездил в Экс повидаться с матерью и привозил оттуда обычные рассказы: теперь к ним присоединялись ходившие по городу подробности дела мсье де Ла Пэжоди, которое служило предметом всех бесед. Мсье де Сегиран был осведомлен своей мамашей о тех разнообразных обвинениях, которые возводила на мсье де Ла Пэжоди молва, и о той буре, которая против него подымалась. Наконец, однажды мсье де Сегиран вернулся в Кармейран с приговором, присуждавшим мсье де Ла Пэжоди грести на королевских галерах. Мадам де Сегиран не выказала ни удивления, ни сожаления и отнеслась к этому с мудрым равнодушием, что послужило для мсье де Сегирана новым поводом лишней раз восхититься своей женой. Обыкновенно женщины принимают близко к сердцу подобного рода дела и предвосхищают заключение судей, мысленно ставя себя на их место. Они производят следствие, защищают и обвиняют, совещаются сами с собой и выносят приговор на основании личных впечатлений и любят составлять себе убежденнейшее мнение о том, что им совершенно неведомо. И эксские дамы поступали точно так же, причем даже держали пари о том, что будет с бедным Ла Пэжоди. Одни видели его колесованным, другие обезглавленным или сожженным заживо и заранее решали вместо парламента как кому вздумается, что свидетельствовало о некоторой беспорядочности их мыслей и непозволительном высокоумии. А потому мсье де Сегиран весьма хвалил свою жену за то, что она не погрешила тем же и держалась в стороне от нелепого пустословия. Какое им, действительно, было дело, ей и ему, до участи мсье де Ла Пэжоди, с которым они, слава Богу, были знакомы довольно поверхностно, да и то виноват был кавалер де Моморон, когда, видя, как он скучает, они пригласили в Кармейран, чтобы его развлечь, мсье де Ла Пэжоди с его флейтой. Поэтому не кто иной, как кавалер, был ответствен за прискорбное событие, приведшее мсье Паламеда д'Эскандо к смерти, а мсье де Ла Пэжоди к тому печальному положению, в коем он очутился, событие, никоим образом их не касавшееся ни своими обстоятельствами, в которых им не в чем было себя упрекнуть, ни своими последствиями, о которых не они были призваны рассуждать, ибо разве не судьям надлежало дать этому делу завершение, почитаемое ими уместным, что, впрочем, они и не преминули учинить.

Мадам де Сегиран тем легче соглашалась с этими речами мсье де Сегирана, что внимала им так, как если бы они были обращены совсем не к ней, а к кому-то другому. Она слышала их звук, но не понимала их смысла. Они раздавались в каком-то отдалении, где самой ее не было. О чем это и о ком ей говорит мсье де Сегиран? Ее рассеянный ум уходил в себя и переставал применяться к тому, чего от него хотели. Он был всецело занят одним раздумьем, поглощавшим мадам де Сегиран сполна и похожим на изумление и оторопь перед самой собой, из которых она не выходила, не находя в себе ничего из того, чем она была прежде.

И действительно, это было поистине какое-то чудо, восхищавшее мадам де Сегиран своей волшебной неожиданностью. Оно заключалось в ощущении необычайного спокойствия и отрешенности, и ей надо было сделать над собой усилие, чтобы припомнить стремительные события, ввергшие ее в эту пучину блаженства. Мадам де Сегиран чувствовала себя как бы разом освобожденной и очищенной от пагубного пыла, отравлявшего ее плоть своим жгучим ядом. Пламя сладострастия, вспыхнувшее в ее жилах, вдруг потухло, и от него не осталось даже остывшего пепла. От терзавшего ее душу и тело греха не сохранилось ничего. Он умер, как если бы свершение исчерпало его силу или как если бы острие шпаги мсье де Ла Пэжоди убило его, подобно ужасной ядовитой твари, которой она могла не бояться больше. Она

чувствовала себя от него настолько свободной, как если бы он никогда не существовал, и это освобождение поистине обладало всеми свойствами подлинного чуда. Господь, позволивший образоваться в ней нечистому желанию, которому она поддалась, пожелал его пресечь, и нельзя было не быть подавленной этой ослепительной благодатью, разом рассеявшей обольщения и призраки плоти. А между тем, когда ей удавалось сосредоточить свою мысль на том как бы безумии, которым она была охвачена, она невольно вспоминала его грозную силу. Разве не должно было оно быть чрезвычайным, если ей пришлось отдать ему в снедь свой стыд и свою честь, если в своем отчаянии она измыслила примененную ею ужасную уловку и придумала использованную ею опасную хитрость, чтобы утолить мучившее ее вожделение? Так она опустилась до постыднейших поступков, до таких позорных действий, что теперь едва могла себе их представить. Неужели это она сознательно избрала мсье де Ла Пэжоди сообщником своего греха; взяла его наставником в познании зла, пригласила его в Кармейран под предлогом игры на флейте и впустила к себе в комнату, из которой предварительно удалила мсье де Сегирана; обрекла ему свое тело и отдала его самым чувственным ласкам, упиваясь наслаждениями со сладострастным неистовством и с каждым днем все больше прилепляясь к проклятой игре объятий и поцелуев? Неужели это она была неверной женой и бесстыдной любовницей вплоть до того мгновения, когда очнулась от греха и вдруг постигла его тщету, видя, как он развеивается кровавым дымом?

Вспоминая это прошлое, мадам де Сегиран снова видела трагическую ночь, появление Паламеда д'Эскандо, мсье де Ла Пэжоди, выскакивающего из чулана со шпагой в руке, и кровь, струящуюся по ступеням лестницы; но, если не считать этих мгновений, она удивлялась чудесному спокойствию, наступившему в ней, тому, что она называла своим блаженством. Она чувствовала себя как бы праздною от покинувшего ее греха, а вместе с ним она забыла все остальное. В ее мыслях мсье де Ла Пэжоди был всего лишь смутной и уменьшенной тенью.

Что ей до того, что какой-то там мсье де Ла Пэжоди посажен в тюрьму и предается суду! Чего от нее хотят, рассказывая ей, что дело этого мсье де Ла Пэжоди плохо благодаря каким-то там ножнам, найденным в кармейранском саду! Зачем хотят нарушить этот покой, который она вкушает, наслаждаясь его чудесною сладостью?

А потому она с полнейшим равнодушием узнала о присуждении мсье де Ла Пэжоди к каторжным работам. Мсье де Сегиран, тот был несколько удивлен, напомнил мадам де Сегиран о том, как по пути из Парижа в Кармейран они встретили цепь каторжан. Мсье де Сегиран с трудом представлял себе, чтобы дворянин, которого он знал, мог превратиться в одного из этих несчастных. И все же, хоть и соболезнуя мсье де Ла Пэжоди в его беде, он усматривал в ней для него источник возможного спасения. Видя, как сурово поразила его рука Всевышнего, мсье де Ла Пэжоди, быть может, поверит в его существование. Таким образом, мсье де Ла Пэжоди, быть может, на пути к обращению. Когда сидишь у весла, прикованный к банке, думаешь немного иначе, чем когда играешь на флейте на вольной воле, а милость божья к грешникам беспредельна.

Мсье де Сегиран подолгу рассуждал об этом, прогуливаясь с мадам де Сегиран по кармейранскому саду. Она бывала там охотно и не избегала в нем ни одного уголка, ни боскета, где стоял пастух, играющий на флейте, и где в нее впервые запало желание греха, ни грота, куда мсье де Ла Пэжоди прятал коня во время своих ночных наездов. Она, видимо, была рада дышать воздухом лета, которое выдалось ясным.

Показав мне этот грот во время одной из наших прогулок по Кармейрану, мсье де Ларсфиг и рассказал мне об обстоятельствах, при которых умер Паламед д'Эскандо, и о том, что вслед за сим произошло, не исключая и кончины старой мадам де Сегиран, последовавшей вскоре после этих событий. Действительно, не прошло и месяца с тех пор, как мсье де Ла Пэжоди проехал с кандалами на руках в повозке, увозившей его в Марсель мимо сегирановского дома, как однажды утром старую мадам де Сегиран нашли в ее комнате лежащей на полу.

Когда ее подняли и перенесли на кровать, то увидели, что она перестала жить и что рот у нее весь сведен, а лицо искажено и перекошено. Заметили также, что одна рука у нее совсем черная, словно обожжена. Эта странность наделала в Эксе много шума, и языки затрещали. В этой искривленной и почерневшей руке усмотрели нечто необычайное, ибо было признано, что это как раз та самая, которую старая мадам де Сегиран протянула для поцелуя мсье де Ла Пэжоди, выйдя с ним проститься, когда его везли в повозке. Поэтому представлялось вероятным, что этот странный случай был вызван сатанинским прикосновением нечестивца. Этот проклятый Ла Пэжоди приносит несчастье, и предсказывали, что маркиз де Турв, поддержавший старую Сегиран в ее поступке с Ла Пэжоди, за это поплатится. Рано или поздно с ним что-нибудь стряется еще и потому, что это он приветствовал мсье де Ла Пэжоди и его флейту, когда тот приехал в Экс. И в опустошениях, которые тот произвел в городе, отчасти повинен мсье де Турв. Не он ли первый завязал дружбу с Ла Пэжоди, который жил у него в доме и был им введен в городское общество? Поэтому мсье де Турву надлежит смотреть в оба, и когда-нибудь он еще раскается в том, что наделал. Общество дурных людей к добру не ведет, и о нем всегда приходится жалеть. А потому в один прекрасный день мсье де Турва найдут в постели со свернутой шеей, если только он не погибнет каким-либо иным жалким образом, ибо у дьявола изрядный запас шуток в мешке, а не подлежит сомнению, что шнурок от этого мешка в руках у мсье де Ла Пэжоди. «Эти предсказания, – прибавлял мсье де Ларсфиг, – отнюдь не оправдались, ибо маркиз де Турв дожил до глубокой старости и без иных неудобств, кроме тех, которые он нажил вследствие своего чревоугодия, все более и более предаваясь удовольствиям стола, так что сделался столь чрезмерно тучен, что почти уже не мог вставать с кресла. Кроме хорошей кухни, его единственной усладой была музыка. Мсье де Турв не переставал устраивать у себя в доме отличные концерты даже после того, как совершенно оглох, ибо, если звуки уже и не достигали его ушей, он все же развлекался разнообразными движениями, сопровождающими игру на инструментах. Эта видимость его забавляла, и он желал иметь ее перед собой чуть ли не на смертном своем одре. Когда он скончался после долгой болезни, его комната была полна музыкантов, а последними его словами было, что ему все еще кажется, будто он слышит флейту дорогого Ла Пэжоди, он не знал ничего ей подобного в смысле верности и гармонии». * * *

«Это не пустяк, сударь мой, – говаривал мне мсье де Ларсфиг во время наших беседований, из коих я почерпнул историю мадам де Сегиран и мсье де Ла Пэжоди, – это совсем не пустяк – быть сосланным на галеры, и вы со мной согласитесь, когда я вам расскажу поподробнее, какую жизнь ведут на этих судах. Еще не все – видеть их на рейде или в море, когда они идут под парусами или плывут под взмахи весел. Галера, сударь мой, красивейшее зрелище со своими снастями и мачтами, раскрашенным корпусом, кормовыми и носовыми фигурами, изваянными и позолоченными, фонарями, флагами, штандартами, вымпелами и всем своим боевым и морским снаряжением; но на галере имеется каторжник, а каторжник – несчастный человек. Едва ли найдется участь более жалкая, нежели его. Не подумайте, однако, что меня трогает сильнее, чем следует, судьба этих людей, ибо справедливо, чтобы этот удел выпадал тем, кто его заслужил своими злодеяниями и преступлениями; но верно и то, что я счел бы стократ предпочтительнее умереть, нежели жить таким образом под свистки комитов и под плетьюми аргузинов. Есть ли, в самом деле, менее завидный жребий, чем сидеть с обритой головой и в колпаке, в красных портках и красном казаке из грубой ткани, прикованным день и ночь к галерной банке в солнечный зной и в зимнюю стужу, упершись ногами в брус и держась за весло, будь вы по занимаемому месту третьим, пятым или загребным? Прибавьте к этому, что, попав туда, нечего думать сидеть праздным, ваши плечи поплатились бы, или же изображать строптивца и недовольного, ваша спина почувствовала бы, к чему это приводит, а дубинка не лакомство. Шиурма должна быть выносливой и послушной и уметь грести по несколько часов кряду, что требует больших усилий и большой согласованности, иначе страдает ход галеры; но не думайте, будто этот труд вознаграждается так, как он того, по-вашему, заслуживает: единственная за него награда – скудная и скверная пища, чаще всего черствый хлеб и

черные бобы, к коим добавляется, ради подкрепления, в дни боев или крайнего напряжения намоченный в уксусе кусок хлеба, который аргузины суют в рот гребцам, чтобы те не лишались сил. И в таком виде, а иной раз и с пробкой в зубах, они гребут под ядрами и пулями, радуясь, если какой-нибудь снаряд положит конец их бедствиям и мучениям.

Вы мне скажете, сударь мой, что галера не каждый день преследует неприятеля и вступает с ним в бой и что она в море не круглый год. Наступает время, когда она возвращается в порт и разоружается; но не думайте, будто, окончив кампанию и став на якорь, шиурма отдыхает на розах. Даже в порту каторжане покидают свои банки только ради работ, которые им задают. Тут же они и спят как могут, в самом неудобном положении, защищенные от холода и ветра плотным тентом, который они раскидывают на стойках, покрывая им галеру. Это укрытие предохраняет их довольно плохо, а огня, чтобы согреться, у них нет, и им даже запрещается курить. Для этого они должны получить от аргузина дозволение спуститься в каик или шлюпку, привязанную к галере. И притом заметьте, прежде чем перейти на зимнее положение, галеру надо разоружить, а это стоит шиурме немалого труда, ибо с судна нужно убрать все припасы и провиант, привести в порядок снасти. А затем идут постоянная уборка и всяческие работы, так что у шиурмы всегда есть дело, да кроме того каждый каторжник должен заниматься каким-нибудь ремеслом, и его таковому обучают, если он никакого не знает. Впрочем, у них не очень-то есть время упражняться в этом, ибо царство зимы непродолжительно, а с приближением весны надо готовить галеры к плаванию. В эту пору их надлежит смолить, то есть покрывать слоем сала, предварительно их опрокинув, так чтобы киль торчал из воды. Все это производится силой рук и немалыми усилиями и только предвещает этим несчастным возобновление их мук, ибо это не пустяк, сударь мой, быть осужденным грести на королевских галерах, как я имел честь вам доложить. Я бы не хотел видеть там злейшего своего врага. Те, кого туда посылают, суть отбросы человечества, и подумайте, какой пыткой для честного человека должно быть очутиться с подобными товарищами и быть вынужденным жить и умереть в общении с ними. Не должен ли ему представляться его жестокий жребий одной из самых необычайных игр судьбы? Эта своенравная богиня, располагающая человеческой долей, иной раз любит явить пример своего могущества и показать, что никто не огражден от ее мрачных причуд. Тот, кого она таким образом избирает себе игралищем, должен служить предметом жалости, а равно и изумления и должен премного смирять нашу гордыню. Он свидетельствует о том, сколь мало мы значим, чего, впрочем,— заканчивал мсье де Ларсфиг,— мы никогда в должной мере не поймем». * * *

Смерть старой мадам де Сегиран имела последствием возвращение в Экс мсье и мадам де Сегиран, которые решили провести зиму в освободившемся после смерти владелицы особняке. После случая с мсье де Ла Пэжоди и мсье д'Эскандо мсье де Сегирану стало меньше нравиться в Кармейране. Если человек мог проникнуть ночью в замок, не будучи никем замечен, то было над чем призадуматься, ибо, кабы не Гассан и Али, никто бы не обнаружил присутствия мсье де Ла Пэжоди, а не всегда под рукой имеются турки, чтобы караулить. Мсье де Сегиран чувствовал себя в своем доме не столь безопасно, как раньше, и считал, что подобный подвиг вполне мог повториться. Какой-нибудь злоумышленник с опасными намерениями мог попытаться проделать то, что легко удалось мсье де Ла Пэжоди, тем более что местность была ненадежная. Последнее время ходили слухи о кражах и нападениях, и появилось множество босоногих шаек, наводнявших села и деревни. А мсье де Сегиран отнюдь не желал, направляясь в один прекрасный вечер в комнату своей жены, столкнуться в коридоре носом к носу с каким-нибудь бродягой или разбойником. Он представлял себе, как он, держа в одной руке свечу, а в другой шпагу, вступает в бой под своей же крышей, и эти воинственные перспективы не слишком ему улыбались. Мсье де Сегиран не имел охоты проливать, хотя бы защищаясь, кровь себе подобных. Долгие зимние ночи благоприятствуют вторжениям и взломам. Ввиду чего мсье де Сегиран счел целесообразным предложить жене поселиться до весны в эксском доме, где жизнь будет приятнее и безопаснее, нежели в Кармейранском замке, в котором за время их отсутствия

поставят двойные двери и укрепят запоры.

Мадам де Сегиран не только не стала чинить препятствий этому проекту, но казалась им даже довольной, так что мсье де Сегиран лишний раз убедился на этом в своей неизменной мудрости, главным доказательством коей было то, что он женился на столь безупречной женщине, как мадам де Сегиран. И все же, сколь ни был мсье де Сегиран убежден в совершенстве мадам де Сегиран, он не мог не признать, что в одном отношении этого совершенства ей недостает. Единственно, в чем мсье де Сегиран мог упрекнуть мадам де Сегиран, это в том, что она медлит дать ему потомство, которого он от нее ждет, но которое, как-никак, начинает изрядно запаздывать. И мсье де Сегиран был бы весьма удивлен, если бы мог догадаться, что по этому поводу втайне думает мадам де Сегиран, и что бы он сказал, если бы узнал, что свое бесплодие она рассматривает как особую милость небес!

В самом деле, чем были бы дети, зачатые во владевшей ею скверне? Какой тлетворный пыл могла она им передать и каким ядом отравила бы их невинность! Ей казалось, что они были бы загрязнены в ее чреве более, чем все мы искони загрязнены, и что над ними при их рождении тяготела бы большая вина, нежели та, которой все мы наследственно причастны. В их жилах текла бы преступная кровь и струился бы потаенный огонь, который, быть может, вспыхнул бы когда-нибудь пагубным блеском. Сами того не ведая, они носили бы в себе доставшиеся им от нее опасные задатки, от чего господня благость уберегла этих несчастных, оставив их в небытии. Эта мысль наполняла мадам де Сегиран и ужасом, и благодарностью, и она часто возвращалась к ней в той внутренней беседе, которую непрерывно вела сама с собой. Ее содрогнувшееся от испуга сердце признательно возносилось к Богу, когда она думала о невольном преступлении, от которого он ее избавил. Грешница, она породила бы грешников и сообщила бы им заложенное в ней чумное семя. При этой мысли она трепетала от страха, но божественная благость не дала ей распространить эту заразу вокруг себя и постигнуть ею невинных, но дозволила ее греху пребыть в ней одной и, обитая в ее теле и в ее крови, в них и умереть от собственного яда.

Ибо теперь она была вполне убеждена, что в ней не осталось никакого плотского желания. Об этом свидетельствовало то состояние блаженства и безразличия, в котором она чаще всего находилась и в котором окончательно удостоверилась, возвратив мсье де Сегирану права мужа. Супружеские ласки не пробудили в ней ни малейшего отзвука запретных восторгов, которые она вкушала в объятиях другого. Они не принесли ей с собой никаких воспоминаний. Ни одного постороннего образа не возникло в ее уме, и ничто ей не напомнило грешных наслаждений, которые она знавала в те пламенные ночи, когда мсье де Ла Пэжоди проникал к ней в окно с балкона и клал ее обнаженной на постель. А между тем эти наслаждения были, хоть она их и забыла! Ее грех, пусть он и отлетел от нее, все же существовал. Если она теперь и отрешена от него вполне, она все-таки его совершила и получит право на забвение только тогда, когда выполнит обязанность раскаяния!

Для того же, чтобы принести покаяние в своей вине, мадам де Сегиран уместнее было жить в Эксе, а не в Кармейране. В Кармейране мадам де Сегиран не доставало способов наказывать себя. Единственный, которым она располагала, состоял в одиноком сокрушении и во внутреннем созерцании. Были еще, правда, пища, в которой можно было себе отказывать, и наряды, но ограничивать себя в обоих этих отношениях не составляет большой заслуги, тогда как в Эксе она нашла бы более существенные и более действенные средства, как то: церковное стояние, посещение бедных и больных, равно как многообразные богоугодные дела, коим она решила посвятить себя с тем большим рвением, что в силу некоторой природной сдержанности и нелюдимости она была мало расположена принимать в них участие и чувствовала скорее склонность держаться от них в стороне. Но разве истинное покаяние не в том и заключается, чтобы стараться, дабы оно причиняло нам возможно больше неприятностей? А потому мадам де Сегиран охотно откликнулась на предложение мужа.

Решение это, надо сказать, возбудило большие толки, когда о нем стало известно в Эксе и начатые в сегирановском особняке работы возвестили о скором приезде новых обитателей. Действительно, маляры и штукатуры принялись приводить в нем все в порядок. Всюду заново красили, скоблили камень. Атланты у подъезда стали благодаря этому еще более мощными и мускулистыми. Некоторые части дома, запущенные старою мадам де Сегиран, были заботливо восстановлены. Эти приготовления вызвали всеобщее любопытство, и все высыпали к окнам, когда карета мсье и мадам де Сегиран въезжала в город. Несколько дней кряду только и говорилось что об этом событии, либо любопытным свойственно не делать различия по степени важности между предметами их любопытства; им лишь бы его проявлять, а к чему именно – это им все равно.

Прежде всего, в водворении Сегиранов в их доме усматривали победу. Нельзя безнаказанно корчить из себя гордецов и отгораживаться от себе подобных. В этом показном одиночестве есть некий вызов, от которого рано или поздно поневоле приходится отказаться. Чтобы быть в состоянии жить одному и довольствоваться самим собой, нужны весьма незаурядные душевная сила и богатство. Иные на это способны и выдерживают, но другие, необдуманно на то покусившись, бывают вынуждены признать свою ошибку и покаяться в своей самонадеянности. Так случилось с мсье и мадам де Сегиран, и им волей-неволей пришлось принести повинную. В таком именно смысле обычно и истолковывалось их прибытие в Экс. Их надменность пошатнулась, и они кончили тем, что подчинились общепринятому обычаю. Напрасно думали они, будто кроме их союза им ничего не будет нужно. Они замкнулись в своем супружестве, как в скиту, но полного удовлетворения в нем не нашли. К тому же, в наивысшем удовлетворении им до сих пор было отказано, а именно в том, чтобы иметь детей, сколь усердно они того ни добивались в своем уединении, которое, в конце концов, все-таки стало им в тягость, раз они единодушно согласились положить ему конец. Такое намерение должно было им быть зачтено, а потому повсюду было решено не ставить им впредь в вину слишком длительного отшельничества и встретить приветливо блудных супругов.

Надо сказать, что, кроме того, очень хотелось знать, как на них скажется эта жизненная перемена и что станет с их любовным хозяйством, когда они столкнутся с новыми условиями. Верность нетрудная вещь для одиноких супругов, у которых не бывает поводов к сравнению и которые всегда и во всем имеют дело только друг с другом; но теперь весьма возможно, что будет иначе. Нельзя же быть уверенным, что мсье де Сегиран, который как раз в том возрасте, когда начинаешь замечать, что время идет и надо им шире пользоваться, не подпадет чарам какой-нибудь другой женщины. Очень может быть, что он, наконец, начнет приглядываться и прислушиваться, а это было бы несомненно прелюбопытное зрелище, ибо свою свободу он завоевывал бы так неловко и неуклюже, что стало бы чем позабавиться; но разве не было бы еще забавнее, если бы мадам де Сегиран вздумала ему подражать и пожелала использовать ради собственного удовольствия могущество своего очарования? При этой мысли переносчики вестей и любители скандалов потирали руки. Какой приятной темой для сплетен будет эта богомольная мадам де Сегиран! Все радовались заранее, но иные были не очень-то тверды в своих чаяниях. Разве не была застрахована мадам де Сегиран от заблуждений и ложных шагов своим искренним и усердным благочестием? А слава набожной женщины была так прочно установлена за мадам де Сегиран, что было слишком маловероятно, чтобы она могла когда-либо дать повод к такого рода поветушкам, которые любят рассказывать и которые составляют основу разговоров, их сущность и приправу.

Но все же не следовало терять надежды: разве не случалось видеть записных богомолок, которые, приберегая лучшую долю для Бога, уделяют частицу и людям, и, как эта частица ни мала, тем ее все-таки хватает на то, чтобы передавать ее друг другу, так что в конечном счете многим удастся воспользоваться ею в свой черед? И мадам де Сегиран вполне могла быть из их числа, а никто, как они, дают пищу забавным пересудам, в которых трудно себе

отказать. Однако, как бы там ни было, приходилось признать, что пока еще ничего не известно о свойствах добродетели мадам де Сегиран, ибо обстановка, в которой она жила до сих пор, не позволяла предпринять в отношении нее ничего серьезного, но вскоре предстояло увидеть, как оно на самом деле. Ввиду этого первейшие городские повесы давали себе зарок не пожалеть трудов для достижения своих целей. Приезд мадам де Сегиран расшевелил их самомнение, и каждый ожидал от нее того, чего, по его глубокому убеждению, она не могла предоставить никому, кроме него; и все же они поглядывали друг на друга недоверчиво, хотя каждый был о себе столь исключительного мнения, что мог бы не сомневаться в том, что будет предпочтен всякому другому. Мсье де Плантерез рассчитывал на свое красивое лицо, чья новизна уже снискала ему немало успехов; мсье дэз Эмери – на свое умение красно говорить и на некоторые свойственные ему вкрадчивые приемы, из коих он уже успел извлечь немало пользы. Мсье де Мэраг был уверен, что его дородность и мощный вид окажут ему существенную поддержку. Один возлагал надежды на решительность; другой – на мягкость; но все готовились начать игру, где ставкой являлась мадам де Сегиран, а расплачиваться, само собой, пришлось бы мсье де Сегирану.

А потому удивление и недовольство этих красивых господ было немалое, когда они увидели, что пребывание в Эксе ни в чем не изменило привычек мадам де Сегиран. Если мсье де Сегиран и не прочь был появляться на людях, то того же нельзя было сказать про его жену. Мадам де Сегиран вела почти совершенно такую же жизнь, как и в Кармейране. И действительно, она принимала только обязательных посетителей и делала лишь необходимейшие визиты. Дверь ее чаще бывала заперта, нежели открыта. Она почти все время сидела дома, занятая вышиванием, чтением и молитвой. Если она выходила, то главным образом для того, чтобы посетить бедных или пойти в церковь.

Первой ее заботой по приезде в Экс было повидаться с добрейшим мсье Лебреном, который, как я уже говорил, скорее числился ее духовником, нежели был им на самом деле. Этот отличный человек рассчитывал, что, поселившись в Эксе, мадам де Сегиран ближе доверит ему попечение о своей душе, к которой последнее время она под разными предлогами его не слишком подпускала. Правда, милейший мсье Лебрен был не из тех священников, которые не дают покоя своим духовным дочерям и требуют от них неустанного усердия. Он не считал нужным водить их на помочах и охотно отпускал их одних с тем, чтобы они возвращались к нему в заслуживающих того случаях. Это облегчало ему его служение, чем он был весьма доволен, ибо добрейший мсье Лебрен часто говаривал, что голова у него слабовата и что все эти грехи, которые ему вливают в ухо, не по нему, равно как и лежащая на нем забота о душах. Но все же ему было немного обидно, что мадам де Сегиран так мало нуждается в его руководстве и до такой степени без него обходится; а потому он был приятно удивлен, когда мадам де Сегиран обратилась к нему с просьбой указать ей бедных людей, которым она могла бы помочь и которых ей можно было бы поддержать и утешить. Но вместе с приятным удивлением мсье Лебрен испытывал и некоторое замешательство. Мсье Лебрен был не очень-то осведомлен об этом разряде своего прихода. Он считал, что бедняки особо избраны и взысканы Богом и что не следует слишком стараться избавлять их от состояния, сулящего им на том свете обильные награды. Их жалкое положение в этом мире ограждает их от многих грехов и в то же время извиняет те, которые они могут совершить. Однако же, желая сделать удовольствие столь важной особе, как мадам де Сегиран, добрейший мсье Лебрен постарался добыть для нее нужные сведения, так что мадам де Сегиран вскоре оказалась снабженной необходимыми указаниями, с помощью которых могла приступить к делам благотворения. В несчастных и больных недостатка в городе не было. Мадам де Сегиран не замедлила познакомиться с наиболее достойными жалости. Она усердно их навещала, снабжала деньгами и лекарствами, входила в их лачуги, сидела у их изголовья.

Покончив с ними, мадам де Сегиран отправлялась по церквам. В Эксе их довольно много, и не было ни одной, которой бы мадам де Сегиран благоговейно не посещала. Там она поклонялась мощам и чтимым статуям как в часы служб, так и во время долгих стояний в ту

пору, когда они пусты и когда глубже уходишь в самого себя. Мадам де Сегиран нередко можно было видеть простертой у подножия алтарей. Столь назидательное поведение не замедлило вызвать толки в городе, но чувствовалась потребность найти ему причину. Если мадам де Сегиран столь усердна в молитвах и богоугодных делах, так это чтобы получить от неба то, чего ей не удалось получить от мужа, то есть детей, ибо мы склонны приписывать человеческие и корыстные цели возносимым к Богу молениям. Поэтому было признано, что мадам де Сегиран терзается своим бесплодием, а мсье дэз Эмери и мсье де Мэраг заявили, что они берутся, если мадам де Сегиран на то согласится, снабдить ее самым красивым из всех мальчуганов или самой миловидной из всех девочек, на что они, впрочем, не теряют надежды, ибо должна же мадам де Сегиран понять, что Бог не вочеловечится вторично, даже ради ее прекрасных глаз, чтобы дать ей то, чего она так горячо жаждет. Это соревнование мсье дэз Эмери и мсье де Мэрага дало повод к небольшому происшествию, которое наделало некоторого шума. Однажды, когда мадам де Сегиран обходила своих неимущих, ей прибежали сказать, что поблизости умирает бедный человек и что хорошо бы ему помочь. Услышав это, мадам де Сегиран поспешила в указанное место. Взобравшись по шаткой лестнице жалкого домишка, она вошла в комнату, где, лежа на тюфяке, стонал какой-то человек. И вот, едва мадам де Сегиран подошла ближе, мнимый умирающий схватил ее за руки, стараясь притянуть к себе, но ей удалось высвободиться, причем она узнала мсье дэз Эмери, который довольно глупо надеялся чего-то добиться при помощи этой хитрости и считал, что изобрел нечто замечательное, придумав такую комедию; но мсье дэз Эмери остался ни при чем, тем более что об этом событии он рассказал мсье де Мэрагу, а тот разгласил о нем повсюду и все изрядно потешались, признавая к тому же, что Ла Пэжоди повел бы дело иначе. В конечном счете, вся эта история только еще ярче подтвердила добродетель мадам де Сегиран, ни словом даже не обмолвившейся об этой выходке, и обратилась в славословия ей. Они были столь велики, что мадам де Сегиран легко могла бы возгордиться; но гордиться мадам де Сегиран была не в состоянии, и люди весьма бы удивились, если бы могли знать, какого она о себе мнения.

И действительно, она жила преисполненной глубокого раскаяния и смирения, как подобает грешнице. Правда, греховная жажда и вожделение исчезли в ней и умерли, но все же оставалось несомненным, что грех обитал в ее теле и что она по-прежнему виновна в нем перед Богом. Но благодать божия бесконечна. Рядом с недугом он поместил лекарство. Отчего бы мадам де Сегиран не пойти к доброму мсье Лебрену и не покаяться ему в своем прегрешении? Он бы отпустил его ей, и оно было бы вычеркнуто из списков небесного возмездия. Но мадам де Сегиран не желала прибегать к столь обыденному средству. Она нашла бы даже малодушным смягчать божий гнев при нехитром содействии священника и посредством механики таинства. Она считала бы, что злоупотребляет божественной благодатью и милосердием, применяя способ, доступный каждому. Ее грех принадлежит ей, и она одна и вправе, и обязана его умалить силой, суровостью и постоянством покаяния, добровольно на себя возложенного. И только тогда, когда, умаленный и истребленный, он превратится в безжизненную сущность, будет справедливо обратиться к таинству, которое предаст его мертвый прах прощению и забвению. Такой образ мыслей, как-то отмечал и мсье де Ларсфиг, избличал в мадам де Сегиран остатки гугенотки, которой она была в юности и каковой до некоторой степени осталась, сама того не подозревая. «Однако,— добавлял мсье де Ларсфиг,— если подобное поведение и заслуживает порицания, то все же в нем есть нечто героическое и романическое, что не может не нравиться, и нельзя не воздать должного грешнице, желающей самостоятельно и своими силами совладать со своим грехом, привлекая Бога лишь для того, чтобы получить от него утверждение карающих приговоров, которые она добровольно вынесла самой себе».

Эти карающие приговоры мадам де Сегиран неуклонно применяла к себе во всей их строгости и в строжайшей тайне. Правда, городские жители видели, как она, сострадательная и набожная, посещает бедных, помогает больным и ходит в церковь, ведя себя во всем, как свойственно высоко благочестивой и безупречно добродетельной особе, но они не

подозревали тех лишений, которые неустанно и жестоко налагала на себя мадам де Сегиран, и тех истязаний, которым она себя подвергала. Истязания эти мадам де Сегиран придумывала так, чтобы они оставались никем не замеченными и чтобы о них знала она одна. Она всячески старалась, чтобы внешне ничто не казалось изменившимся в ее жизни. Таким образом, мадам де Сегиран продолжала жить, как и раньше. Она по-прежнему заботилась о своих нарядах, и никому не пришло бы в голову, что под этими уборами ее тело жестоко раздирается колючими иглами власяницы. К этому самомучительству мадам де Сегиран присоединяла и другие, которые она изобретала в зависимости от случая. Единственное, о чем она жалела, это что она не может доводить их до той степени, как ей бы хотелось, ибо это могло бы привлечь внимание мсье де Сегирана. Она бы желала, чтобы ее красивые плечи были исполосованы ремнями, но эти побои она заменяла хитроумными пытками, которые измышляла для себя и которые казались ей совсем ничтожными. Не было терзания, которое она сочла бы достаточным, а так как телесные были для нее, большей частью, запретны, то она прибегала к более утонченным, лишь бы они были им равносильны.

Не раз, чтобы себя унижить, она готова была сознаться мсье де Сегирану в своей вине. Она уже видела себя изгнанной им из дому и укрывшейся в монастыре, где она могла бы свободно предаваться всем изощрениям покаяния, но на этом пути ее останавливало одно соображение: горе, которое она причинила бы бедному Сегирану, открыв ему жестокую правду. К чему смущать покой этого славного человека, от которого она всегда видела только одно хорошее, которого она так и не порадовала потомством, ожидаемым им с таким терпеливым нетерпением, и который так честно гордится добродетелью своей жены? Какое она имеет право повергать его в стыд и отчаяние и причинять ему боль, которой он ничем не заслужил? Эти же соображения мешали ей открыто воздерживаться от пищи. Мсье де Сегиран желал, чтобы ее стол был превосходен, изобилуя всякого рода первинами и редкостями, и впадал в беспокойство, как только ему казалось, что мадам де Сегиран кушает без удовольствия. А потому мадам де Сегиран ела как обычно и, только встав из-за стола, уходила к себе в комнату и щекотала у себя в горле бородкой пера, чтобы извергнуть принятую пищу, наслаждаясь унижительностью этих жалких способов и этих отвратительных приемов.

Они увеличивали искреннее отвращение мадам де Сегиран к самой себе. Она не только была мерзка себе, как грешница, но еще упрекала себя и за свое поведение в отношении мсье де Ла Пэжоди, потому что разве не по ее вине греб он теперь на королевских галерах? Разве не от нее зависело избавить его от этой жалкой участи? Ей стоило только сказать правду и заявить во время процесса мсье де Ла Пэжоди, что, убивая мсье д'Эскандо, мсье де Ла Пэжоди лишь защищал свою жизнь. А вместо этого разве не она сама, опрометчиво выбросив в окно эти ножны, создала главную улику против мсье де Ла Пэжоди? Таким образом, избрав его сообщником своей вины и орудием своего греха, она его же обрекла карающему правосудию, которого он, наверное, мог бы избежать, если бы открыл своим судьям истинную причину своего ночного присутствия в Кармейране. Мсье де Ла Пэжоди предпочел молчать, как молчала и сама мадам де Сегиран; но это обоюдное молчание имело для мсье де Ла Пэжоди последствия, допустив которые мадам де Сегиран чувствовала к себе теперь какое-то отвращение. Однако, если мадам де Сегиран и сознавала ясно всю низость своего поведения по отношению к мсье де Ла Пэжоди, она не испытывала к нему ни малейшей жалости. Он был для нее столь же безразличен в своем несчастье, как если бы она была тут ни при чем, и в ней не оставалось к нему ни следа участия. Она даже ни разу не попыталась узнать, что случилось с мсье де Ла Пэжоди, хотя об этом нетрудно было бы справиться через кавалера де Моморона.

Чтобы вполне удостовериться, что это безучастие к мсье де Ла Пэжоди не простое притворство перед самой собой, мадам де Сегиран старалась иногда думать о нем, представить себе его лицо, его манеры. Так она создавала себе образ, к которому оставалась

равнодушна. Она была так же отрешена от мсье де Ла Пэжоди, как и от своего греха, и спрашивала себя, не близок ли миг, когда раскаяние сравняется с виной и она сможет, наконец, испросить у доброго мсье Лебрена пастьерское отпущение. В самом деле, уже больше года прошло со времени возвращения в Экс. Таково было душевное состояние мадам де Сегиран, когда произошло одно событие, еще более упрочившее ее уверенность. *

* *

Трагическая смерть прекрасного Паламеда д'Эскандо внесла некоторую перемену в привычки кавалера де Моморона. Когда, после процесса и осуждения мсье де Ла Пэжоди, он вернулся в Марсель, все были немного удивлены тем бесстыдством, с которым он открыто носил траур по своему любимцу, но еще более изумительным казалось то, что он не искал замены товарищу, утраченному им в лице Паламеда д'Эскандо. И действительно, мсье де Моморон задался целью остаться верным памяти неблагодарного и милого Паламеда, по крайней мере, внешним образом, ибо он слишком закоренел в своем распутстве, чтобы от него отказаться на деле; но место явного скандала заняли темные и низменные похождения, и так удачно, что этот новый порядок вещей весьма послужил на пользу репутации мсье де Моморона, которому были благодарны за то, что он по-своему исправился, превратив в тайное пристрастие слишком долго бывший публичным порок. Этим он выиграл в общественном мнении. С другой стороны, полученная им тяжелая рана, из-за которой он все еще волочил ногу, снискала ему особое уважение. Кавалер де Моморон не стал пренебрегать этим двойным преимуществом и использовал его в высоких сферах столь удачно и столь своевременно, что был назначен командующим эскадрой и получил в свое ведение галеры, долженствовавшие ранней весной соединиться с флотом его величества, крейсировавшим у сицилийских берегов, и оказать поддержку в боях, которые ему предстояло иметь с отважным, дерзким и многочисленным противником.

Этот успех преисполнил мсье де Моморона гордости, но тем сильнее дал ему почувствовать отоцание его мощны. Хоть уже и не было прекрасного Паламеда д'Эскандо, щедро пускавшего из нее кровь, ее все же прискорбно изнурили темные и грязные расходы кавалера. Зима в Марселе обошлась ему дорого, а в игре, которой он обыкновенно поправлял свои дела, ему не повезло. Сколько мсье де Моморон ни клял судьбу, она упорно оставалась к нему неблагоприятной. Эта незадача была в данном случае тем более досадной, что мсье де Моморону предстояло выступить в роли командующего эскадрой; а потому он увидел себя вынужденным, как то ему уже не раз случалось, воззвать к братским чувствам мсье де Сегирана.

На этот раз обращение мсье де Моморона было особенно настойчиво. Речь шла о значительной сумме; но и обстоятельства, надо сознаться, были исключительные. Не каждый день получаешь назначение командующим эскадрой, и мсье де Моморон сумел подчеркнуть это в письме, посланном брату с одним из своих офицеров по имени мсье де Галларе, о котором нам еще придется говорить в дальнейшем. Это письмо содержало в себе все доводы, которые могли скорее всего тронуть мсье де Сегирана. Мсье де Моморон говорил в нем о чести их рода и о том блеске, какой придавало их имени пожалованное ему отличие. В мсье де Сегиране это не могло не найти отзвука. Кроме того, мсье де Моморон указывал ему, что так как он, Сегиран, не служит королю ни в войсках, ни на судах, то справедливость требует, чтобы он своими деньгами помог брату нести службу его величеству. Это косвенное споспешествование королевской славе не могло не быть приятно его сердцу. Засим мсье де Моморон переходил к сравнению себя с мсье де Сегираном. В то время как он, Моморон, рискует жизнью на морях, Сегиран свою жизнь проводит в святой тишине супружества, среди обширных владений и в обществе жены, чья добродетель служит предметом восхищения всех и всюду превозносится не менее, чем ее красота. Так что значат для такого человека, как он, несколько жалких мешков серебра, раз небо еще не послало ему наследников, для которых он должен бы его беречь! Эти слова исторгли у мсье де Сегирана вздох и затронули в нем его тайную тревогу. В его воспоминании мелькнула насмешливая

улыбка мсье д'Эскандо Маленького. Увы! Кавалер де Моморон был слишком прав! Что для него, в самом деле, значат несколько тысяч экю, которые мсье де Моморон, к тому же, употребит не на удовлетворение своих страстей, а на то, чтобы поддержать свое достоинство и иметь возможность с еще большим блеском исполнять свой долг! Наконец, мсье де Моморон вполне может и вовсе не вернуться из этой кампании, которая обещает быть весьма тяжелой. Кавалер, он это показал, не более, чем всякий другой, защищен от пуль и ядер, и, если случится несчастье, мсье де Сегиран будет корить себя, что сухо обошелся с братом. А потому все эти размышления привели мсье де Сегирана к исполнению просьбы мсье де Моморона, хотя так много он еще никогда не просил, но не может же командующий эскадрой довольствоваться позаимствованиями простого капитана, и в семье существуют не только обязанности сердца, но и обязанности кошелька. Посылка мсье де Сегирана была очень хорошо принята кавалером де Момороном. Его занятия не позволяли ему приехать поблагодарить брата за звонкую монету, которую привез с собой мсье де Галларе. Действительно, сейчас было как раз то время, когда галеры приводятся в должный вид, чтобы быть вполне пригодными к плаванию. А это, как известно, дело не пустяковое. Мсье де Моморон излагал в своем послании его подробности. После того, как галеры осмолены, проконопачены, снабжены балластом, чтобы быть хорошо удифферентованными, то есть правильно уравновешенными, на них производятся необходимые золочение и покраска, затем приступают к их вооружению пушками и снабжению припасами и провиантом. Ставят мачты и укрепляют снасти. Белят и чинят паруса. Проверяют канаты и якоря. Все это не обходится без изрядного утомления шиурмы и усердного применения плетей и палок. Но зато какой славный и благородный вид бывает у королевских галер, когда они сбросят свою зимнюю форму и готовы к выходу на парусах и веслах! Это великолепное зрелище, и мсье де Моморон не сомневался, что мсье и мадам де Сегиран не откажутся от намерения лично убедиться в этом. А потому он приглашал их сделать ему честь пожаловать к нему на судно, желая показаться им во всем блеске своего нового сана.

Мсье де Сегиран считал нужным не отклонять приглашения кавалера де Моморона. С тех пор, как тот стал командующим эскадрой, мсье де Сегиран проникся к нему уважением, настолько все мы чувствительны, даже те из нас, кто его наименее домогается, к величию мира сего. К тому же, поддерживая величие своего брата за свой счет, мсье де Сегиран был не прочь полюбоваться его пышностью. А потому он выказал некоторую настойчивость, уговаривая мадам де Сегиран принять участие в путешествии. Мсье де Сегиран, Действительно, весьма любил щеголять своей женой всюду, где он бывал, ибо разве не являлась она, своей добродетелью и красотой, лучшим украшением его жизни? Побуждаемая таким образом, мадам де Сегиран согласилась сопутствовать мужу, и, получив извещение, что галеры отбывают в скором времени, мсье и мадам де Сегиран велели заложить карету и поехали в Марсель.

На этот раз кавалер де Моморон командовал уже не «Отважной»; он поднял свой флаг на «Защитнице», и на нее-то и отправились мсье и мадам де Сегиран. Когда они туда прибыли, галера была вся убрана вымпелами и штандартами, и, в то время как кавалер де Моморон их приветствовал, их встретило «хо!» каторжан, каковой крик они издают горлом, встречая знатных посетителей, дабы их почтить. Проведя мсье и мадам де Сегиран в кормовую беседку, кавалер де Моморон усадил их под тентом, в приготовленные для них кресла, и им подали пирожные и прохладительные напитки, которыми он и принялся их угощать, приглашая полюбоваться зрелищем галеры, видимой с этого возвышенного места лучше, чем откуда бы то ни было. Отсюда судно открывается во всю свою длину, вплоть до форкастеля и шпирона. По обе стороны куршей, дощатого настила, идущего от одного конца до другого, расположены банки, на коих гребут каторжане, которым для увеселения присутствующих велят исполнять различные игры.

Упражнение это называется «шквалом», и вот в чем оно состоит. Всей шиурме гладко выбривают голову и лицо, и она надевает казаки и колпаки. Затем все каторжники садятся на

ножные упорки, так что из конца в конец галеры видны только человеческие головы в одинаковых уборах. В таком виде они издают свое «хо!» разом, так, чтобы слышался единый голос. Во время этого салюта барабаны бьют поход, а солдаты стоят во фронт, с ружьями на плечах. Затем по свистку комита каждый каторжник снимает колпак, по второму свистку – казак, по третьему – рубашку. Тогда видны одни лишь голые тела. После чего их заставляют проделывать, то, что по-провансальски называется «мониной», иначе – изображать обезьян. Они должны лечь все разом между банок, чтобы скрыться из виду. Затем им велют поднять указательный палец, и видны одни только пальцы; потом руку, потом голову, потом ногу, потом обе ноги, потом встать; потом им велют всем открыть рот, потом разом кашлять, обниматься, валить друг друга и принимать всякие другие непристойные и смешные позы, как если бы то были не люди, а всего лишь то, что перенимают у людей животные в зверинцах, у которых с человеком нет ничего общего, кроме того, что они его передразнивают.

Эти игры доставляли мсье де Моморону такое удовольствие, как если бы он их видел в первый раз. Он был роскошно одет, и в руке у него была высокая трость с золотым набалдашником, на которую он опирался. Когда зрелище этого «шквала» всех утомило, он велел подать завтрак и позвать музыкантов. Их было трое флейтистов и четверо скрипачей, все они были хорошо одеты и стали в круг. Когда они явились, мадам де Сегиран была занята беседой с мсье де Галларе. Мсье де Галларе наследовал мсье де Моморона в командовании «Отважной», с чем мадам де Сегиран учтиво его поздравляла, как вдруг, обратив взгляд в сторону готовящихся играть музыкантов, она неожиданно узнала среди них мсье де Ла Пэжоди. Он стоял как раз против нее с железным обручем вокруг щиколотки, с флейтой в руках и смотрел на нее с тем же гордым и смелым видом, с каким он ее озирает обнаженной в его объятиях, во времена их любви. Он, как будто, нисколько не был удивлен ее видеть, и никто бы не сказал, что он здесь благодаря исключительно несчастью, а не в силу каких-нибудь обстоятельств в его собственном вкусе, настолько он казался все таким же, хотя его исхудалое лицо носило след нескольких рубцов, и мадам де Сегиран заметила, что руки его так опухли и онемели, что он с трудом держит флейту. И действительно, мсье де Моморон снял его ради этого случая с банки, где он не был избавлен ни от каких трудов и ни от каких лишений, ибо мсье де Моморон следил за тем, чтобы так и было, затребовав его для шиурмы своей галеры и держа его под гнетом своей мести, чем он и решил, как забавной неожиданностью, поразить брата и невестку, на которых и поглядывал хитро.

При виде мсье де Ла Пэжоди мсье де Сегиран вздрогнул, и на лице его изобразилось великое смущение. А потому он обратил взгляд к жене, словно спрашивая у нее, как ему себя держать. Мадам де Сегиран ни одним движением не выдала, что узнала мсье де Ла Пэжоди, и собралась продолжать беседу с мсье де Галларе, но тут мсье де Моморон спросил ее, что она хочет, чтобы сыграли эти шуты; однако, прежде чем она успела ответить, мсье де Моморон, немного раздосадованный тем, что его сюрприз не произвел должного впечатления, поднял трость, давая знак начать концерт.

По этому сигналу музыканты заиграли. Мсье де Ла Пэжоди поднес флейту к губам, но его распухшие и ооченелые пальцы плохо приспособлялись к отверстиям, и вместо гармонического звука он издал резкую фальшивую ноту. Мсье де Моморон стремительно встал с кресла с побагровевшим от гнева лицом и бранью на устах. Какой это негодяй калечит ему уши? При этом окрике несчастные музыканты съежились. Если бы они смели, они удрали бы, как крысы, в самую глубь констапельской от замахнувшейся на них трости мсье де Моморона, но никто из них не двинулся с места под этой бурей, и они продолжали стоять, ошалелые и трепещущие. Один мсье де Ла Пэжоди улыбался и не склонил головы, когда тяжелая трость мсье де Моморона опустилась на нее с сухим треском и на пол покатались неравные куски его сломанной флейты, причем мсье де Моморон отпихнул их ногой к ногам мсье де Сегирана, который, весь красный и растерявшийся, не знал, куда ему деваться, меж тем как мадам Сегиран бесстрастно следила за колебаниями вымпела вверху фок-мачты, а мсье де Ла Пэжоди тыльной стороной руки вытирал стекавшую с его

рассеченного лба кровь все с той же дерзкой и насмешливой улыбкой на сомкнутых губах. * *

*

Неожиданная встреча с мсье де Ла Пэжоди и жестокая расправа, которой он подвергся у него на глазах со стороны кавалера де Моморона, сильно смутили мсье де Сегирана. Зрелище, которому он был свидетелем, произвело на него тягостное впечатление. Образ мсье де Ла Пэжоди, не могущего справиться своими распухшими и онемелыми пальцами с той самой флейтой, из которой он некогда извлекал столь нежные мелодии, приводил ему на память другого мсье де Ла Пэжоди, того, чье блистательное искусство пленяло весь город звуками его инструмента в ту пору, когда маркиз де Турв повсюду водил его с собой, чтобы всем дать его послушать. А кто теперь в Эксе помнит об этом Ла Пэжоди или о том светском повесе, который для женщин был повальным недугом, так что не одна из них может вспомнить, как она наслаждалась в его объятиях самыми сладострастными, самыми безудержными упоениями любви и самыми запретными ее вольностями? Кто теперь помнит этого Ла Пэжоди, который возбудил столько желаний, вызвал столько ревности и свою легкомысленную репутацию довел до скандала? Странное забвение окружило его, после того как убийство мсье Паламеда д'Эскандо и последовавшие затем процесс и приговор, так сказать, погрузили его во мрак. И мсье де Сегиран перебирал в памяти разные приключения мсье де Ла Пэжоди, о которых рассказывалось столько забавного, его побег с цыганкой, его случай с мадам де Галлеран-Варад, весь тот шум, что поднялся против него во время его процесса, когда ему пришлось расплачиваться как за удар шпагой, нанесенный прекрасному Паламеду, так и за всю ту вражду, которую он породил своими действиями и речами, коих смелость, нечестие и вольномыслие были ему зачтены в число вин, искупаемых им теперь по суровому приговору, в кандалах, на печальной галерной банке, в пучине бедствий, несколько его, впрочем, по-видимому, не заботящих.

Размышляя так, мсье де Сегиран чувствовал, как сердце его трогается жалостью, куда примешивалось воспоминание о благосклонности, которой этот бедный Ла Пэжоди пользовался у старой мадам де Сегиран, и о том удовольствии, которое он сам находил в его обществе; а потому он решил написать кавалеру де Моморону и попросить его сколько-нибудь смягчить участь несчастного, по всей вероятности ужасную, ибо мсье де Моморон был чрезвычайно мстителен и все еще уязвлен смертью прекрасного Паламеда, горечь которой он, надо полагать, давал ощущать бедному Ла Пэжоди. Тот, наверное, знал невеселые часы в лапах аргузинов мсье де Моморона, и мсье де Сегиран считал своим христианским долгом сделать что-нибудь для злополучного молодого человека.

Поэтому мсье де Сегиран поделился своим проектом с мадам де Сегиран, но та, найдя таковой весьма разумным, ограничилась простым одобрением, ничем не содействуя его осуществлению, так что мсье де Сегиран, обладавший памятью довольно короткой, когда дело касалось не его лично, а кого-нибудь другого, так и остался при словах и к делу не приступил, ибо через несколько дней после их возвращения из Марселя в Эксе было получено известие, что галерная эскадра вышла в море.

В противоположность мсье де Сегирану, мадам де Сегиран почерпнула во встрече с мсье де Ла Пэжоди сугубое успокоение, за что она искренне благодарила Бога. И действительно, она убедилась, что вид мсье де Ла Пэжоди не вызвал в ней ни малейшего волнения. Она вновь увидела перед собой человека, когда-то сжимавшего ее в своих объятиях, и в ней не пробудилось никакого воспоминания о тех восторгах, которые она вкушала вместе с ним. Ее плоть была избавлена от греха, равно как ее дух – от грешника, и это наполняло ее удивительным чувством мира. Для нее мсье де Ла Пэжоди как будто никогда не существовал. А потому вскоре она могла вручить Богу хладный пепел греховного пламени, которым она пылала когда-то. Эта мысль приносила мадам де Сегиран великое облегчение, и, хоть она все еще продолжала изнурять себя покаянием, на щеках ее начал появляться румянец. Она не столь уже избегала общества и жила менее нелюдимо. Об этом можно было судить по тому, что, когда подошел праздник тела господня, она пожелала принять участие в обрядах,

которыми он столь исключительным образом ознаменовывается в Эксе.

«Ничего не может быть красивее,— говорил мне мсье де Ларсфиг,— и я искренне жалею, что вы приехали слишком поздно и не могли полюбоваться зрелищем наших увеселений, потому что оно бы вам, наверное, понравилось. Начинаются они в понедельник перед троицей с назначения „Наместника принца" и „Аббата", а также „Базошского короля", которые в следующее затем воскресенье, то есть в троицын день, слушают обедню и вручают приношения в доминиканской церкви, после чего происходит избрание „Знаменосца принца", „Наместника аббата", „Знаменосца аббата" и шести „Жезлоносцев", а затем пробное представление действ, или интермедий, из коих главная — „Великое действо о дьяволах", где царь Ирод защищается от демонов, предшествующее „Малому бесовскому действу". Затем следует действо о „Золотом тельце", где подбрасывают в воздух кошку в холщовом мешке, „Царица Савская", „Чудесная звезда", а потом „Ползуны", пресмыкающиеся вокруг царя Ирода, изображая избиение младенцев, „Горячие лошади", „Плясуны", скачущие под звуки дудок и тамбуринов, „Паршивые", то есть евангельские прокаженные, и „Святой Христофор и Смерть", ибо ею, сударь мой, кончается все — как благороднейшие наши надежды, так и самые шутовские наши забавы.

В среду, в канун тела господня, в десять часов вечера из ратуши выходит „Дозор" и движется по улицам до полуночи. Он проходит мимо жилищ господ консулов. Тут шествуют мифологические божества, большинство действ, множество барабанщиков, дудочников и факельщиков, а также большая колесница, на которой восседают Юпитер, Юнона, Венера и за которой следуют „Три парки". На следующий день, в восемь часов, „Базошские жезлоносцы" являются за сановниками и отправляются к своему „Королю", а оттуда, вместе с парламентом, к Спасителю, слушать обедню. Затем „Базош" обедает за счет прокуроров и нотариусов, а парламент — за счет капитула.

Действа возобновляются в два часа, когда „Дружина аббата", или „Аббадия", входит в собор Спасителя, причем жезлоносцы играют своими жезлами перед главным алтарем, фузелеры дают там мушкетные залпы, а у „Наместника аббата", у „Знаменосца аббата" и у самого „Аббата" в руках букеты. Туда же входят „Базошская дружина", а равно „Знаменосец" и „Наместник принца" со своими жезлоносцами. У этих сановников, так же, как у сановников „Аббадии" и „Базоша", в руках букеты цветов, и их костюмы из белого, зеленого, желтого, розового и голубого шелка производят приятнейшее впечатление разнообразием своих красок.

В четыре часа у Спасителя выносят святые дары, и нотариусы, университет, прокуроры, духовенство в мантиях, парламент в красных робах, генеральные казначеи, сенешальский суд и конная стража выходят процессией на улицу. После этого все собираются на Перспективе, где кареты следуют друг за другом, двигаясь шагом.

Как раз к концу дня тела господня,— добавлял мсье де Ларсфиг,— распространился слух о морском сражении, данном нашими кораблями и галерами у берегов Сицилии, с неблагоприятным для королевского оружия исходом. Говорилось, будто потоплено много кораблей и погибло несколько галер. Эта молва, переходя из уст в уста, достигла и мсье де Сегирана, которого многие посетили в этот вечер, ибо всем было известно, что этой эскадрой, сильно будто бы пострадавшей, командовал его брат Моморон и что кавалер де Моморон не такой человек, чтобы беречь себя в подобных случаях, где он всегда делал все, что мог, для чести своего рода и для славы его величества». * * *

Мсье де Галларе, капитан галерного флота,

господину графу де Сегирану,

в собственном доме, в городе Эксе[2].

На «Отважной»,

у берегов Сицилии, июля 12 дня 1676 года.

Милостивый государь, Вы, вероятно, уже осведомлены о смерти господина кавалера де Моморона, и прежде, нежели приступить к правдивому рассказу о событиях, которые были ей причиной, я позволяю себе выразить Вам чувства, внушаемые мне этой великой утратой. Если бы моя скорбь о ней могла смягчить, насколько это возможно, испытываемую Вами! Служба его величества с кончиной господина кавалера лишилась выдающегося офицера, и вся эскадра сознает тягость понесенного ею в его лице ущерба. Что особенно прискорбно в смерти кавалера де Моморона, это то, что она не принадлежит к числу тех, плачевность коих сливается с выгодой крупной победы и таковою, так сказать, умеряется. В подобных случаях личные печали тонут в блеске славы, в коем мы черпаем утешение. К сожалению, обстоятельства, стоившие жизни мсье де Моморону, не вполне такого рода, в чем Вы убедитесь сами, но и не таковы, как о том прошла молва, гласившая, весьма ошибочно, будто наши морские силы понесли от неприятеля значительный урон. Такие ложные слухи, впрочем, не редкость, но в настоящем случае они основывались на событии, которое несколько не похоже на то, как его изобразили, оно все же глубоко горестно само по себе.

Галерная эскадра, как Вам, милостивый государь, известно, вышла из Марселя апреля двенадцатого дня. Мсье де Моморон держал флаг на «Защитнице», я же командовал «Отважной», сопутствующей «Дофиной», «Силой», «Короной», «Фортуной» и «Славой». Мы шли совместно при попутном ветре, как под парусами, так и на веслах, и беспрепятственно достигли берегов Сицилии, где крейсировали корабли, с которыми нам надлежало соединиться, дабы всеми мерами противодействовать замыслам неприятеля, а ему приписывались весьма серьезные.

В продолжение большей части мая месяца, каковой выдался превосходным, мы находились в море, надеясь на появление грозного противника, о котором мы были извещены, но который весьма медлил показываться, от чего кавалер де Моморон приходил в ярость, ибо ему не терпелось заявить себя каким-нибудь выдающимся подвигом; но, что ни день, его надежда оказывалась обманутой, ибо ни один вражеский корабль не показывал носа и не видно было ни одного подозрительного паруса, за которым стоило бы пуститься в погоню.

Таково было положение дел, как вдруг, июня первого дня, поднялся ветер и вскоре достиг такой силы, что море очень быстро разбушевалось. Эта сумятица сопровождалась грозой и дождем, ввиду чего мы решили укрыться в Пьетраросском заливе, где хорошая якорная стоянка. Корабли и галеры удобно могли там разместиться и спокойно переждать непогоду. Она продержалась несколько дней, и только к концу четвертого дня буря утихла, сменившись, что в этих местах и в это время года случается редко, густым туманом, разошедшимся только к середине пятого дня. Тут мы с изумлением увидели, что двух галер нет на месте. Одна из них была «Фортуна», под командой мсье де Гальбрана, а другая – «Защитница», кавалера де Моморона.

Это исчезновение весьма нас удивило. Мсье де Моморон о своем уходе не оповещал, равно как и мсье де Гальбран. Быть может, их галеры были унесены из залива силой ветра или каким-нибудь морским течением? Мы строили всякого рода предположения, как вдруг гул канонады вывел нас из неизвестности. «Защитница» и «Фортуна», очевидно, схватились с неприятелем, и надо было лететь им на помощь. Я двинулся с «Отважной» во главе остальной эскадры, в то время как корабли снимались с якоря, чтобы следовать за нами, хотя при слабом ветре это было и нелегко.

По мере того как мы приближались, идя на веслах, к месту боя, шум его все отчетливее

доносился до наших ушей, но только когда мы обогнули мыс Пантермо, мы поняли, что происходит... Кавалер де Моморон был, надо полагать, извещен каким-нибудь местным рыбаком о присутствии в этом недалеком от нас месте побережья четырех больших неприятельских кораблей, по-видимому, отставших от своего флота и укrywшихся здесь от бури. И вот кавалер де Моморон, влекомый жаждою славы, составлявшей одну из черт его характера, и природною смелостью духа, решил отважиться, почти один, на предприятие, к которому приобщил стоявшую рядом «Фортуна», с которой мог снестись при помощи рупора. Каким образом удалось этим двум галерам в такой густой туман пройти фарватер и выйти в море, этого мы никогда не узнаем, и это остается совершенно загадочным. Достоверно только то, что это чудо они совершили; но увy, имелось другое, которое оказалось им не по силам, а именно одолеть вдвоем четыре высокобортных корабля. И действительно, когда мы очутились в виду сражающихся, то увидели, как «Фортуна» взлетела на воздух с великим взрывом и в туче дыма. Что же касается «Защитницы», то, сжатая меж двух наиболее крупных кораблей, сокрушавших ее пушечной и ружейной пальбой, она представляла лишь грудy окровавленных обломков и на наших глазах, под последним залпом, погрузилась кормой, вскинув шпирон, в то время как корабли, пострадав в этой яростной схватке и не желая вступать еще в одну, поворачивали на другой галс и, пользуясь поднявшимся ветром, уходили на всех парусах.

Первой нашей заботой было подойти к тому месту, где потонули «Защитница» и «Фортуна», чтобы подобрать уцелевших. Море было еще местами красно и покрыто множеством всякого рода обломков, досками, бочками, кусками весел, ключьями флагов и парусов; но ядра и пули произвели на обеих галерах такое опустошение, в смысле убитых и смертельно раненных, что ничей крик не звал нас на помощь. Все офицеры и солдаты погибли, равно как и шиурма, которая, будучи прикована к банкам, пошла ко дну вместе с галерами. А потому мы никогда бы ничего не узнали об этой неистовой затее, если бы вдруг не заметили трех несчастных, ухватившихся за бочку, которых я и велел поднять на «Отважную» и из которых двое оказались как раз турецкими невольниками кавалера де Моморона, по имени Али и Гассан. Третьим же был один из каторжан с «Защитницы», которого ядро, кстати, расковало, оторвав ему ногу, и который благодаря такой случайности продержался на воде с помощью обоих турецких невольников, пока им всем не оказали помощи.

Как только их приняли на «Отважную» и дали выпить для подкрепления сил, я пошел их расспросить. Тут-то я и узнал от этих турецких невольников, довольно хорошо изъясняющихся по-франкски, кое-какие подробности относительно несчастной экспедиции, стоившей нам «Защитницы» и «Фортуны», вместе с их экипажем. Едва завидев неприятельские суда, мсье де Моморон атаковал их с необычайной яростью и с самонадеянностью, весьма удивительной для столь опытного моряка, у которого не могло быть сомнений в исходе столь неравного боя. Это показалось мне настолько странным, что я спросил Али и Гассана (которых мсье де Моморон употреблял для личных услуг и которые благодаря этой своей службе ходили без оков, почему и спаслись), в здравом ли уме был мсье де Моморон, когда приказал тайно сняться с якоря и броситься на врага. После некоторого колебания старейший из турок признался мне, что последнее время мсье де Моморон был в самом мрачном расположении духа и прибегал, чтобы его рассеять, к частым приемам водки; что это настроение выражалось в сугубом истязании шиурмы и вызывалось, вероятно, скорбью мсье де Моморона о смерти одного из его молодых офицеров, мсье Паламеда д'Эскандо, с которым он жил, если можно так сказать, скорее на турецкий, нежели на французский лад; что если я хочу узнать об этом поподробнее, мне стоит только расспросить лежащего рядом человека, но что я должен поторопиться, ибо с такой тяжелой раной он едва ли долго проживет.

При этих словах я взглянул на третьего из выловленных нами уцелевших. Он лежал на канатах, и судовому хирургу не удавалось остановить струившуюся из его раны кровь, вместе с которой уходила жизнь. И потому он был очень слаб и крайне бледен. Не будучи высок

ростом, он казался стройным и сильным, несмотря на худобу, к которой его привело тяжелое ремесло гребца. Когда я взгляделся в него внимательнее, мне показалось, что я где-то уже встречал это лицо, и вдруг я вспомнил, что это тот самый молодой человек, который играл на флейте в оркестре мсье де Моморона, когда Вы, милостивый государь, посетили вашего брата на корабле, и которого тот за фальшивую ноту ударил по голове тростью, так что пошла кровь. Теперь у бедняги кровь шла по-другому, но все-таки, когда я дал ему выпить еще, он как будто немного пришел в себя и открыл глаза, а они были у него замечательно красивые. Я воспользовался этим роздыхом и задал ему несколько вопросов, касавшихся хода сражения. Он ответил мне слабым голосом, но весьма учтиво, что так как это был первый и в то же время последний бой, в котором он участвовал, то в этом деле он не знаток; все, что он может сказать, это то, что он не прочь был посмотреть на такую бойню, ибо если Бог допустил подобную ей меж людьми, то очевидно дьявол больше, нежели он, участвует в управлении миром, что не помешало обеим галерам вести себя самым доблестным образом, от последнего гребца до капитанов; что сам он старался как мог, но что за это он был вознагражден удовольствием видеть, как кавалер де Моморон постоял несколько мгновений в своей кормовой беседке без головы и шляпы, оторванных ядром; что это зрелище достаточно примирило его с дурным обращением и всякого рода оскорблениями, коими мсье де Моморон не переставал его преследовать, взяв к себе на судно, чтобы вдоволь выместить на нем смерть молодого Паламеда д'Эскандо, которого он убил злополучным ударом шпаги в Кармейранском замке, за что и был сослан на каторгу, хоть он и дворянин и зовут его мсье де Ла Пэжоди.

Вы легко поймете, милостивый государь, что эта речь повергла меня в крайнее изумление. Я кое-что слышал об этой истории мсье де ла Пэжоди и мсье Паламеда д'Эскандо, хоть и был на Мальте, когда она случилась. Пусть мсье де Ла Пэжоди и был каторжник, в нем все же чувствовался дворянин. Преступление же свое он в достаточной мере искупил тем смертельным состоянием, в котором находился. А потому я был бы рад подать ему хоть какое-нибудь облегчение. Я это ему сказал, и он, казалось, был тронут моим отношением. «Знаете, сударь, – таковы были приблизительно его слова, – я не нахожу, чтобы мне так уж стоило соболезновать. Я видел славный бой и, так как умереть все равно нужно, я не жалею, что поплатился в нем жизнью. На своем веку я не знавал особенно завидных радостей и испытал участь, которой не пожелаю ни одному человеку, если только он не готов считать заранее, что и наихудшая вполне естественна и что мы подвластны своей звезде. Мне однажды предсказали в Париже, когда я как-то кутил с бароном де Ганневалем, который свел меня к ворожее, что я пострадаю от морского светила. Я вижу, что это была правда, и кавалер де Моморон взялся оправдать предсказание с помощью эксских судей, хоть я и не хочу этим сказать, будто я осужден несправедливо. Я действительно, сударь, убил этого дурачка Паламеда д'Эскандо, но не по той причине, которая приводилась и которая навлекла на меня совершенно понапрасну ревнивую ненависть этого бедняги Моморона. Да, сударь, что меня бесит, так это то, что могли подумать, будто Марк-Антуан де ла Пэжоди мог любить что бы то ни было, кроме женщин. Они были, сударь, главным моим делом, и ради одной из них я и гибну, ибо я чувствую, что жизнь меня покидает и...»

С этими немного неясными словами мсье де Ла Пэжоди впал в забытие, и мы уже думали, что он кончается, но он снова открыл глаза и, воспользовавшись этим, я предложил ему послать за священником. Услышав это предложение, мсье де Ла Пэжоди собрал последние силы, чтобы его отклонить, сказав довольно забавно, что если, будучи жив и здоров, он не обладал достаточной силой разума, чтобы верить в Бога, то не в таком упадке, как сейчас, ему пытаться это сделать, причем добавил, что после галеры ему не страшен и ад, но что раз я так добр, что забочусь о нем, то он просит похоронить его тело на берегу, под небольшим курганом, куда сицилийские пастухи приходили бы посидеть, пася свои стада, и порадовать его тень звуками флейты. Говоря так, мсье де Ла Пэжоди надул щеки и пошевелил пальцами, словно играя на невидимой нами флейте, и умер совсем тихо.

Я велел поступить с мсье де Ла Пэжоди так, как он пожелал. Что же касается кавалера де Моморона, то его тело нашли несколько дней спустя в береговой бухте, и я велел соорудить ему подобающий надгробный памятник в церкви городка Пьетраросса, пока мы ждали возвращения неприятельского флота. Он так и не показывался по сей день и, возможно, не появится вовсе. Такую боязливость объясняют героическим безумием кавалера де Моморона и теми повреждениями, которые наши две галеры причинили четырем большим кораблям, столь жестоко ими потрепанным. Этот блистательный воинский подвиг украшает громкой славой память кавалера де Моморона, и я полагал, милостивый государь, что Вам будет приятно узнать, что его прекрасная смерть не прошла бесследно для королевского величия. Засим мне остается просить Вас, милостивый государь, считать меня Вашим нижайшим и покорнейшим слугою.

Галларе

VII

Мадам де Сегиран никогда не выходила из подъезда своего дома без того, чтобы не бросить взгляд на двух атлантов, которые стояли по обе его стороны, поддерживая карниз своими могучими плечами. Она любовалась их мощной мускулатурой и всякий раз желала такой же ребенку, которого носила в своем чреве, ибо через несколько месяцев ей предстояло подарить наследника славному роду Сегиранов.

После героической смерти кавалера де Моморона мсье де Сегиран остался единственным представителем этого рода и потому удвоил усилия, дабы таковой продолжить. Он даже выписал в Экс знаменитого мсье Дагрене, чтобы тот осмотрел его жену. Старичок, ради памяти покойной маркизы де Бериси, согласился совершить этот дальний путь, и его приезд был выдающимся событием. Весь город, как в большие дни, высыпал к окнам, чтобы при этом присутствовать. Безобразная фигура и диковинный парик мсье Дагрене возбуждали живейшее любопытство не менее, чем его старомодная карета, окна которой завешивались кожаными шторками, подымавшимися в хорошую погоду, и чем ходившие рассказы о его замечательном искусстве и чудаковатом характере.

Пока он был в Эксе, к нему за советом стекались за двадцать лье из окрестных мест, к великой злобе его эксских собратий против этого парижского пришельца, отнимающего у них хлеб изо рта в их же доме. Все это время сегирановский особняк, где заседал мсье Дагрене, был полон народа. Все рези, все подагры, все одышки, все золотухи города и округа прошли через руки этого ученого мужа, так что, когда мсье Дагрене уезжал, его карета едва могла сдвинуться с места, до того она была нагружена мешками с серебром и отягощена стопками золотых. Лепта мсье де Сегирана была не из наименьших, ибо ему дорого обошлось услышать из уст знаменитого мсье Дагрене, что лучший и вернейший способ добиться желаемого, это, в конце концов, поступать так же, как и раньше, и продолжать в том же духе, ибо у природы нет оснований до бесконечности отказывать ему в том, чего он от нее ждет при посредстве мадам де Сегиран, в телесном отношении вполне к тому, как и он сам, предрасположенной. Этот визит и этот вердикт мсье Дагрене премного рассмешили мсье д'Эскандо Маленького, когда тот о них узнал, но больше этому злому человеку радоваться уже не пришлось, ибо три месяца спустя после отъезда мсье Дагрене было, наконец, объявлено о беременности мадам де Сегиран, причем стало известно, что таковая протекает в условиях, позволяющих питать самые твердые надежды, к великой радости мсье де Сегирана, по-видимому, разделявшей и его супругой, чья красота стала как-то спокойнее и мягче, словно ожидание этого счастливого события преисполняло ее самоудовлетворения, дотоле ей неведомого.

Новизна ее положения заставила мадам де Сегиран усвоить новое поведение, соответствующее столь неожиданным обстоятельствам. Она начала крайне заботиться о своем здоровье, окружив себя самым внимательным уходом и мелочными предосторожностями, которым иной раз даже улыбался добрый мсье де Сегиран. Он был настолько полон гордости, что уже не сомневался в возможности для него и впредь повторять, по желанию, в своей жене явление, вызванное его мужественным упорством и казавшееся ему теперь столь естественным, что он находил даже несколько преувеличенным внимание, которое та этому явлению уделяла. Мадам де Сегиран не прекословила и только удваивала осторожность, избегая каких бы то ни было толчков и неосмотрительных движений и входя во все мелочи своего питания. Мадам де Сегиран считала, что во всем этом она действует в согласии с божественной волей, которая, признав ее достойной родить, тем самым изъявляла, что, Бог принял ее сокрушение и внял раскаянию. Ее грех настолько умер в ней, что она могла, наконец, сознаться в нем и получить отпущение. Как она положила себе, она его истребила собственными силами. Разве не служили тому доказательством ее равнодушие ко всему плотскому и отсутствие в ней всякого вожделения, внушавшие ей чувство безопасности, подтверждаемой к тому же, для большей верности, и тем безучастием, с которым она отнеслась к известию о смерти мсье де Ла Пэжоди? Письмо мсье де Галларе окончательно ее успокоило. Разве не свидетельствовали последние слова мсье де Ла Пэжоди о его неисправимом нечестии, и то, что он разделил грех, который она с ним совершила и в котором он ей помог, ничем не повлияло на неминуемость его осуждения. Итак, для мадам де Сегиран настало, по-видимому, время вернуться к добрейшему мсье Лебрёну и положить предел удивлению, вызванному в этом достойном человеке тем, что столь набожная особа, как она, может так долго воздерживаться от таинств. Но в удивлении мсье Лебрёна не было ни малейшего любопытства, и он принимал его со спокойной душой. К тому же, оно приходило к концу. На пасху мадам де Сегиран решила приблизиться к алтарю.

К этому событию она подготовлялась молитвой и размышлениями, отказавшись, с тех пор, как она была беременна, от постов и истязаний, равно как от посещения бедных и ухода за больными. Она реже ходила и в церковь. Но так как близилась страстная неделя, то она задумала побывать в некоторых храмах. Неделя эта справляется в Эксе с великим благочестием. Там изображают положение во гроб с фигурами из раскрашенного воска, которые укладывают среди зажженных свеч, и очень многие приходят им поклониться. В этом году, в страстной четверг, рака в церкви святого Бонифация особенно привлекала набожное любопытство. Добрейший мсье Лебрён получил от одной из своих духовных дочерей довольно значительную денежную сумму для изготовления такой раскрашенной восковой фигуры и обратился с этой целью к искусному художнику, так что все очень хвалили это святое творение и перед ним с утра теснилась толпа.

Мадам де Сегиран, опасаясь, ввиду своей беременности, всякой давки, села в карету и поехала к святому Бонифацию, выбрав такое время, когда в церкви не должно было быть народу, ибо большое скопление ожидалось в соборе, где произносил проповедь монах-францисканец. Мсье де Сегиран, помолившись еще утром, отпустил ее одну. И таким образом, выйдя из кареты и велев своим людям ждать ее на площади, она вошла в двери и вступила в храм, не сопровождаемая никем. Ввиду указанных мною обстоятельств церковь была совершенно пуста, и в ней было довольно темно. Мадам де Сегиран свободно двигалась вперед, идя на огонь свеч, озарявших часовню, где стояла рака. Дойдя дотуда, мадам де Сегиран опустилась на колени, потом, после краткой молитвы, подняла взор к святому изображению. Оно представляло Спасителя таким, каким его, снятого с креста, положили в гробницу воскресения. Художник, к которому обратился мсье Лебрён и который работал одно время в мастерской знаменитого Пюже, в Марселе, придал божественным останкам жестокую правдивость. Он в точности передал худобу туловища, рук и ног, равно как кровавые язвы на боку, на ладонях и на ступнях. Искусно раскрашенный воск подражал их сгусткам и сукровице. Дальше некуда было идти в подражании природе, и колеблющееся пламя свеч, из которых иные только что погасли и еще дымились, сообщало этому образу

нечто фантастическое, усугубляемое тишиной часовни и безлюдием окрест.

Мадам де Сегиран не могла оторвать взгляда от этого зрелища и, опустив на миг глаза, снова поднимала их к кровавому изображению божественного страдальца. И вот раз, взглянув на него таким образом, она почувствовала себя охваченной странным смутением. Ей вдруг показалось, что восковой человек пошевелился и незаметным движением положил на сердце руку, которую дотопе держал простертой вдоль тела. Несмотря на волнение, вызванное в ней подобной странностью, мадам де Сегиран довольно быстро оправилась. Ей, по-видимому, померещилось, и она пристальнее всмотрелась в изображение, породившее в ней этот обман чувств, дабы удостовериться, что ошиблась. Но вот тот же миг ей показалось, что одна из ног статуи, лежавших вытянутыми, приподнялась, в то время как весь облик явственно преобразался. Правда, мадам де Сегиран не могла бы сказать, в чем именно состояло это преобразование, но она все же ощущала его неуловимую подлинность. Перед глазами у нее лежал все тот же мертвый Христос, со своими язвами, и все же мадам де Сегиран смутно чувствовала, что это уже не он. По мере того, как в ней росло это ощущение, ею овладевал глухой страх, словно при приближении какого-то таинственного события, ожидание которого неведомою силой удерживало ее на месте. Она пыталась молиться, но ее губы оставались немые, а сердце замкнуто, и она слушала его стремительные биения, меж тем как ее глаза не могли оторваться от этого воскового истукана, и холодный пот, проступивший у нее на лбу и на затылке, стекал ледяными каплями между плеч, пронизывая всю ее дрожью. Ее колени словно прилипли к каменному полу и были тяжелей свинца. Она хотела встать, но усилие, которое она делала, чтобы подняться, было так мучительно, что с ее бесцветных губ сорвался слабый стон, вдруг перешедший в крик ужаса. Протянув вперед руки, с раскрытым от муки ртом, с диким взглядом, мадам де Сегиран силилась отстранить возникшее перед ней страшное видение. Ибо восковая фигура уже не лежала перед ней в своем саване, со своими божественными ранами, среди свеч. Она стояла во весь рост, освобожденная от складок плащаницы, в ужасном воскресении. И этот образ уже не был образом Христа. То не был облик Бога, а облик человека со всем его человеческим телом. И вдруг мадам де Сегиран узнала это тело, эти руки, эти ноги, это лицо. Этот лоб она видала обгаренным кровью оскорбления; это тело, она это знала, изнывало под ударами; эти щиколотки были закованы в обруч; эти уши слышали брань аргузинов и повиновались свистку комитов; эти глаза, полные ужасов боя, закрылись в изнеможении смерти. Ах, она его узнала, призрак своего желанья, орудие своего греха, любовника своих грешных ночей! Ибо то был действительно он, поднявшийся перед ней во весь рост, он, которого она обрекла тягчайшей участи, чью память она хотела похоронить в забвении и покаянии, он, со своей дерзкой улыбкой и живыми глазами, он, мсье де Ла Пэжоди! И ужас, обуревавший ее при этом зрелище, сливался с какой-то нестерпимой радостью, заставлявшей ее рыдать от сожаления и страсти, ибо из глубины ее тела в ней подымалось знойное и губительное пламя, которое она так уверенно считала погасшим навсегда и чей жгучий и сладостный жар она теперь ощущала в своих жилах. Напрасно, надменная грешница, считала она свой грех умершим. Он снова в ней вставал, яростно живой, неодолимый, вкрадчивый как жизнь и властный как любовь. Он явился на зов грешника, как ручной зверь по знаку хозяина. Она ему принадлежала, она была его. Ах, Ла Пэжоди, Ла Пэжоди, дорогой возлюбленный кармейранских ночей, зачем ты лишь пустая тень, марево крови и тела, призрак сладострастия, чувственная греза восторгов и объятий? Ах, если бы ты был жив, в каком счастливом безумстве она бы бросилась тебе на грудь, твоя грешница! Как бы она обняла тебя, как бы она приникла к тебе, как бы она ласкала твое тело, как бы она целовала твой рот, она, не хотевшая сама себе признаться, что она тебя полюбила с того самого дня, когда увидела впервые, она, измыслившая против тебя странную хитрость и пожелавшая считать, что ты всего лишь разрушитель ее желанья, тогда как ты был его таинственным вдохновителем, она, думавшая тебя забыть, предавая тебя своим молчанием и своим забвением, в то время как, несмотря на все ее уловки, ты, и помимо ее ведома, по-прежнему владел ею сполна; она, обрекая тебя поношениям и чье сердце донине так полно тобою, что твое лицо заменяет для нее самый образ божий! Ах, Ла Пэжоди, отчего не жив ты больше, отчего ты спишь под сицилийским курганом, куда по

вечерам приходят пастухи играть на флейте, у берега моря, меж тем как на горизонте проплывают со своими мачтами и реями, расписанные золотом и лазурью, королевские галеры? Закрыв лицо руками, мадам де Сегиран припала к каменному полу, но вдруг выпрямилась. Она постояла несколько мгновений, потом, широко осенив себя крестным знаменем, бросилась бежать через церковь, задевая стулья, натываясь на столбы, не различая дороги, столько жгучих слез заливало ей лицо. Так она добралась до двери; но, собираясь переступить порог, споткнулась и упала ничком, издавая громкий крик и заслоняя руками живот. * * *

После этого печального случая мадам де Сегиран прожила всего лишь несколько дней. Ризничий святого Бонифация, войдя в церковь, чтобы зажечь свечи, нашел мадам де Сегиран без чувств, простертой на том самом месте, где она упала. Он кликнул сопровождавших карету людей, те подняли мадам де Сегиран и отвезли ее домой, где, несколько часов спустя, она разрешилась мертвым младенцем. Когда она это узнала, она впала в ужасный бред, так что мсье Сегирана пришлось удалить, ибо в забытьи она все время повторяла одно имя, которого, по счастью, никто не мог разобрать, что было и к лучшему, хоть и принято не придавать особого значения словам, произносимым умирающими среди предсмертных хрипов и икоты. Но так как наступило некоторое успокоение, решили им воспользоваться и послать за священником. Обратились к добрейшему мсье Леброну, который и принял исповедь мадам де Сегиран. После чего она снова потеряла сознание. Словно изнуренная сделанным усилием, она впала в летаргию и, ни на минуту не приходя в себя, скончалась ночью, совсем тихо. Мсье де Сегиран очень скорбел о смерти своей жены и пережил ее ненадолго. Он тоже умер, как раз собравшись жениться третьим браком на сестре мсье де Галларе, ибо, несмотря на неудачу первых своих двух супружеств, он не отказался от надежды иметь потомство и опровергнуть предвещения мсье д'Эскандо Маленького, за которым, однако же, осталось последнее слово. Я не раз задавал себе вопрос, не от этого ли мсье де Галларе мсье де Ларсфиг знал некоторые подробности, касающиеся любви мадам де Сегиран и мсье де Ла Пэжоди, в которых он был, по-видимому, вполне уверен, хоть они и относились к самым тайным их чувствам. Быть может, умирая, мсье де Ла Пэжоди больше рассказал мсье де Галларе, чем тот сообщил мсье де Сегирану, и одно место в том письме, которое мсье де Галларе написал последнему по случаю сражения при Пьетрароссе, позволяет так думать. Что же касается странного видения в церкви святого Бонифация, то я не могу предположить, чтобы мсье де Ларсфиг мог о нем узнать из уст добрейшего мсье Леброна, хотя к концу своей жизни этот достойный пастырь стал крайне болтлив и так ослабел главой, что сам не знал, что говорит; но не было случая, чтобы какой-либо священник когда-нибудь, даже невольно, нарушил тайну исповеди. Молчание тех, кому она доверена, обеспечено особой помощью божьей. В этой фантазмагии я готов скорее видеть вымысел мсье де Ларсфига, имеющий целью объяснить события, о которых никто ничего не знал, кроме того, кто был их почтенным блюстителем и кто, как я уже сказал, вне подозрений. Мсье де Ларсфиг обладает, к тому же, воображением своих земляков, а известно, что провансальцы таковым славятся. И все же я не сомневаюсь, что он изложил мне историю мадам де Сегиран и мсье де Ла Пэжоди со всей мыслимой точностью или, за невозможностью таковой, с наиболее приближающимся к ней правдоподобием. Она служит довольно хорошим примером тех странных безумств, которые любовь может породить в женской голове, в особенности если сюда еще примешивается превратно усвоенная религиозность. Так говорил и мсье де Ларсфиг, и это он мне повторил в тот день, когда свел меня посмотреть в ризнице святого Бонифация донны там хранимую восковую фигуру. Добрейший мсье Лебрен велел перенести ее туда и запретил выставлять ее впредь в страстной четверг. Это довольно посредственное и грубое изображение, что бы там ни утверждал мсье де Ларсфиг, и его никак нельзя сравнивать даже с наименее законченными работами знаменитого Пюже из Марселя. В нем нет ровно ничего замечательного.

Примечания

1

Об этом письме мне было сообщено мсье де Ларсфигом, когда он рассказывал историю второй мадам де Сегиран и мсье де Ла Пэжоди. Впоследствии оно было передано мне вместе с некоторыми бумагами из наследия мсье де Ларсфига. Мне неизвестно, каким путем оно к нему поступило.— Прим. авт.

2

Настоящее письмо, подобно тому, которое я привел в другом месте этого повествования, происходит из бумаг мсье де Ларсфига; мне точно также неизвестно, каким путем оно к нему поступило.